

Сибирскій НАБЛЮДАТЕЛЬ.

L'OBSERVATEUR SIBÉRIEN.

(ВЫХОДИТЬ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ).

Книга 10.

ТОМСКЪ.

Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.

1901.

Октябрь (October)

1901

Содержание

НАБЛЮДЕНИЯ

Дозволено цензурою. Томскъ, 3 ноября 1901 года.

КНИГА 10.

ТОМСКЪ

Печатня Типо-Литографія П. Н. Мухоморова

1901

Приангарскій край въ этнографическомъ отношеніи.

(Продолженіе, — см. кн. № 6 за текущій годъ).

Приангарскіе крестьяне большіе любители до хорошей, сытной ѣды и бабы ихъ отличаются умѣньемъ готовить кушанья. Въ предъидущей статьѣ я уже сообщалъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, употребляемыхъ ангарскимъ населеніемъ, и теперь перейду къ дальнѣйшему описанію ихъ.

Кашу—любимую пищу крестьянъ—варятъ такъ: вскипятятъ сначала молоко, потомъ, насыпавъ въ него пшеничной муки, снова варятъ, такъ что получается кушанье довольно пріятное на вкусъ.

Толокно—кушанье бабъ и молодежи—приготавливается слѣдующимъ образомъ: овесъ кладется въ кадушку съ горячей водой, куда опускаютъ такихъ-же камней, чтобы распарить овесъ. Прѣтеть онъ съ полудня до утра, тогда вынимается и кладется на печь подъ крышку, чтобъ могъ лучше разсолодѣть. Лежитъ онъ такъ до слѣдующаго утра и затѣмъ сушится, чтобы поступить въ ступу, гдѣ сбивается съ него кожица. Послѣ этого зерно переходитъ на мельницу, откуда и получается толокно, которое, будучи заварено горячей водой, составляетъ довольно вкусное и сладкое кушанье, вродѣ десерта.

Пиво—любимое угощеніе въ праздники и для пріѣзжихъ гостей—приготавливается изъ квасниковъ, которые, наломавъ кусками, кладутъ въ горячую воду. Когда они размокнутъ и остынутъ, жидкость эту выливаютъ въ чанъ, куда добавляют воды, кладутъ немного муки, мѣшаютъ и опускаютъ горячіе камни, отчего смѣсь закипаетъ, причемъ, при мѣшаніи ея, стараются, чтобъ пѣна не вылѣзала наружу. Когда кипѣніе прекратится, жидкость спускаютъ въ отверстіе — и получается пиво, которое студятъ, а затѣмъ прибавляютъ въ него дрожжей, отчего оно дѣлается сильно хмѣльнымъ. Если-же въ эту жидкость положить булки, то получается, такъ называемое, булочное пиво.

Прежде употреблялся еще овсяный кисель, но теперь онъ вышелъ изъ употребленія.

Масляничное приготовленіе довольно разнообразно, благодаря подражанію мѣстной аристократіи—волостнымъ писарямъ. Тутъ уже вы встрѣтите вафли и розанцы—продукты городской жизни, а свое-же мѣстное составляютъ пышки или, какъ называютъ ихъ здѣсь, орѣшки, хворосты—круглые сочни изъ муки.

Въ постные дни, здѣсь строго соблюдаемые, ѣдятъ за обѣдомъ постныя щи изъ рыбы или изъ отрубей, которыя заливаются водой, процѣживаются и, затѣмъ, варятся съ крупой. Воду эту они называютъ „цѣжомъ“. Послѣ щей „хлебають“ квасъ съ капустой, ѣдятъ вареный картофель и постную кашу изъ ячменя, а иногда подается еще кисель изъ муки.

Къ числу лакомствъ во время весны нужно отнести луковицы сараны, которыя ѣдятъ сырыми и печеными; затѣмъ, употребляютъ еще „секоулю“. Для полученія ея срубаютъ небольшую сосну, верхнюю кору которой сдираютъ, а нижнюю болонь снимаютъ лентами и ѣдятъ. Хотя это лакомство невкусно и приторно, но мѣстнымъ гастрономамъ оно нравится.

Отъ сытнаго обѣда хорошо и спится, а ангарецъ любитъ поспать, тѣмъ болѣе, что его, некультурнаго, суевѣрнаго, живущаго среди суровой природы, сонъ уноситъ въ міръ иллюзій, загадочнаго, которому у него есть свои объясненія и которымъ онъ, будучи дѣтски наивенъ, глубоко вѣритъ. Какъ велики объясненія сновъ у приангарскаго крестьянина—мы не знаемъ, но, судя по тому, что каждый изъ нихъ выводитъ свои заключенія о видѣнномъ снѣ изъ того, что случилось съ нимъ послѣ него, можно полагать, что сонникъ у ангарца довольно таки разнообразенъ. Пояснимъ это примѣромъ: если послѣ видѣннаго сна случится что-либо хорошее, то, значить, видѣнный во снѣ предметъ видится къ добру, и наоборотъ.

А вотъ и объясненіе нѣкоторыхъ сновидѣній: видѣть черемху—къ слезамъ, церковь—къ худу, домъ новый—къ покойнику, воду—къ волѣ, красную рыбу—къ худу, медвѣдя—къ добру, мальчика—къ вѣстямъ, попа—къ худому; если черный конь мнетъ тебя—къ худу; если коня осиливаешь—къ добру; печь или колода на тебя упадетъ—къ худу; зубъ выпалъ—кто нибудь въ роду умретъ; дѣвицѣ попа въ платѣ увидать—къ замужеству.

Сонъ, видѣнный на праздникъ, исполняется до обѣда въ праздничный-же день.

Вѣра въ сны приближаетъ человека къ суевѣрію, а ангарскій крестьянинъ, живя въ лѣсу, вдали отъ тракта, будучи почти поголовно безграмотенъ,—слишкомъ суевѣренъ, но, къ сожалѣнію, я могу подѣлиться здѣсь немногими суевѣріями.

Въ село Чадобское назначенъ былъ вдовый священникъ, во время первыхъ мѣсяцевъ служенія котораго умерло семь женщинъ. Крестьяне старались отыскать причину такой „напасти“ и, думая и гадая не разъ, наконецъ, пришли къ такому объясненію: народъ мретъ отъ того, что попъ вдовецъ. Заволаивались мужики, заговорили: „не надо намъ его, подадимъ просьбу, чтобы отъ насъ его убрали, а то весь народъ перемретъ“.

Вѣра въ лѣшихъ, водяныхъ и другую нечисть слишкомъ велика у приангарскаго населенія. По мнѣнію его, лѣшіе живутъ въ каждомъ лѣсу, что являются они въ видѣ мужика безъ бровей. Дружбу съ лѣшимъ считаютъ дѣломъ нехорошимъ и вызывать его поэтому боятся, опасаясь того, что вызовешь его, то, значить, дружбу поимѣешь. А чтобъ вызвать лѣшаго, нужно, по понятіямъ крестьянъ, взять вина и итти въ лѣсъ, гдѣ сказать: „иди лѣшій пить вино“. Говорятъ, что кто знается съ лѣшимъ, то у того непременно скотина падетъ, а по другимъ толкованіямъ—тому, кто ведетъ дружбу съ лѣшимъ, онъ посылаетъ въ ловушки ихъ всякаго рода звѣрей, въ благодарность за что ему вѣсятъ на дерево перваго попавшагося въ ловушку звѣрька, не снимая съ него шкурки.

Вѣрятъ еще, что знающемуся съ лѣшимъ помирать трудно и мучительно.

Чтобы чортъ не утопилъ при купаніи, недостаточно того, что на тебѣ крестъ надѣтъ, а нужно, чтобы былъ на шеѣ еще плакунъ-корень, который, обыкновенно, зашитымъ въ тряпочку носятъ вмѣстѣ съ крестомъ.

Когда весной садятся въ первый разъ въ лодку, то кидаютъ водяному кусокъ хлѣба. При переплываніи черезъ рѣку лошади, ей ввязываютъ въ хвостъ ножикъ, или къ уздѣ плакунъ-корень, или багуль для того, чтобы водяной не утопилъ лошадь, при этомъ приговариваютъ: «святая вода, Христова лошадь». Когда въ первый разъ выѣзжаютъ неводить, то, чтобъ умиловитъ водяного и заплучить отъ него побольше рыбки, бросаютъ ему кусокъ хлѣба.

Куделя родиться не будетъ, если передъ Троицинымъ днемъ, до одѣванія березки, будутъ дѣвки или бабы прясть.

Кони будутъ сохнуть, если, давъ имъ сѣна, будешь потомъ откладывать его назадъ.

Считаютъ за грѣхъ плевать за окно въ продолженіи шести недѣль послѣ Пасхи, потому что Христосъ находится въ это время у окна.

Вѣрятъ, что во время полудня есть три несчастливый минуты. Боятся девятого вала, считая его опаснымъ и болѣе сильнымъ.

Крайнее, верхнее перо около хвоста рыбы зовутъ святымъ перомъ и рыба, имѣющая его, считается чистою, въ противномъ случаѣ—она дьявольская и ее опасно брать въ руки.

Если на лицѣ появились прыщи, то говорятъ, что это „призоръ“—люди сглазили.

Чтобы коровы не уходили съ «дойла»—мѣсто, гдѣ доятъ ихъ,—берутъ кусокъ хлѣба и, вкатавъ въ него траву съ того мѣста, даютъ скотинѣ сначала понюхать, а потомъ и съѣсть. Думаютъ этимъ приворожить корову къ мѣсту, чтобы она не уходила.

Чтобы не бояться покойника, изъ савана его выдергиваютъ около ногъ нитки и кладутъ ихъ за пазуху, гдѣ держать до тѣхъ поръ, пока не потеряютъ. Пока какой-либо покойникъ въ деревнѣ не похороненъ, до тѣхъ поръ невѣсть не просватываютъ; вѣрятъ, что если отдать невѣсту при покойникѣ—мужчинѣ, то женихъ будетъ недолговѣченъ, а при покойникѣ—женщинѣ—невѣста будетъ недолговѣчна.

Одинъ богатый крестьянинъ деревни Заледѣевой купилъ часы съ кукушкою, а у него, какъ на грѣхъ, болѣла въ это время жена. Какой-то поселенецъ возьми да и скажи ему, что кукушка—проклятая птица, отчего жена его и болѣетъ. Крестьянинъ, недолго думая, срываетъ съ часовъ кукушку, но жена его, все-таки, не поправилась.

Переходя къ обычаямъ, мы, право, не можемъ сказать, что они сложились силою жизни или общественнаго мнѣнія, что въ нихъ видны завѣты мудрой старины и проявленіе національной самобытности; скорѣе всего обычаи эти есть результатъ суевѣрій, вѣры въ сверхестественную силу, которые, несомнѣнно, слагались постепенно подъ вліяніемъ когда-то болѣе сильной народности—тунгусовъ, обитавшихъ въ значительномъ количествѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ и въ культурномъ отношеніи стоявшихъ едва-ли не выше нынѣшнихъ русскихъ обитателей приангарья. Подъ вліяніемъ времени и новыхъ наслоеній вродѣ ссыльнаго элемента и другихъ причинъ, обычаи народа видоизмѣнялись, нарастали новые, благодаря некультурности его и безсознательной воспріимчивости, не имѣвшей возможности критически относиться къ новшествамъ, вносимымъ новыми людьми. Этнографъ, хорошо знакомый съ этнографіей Россіи и Сибири, полагаю я, въ состояніи разобратся въ матеріалахъ, даваемыхъ мною, и найти въ нихъ, быть можетъ, преемственную связь съ обычаями и суевѣріями другихъ національностей.

Не имѣя времени привести эти мѣстные обычаи въ систематическій порядокъ, я буду приводить ихъ, такъ сказать, *ad libitum*.

При постройкѣ дома, во всѣ углы нижняго ряда бревенъ кладутъ деньги, тряпье, шерсть и хлѣбъ. Хлѣбъ кладутъ подъ „свѣтной“ уголъ, чтобъ онъ во-

дился у хозяина, деньги—подъ другой передній уголъ съ тою-же цѣлю; шерсть и тряпье въ остальные углы, чтобы скотъ плодился и чтобы одежда была въ избыткѣ, или чтобы льны родились лучше. Подъ матицу также въ углы кладутъ деньги. Послѣ окладки дома гуляютъ, послѣ подъема матки также и въ тотъ день не работаютъ, хотя бы матица была поднята утромъ.

При переходѣ на новоселье берутъ кусочекъ хлѣба и идутъ съ нимъ въ старую избу и зовутъ оттуда съ собой „сусѣдку“, котораго считаютъ хозяиномъ дома и какой, по мнѣнію крестьянъ, есть въ каждой избѣ. Если-же не позвать сусѣдку, то онъ будетъ выть. Зовутъ его такъ: „дѣдушка, сусѣдушка, пойдѣмъ съ нами“, а когда входятъ на новоселье, то говорятъ: „дѣдушка, сусѣдушка, пусти, полюби“. Когда впускаютъ новую скотину во дворъ, то говорятъ: „дѣдушка, сусѣдушка, пой, корми, люби“. Когда запускаютъ овецъ въ хлѣвъ послѣ лѣта, то приговариваютъ: „дѣдушка, сусѣдушка, иди въ хлѣвъ съ овечками, пой, корми“. Если же не сказать этого, то онъ будетъ „маять“ овецъ. Вѣрятъ, что если сусѣдка любить лошадь, то завиваетъ у нея косы, а если не любить, то маетъ ее, ѣздитъ на ней по воду, отчего лошадь бываетъ потная. Въ такихъ случаяхъ, т. е. чтобы сусѣдка пересталъ мучить скотину, привѣшиваютъ къ ней колоколець, или барсучью лапку, или опушку отъ мужичьихъ штановъ. Вѣрятъ, что сусѣдка давитъ ночью людей и, въ особенности, беременныхъ женщинъ. Когда онъ давитъ, то нужно спросить: къ добру или къ худу? и вѣрятъ, что онъ скажетъ—къ чему. Стараются при этомъ пощупать сусѣдку—какой онъ: теплый или холодный, причемъ пальцами рукъ и ногъ стараются шевелить, чтобы сусѣдка скорѣе пересталъ давить. Если сусѣдка тепелъ—къ добру, холодный—къ худому.

Избы начинаютъ рубить больше всего во время полнолунія, такъ какъ въ такой избѣ все будетъ лучше водиться. Если кто желаетъ строится на новомъ мѣстѣ, то сначала испытываетъ—будетъ-ли на томъ мѣстѣ счастье и можно-ли ставить домъ. Это узнаютъ такъ: пекутъ три колобка, съ которыми, положивъ ихъ за пазуху, хозяинъ идетъ на выбранное мѣсто, гдѣ онъ распоясывается для того, чтобы колобки выпали на землю. Тогда онъ смотритъ—какъ они пали. Если пали они на нижнюю часть, то къ счастью, а вверхъ дномъ—къ несчастію. Когда-же новую избу ставятъ на мѣсто старой, то подобнаго рода испытанія не дѣлаютъ.

Вокругъ горящаго зданія обносятъ икону, чтобы прекратить пожаръ, или держатъ ее противъ вѣтра, чтобы перемѣнить его въ другую сторону.

При окончаніи жатвы, когда хлѣба на полѣ остается немного, устраиваютъ „саламать“, т. е. приглашаются желающіе дожать. Пришедшіе наряжаются въ лучшія одежды и являются на зовъ. По окончаніи жнивья идутъ къ хозяину въ гости и садятся за столъ, гдѣ сначала подаютъ вино, которое пьютъ, приговаривая: „дай Господи скласть, съ дымомъ разлучить“, на что хозяинъ отвѣчаетъ: „Это всего пуще“. Затѣмъ, подаютъ чай, кашу и прочія кушанья.

Когда обмолачиваютъ послѣдній посадъ, берутъ послѣдніе четыре снопа и обмолоченными ставятъ ихъ во всѣ углы риги. Послѣ приносятъ калачъ, угощаютъ молотившихъ виномъ и ѣдятъ калачъ; затѣмъ, берутъ съ посадку хлѣбъ, кладутъ его на сковороду и уносятъ домой, гдѣ онъ складывается въ сусѣкъ. Угостившихъ виномъ поздравляютъ съ окончаніемъ дѣла.

При началѣ косьбы или жатвы, работающіе первый пукъ скошенной травы и сжатаго хлѣба затыкаютъ за поясъ и, затѣмъ, вертятся черезъ голову для того, чтобы работа шла успѣшнѣе, причемъ приговариваютъ: „какъ трава (или хлѣбъ) молода, такъ и спина у меня будь молода“. Начинающіе полевою работу становятся передъ иконой и кланяются въ землю, три раза, приговаривая: „Господи благослови, дай Богъ какъ начать, такъ и скончать въ добромъ здоровьи“. Отправляясь сѣять, берутъ съ божницы Благовѣщенскую просфору и кладутъ ее въ уголъ мѣшка, изъ котораго будутъ сѣять, затѣмъ зажигаютъ свѣчи передъ иконами и молятся съ земными поклонами, послѣ чего говорятъ: „благословляйте“.

При складываніи хлѣба въ клады, идущій мимо спрашиваетъ:—Чего кладешь?

— Кошку и крота—отвѣчаетъ хозяинъ клады.

— На что ихъ кладешь?

— Чтобы мыши хлѣбъ не ѣли.

Эти-же вопросы и отвѣты бываютъ и между самими кладчиками для того, чтобъ мыши хлѣбъ не портили.

Когда семья дѣлится, то сначала вывозятъ имущество, а затѣмъ, когда уже надо выходить людямъ, берутъ ковригу хлѣба, зажигаютъ свѣчи и, помолившись Богу, рѣжутъ ковригу на столько частей, насколько семей дѣлится общая семья. Части эти берутъ всѣ и вѣсятъ ихъ въ платкѣ сначала передъ иконами, а потомъ въ амбаръ подъ верхнимъ бревномъ, гдѣ онѣ уже висятъ долго.

На новоселье собираютъ гостей и они должны что нибудь принести въ даръ; напимѣръ, хлѣбъ, муку, соль, крупу, мясо или деньги. При этомъ желаютъ на новосельи „счастливо жить, здоровымъ быть“.

При входѣ въ избу вошедшій сначала крестится, а потомъ уже здоровается; по уходѣ всегда зоветъ въ гости, на что получаетъ отвѣтъ: „нигдѣ дѣваться“. За угощеніе благодарятъ не только хозяина и хозяйку, но и всѣхъ семейнъ, не исключая и подростковъ, къ которымъ къ каждому подходятъ съ рукой.

Быль ранѣе, да встрѣчается и сейчасъ, обычай при входѣ въ избу гостя говорить не „здравствуйте“, а „благодаримъ за хлѣбъ за соль“ (какъ-бы за старую хлѣбъ—соль), на что хозяйка давали такой отвѣтъ: „не согрѣшай, немного пиваль, ѣдалъ“. Если гость, видя безпокойство хозяина объ угощеніи его, говоритъ ему: „что вы безпокоитесь“, то получаетъ въ отвѣтъ: „наше безпокойство“.

Въ день именинъ умершаго или въ день его смерти раздаютъ знакомымъ калачи или пироги съ просьбою помянуть такого-то.

Руки у покойника кладутъ такъ, что ладонями онѣ обхватываютъ локти. Платье на него надѣвается лучшее. Причитанье напускное и плакальщицы отсутствуютъ. При встрѣчѣ съ покойникомъ каждый останавливается, дѣлаетъ поклонъ и говоритъ: „прости и благослови“.

Въ первый вторникъ послѣ Пасхи ходятъ на могилы христосоваться съ умершими, которыхъ призываютъ словами: „Христосъ воскресъ!“ или „прости, благослови“, при чемъ, разбивъ о крестъ яйцо, разбрасываютъ его по могилѣ или раскрошенное привязываютъ въ тряпочкѣ къ могильному кресту. Нѣкоторые яйца эти катаютъ на могилѣ съ приговариваніемъ: „какъ мы разговѣлись, такъ и вы разговѣйтесь“. Яйца-же уносятъ потомъ домой, гдѣ онѣ разрѣзаются и подаются на столъ и т. далѣе, какъ описано ниже.

Въ субботу передъ масленицей также поминаютъ покойниковъ. Къ этому времени варятъ кисель изъ ржаной муки, пекутъ блины, алады, пряженники, готовятъ прѣсное молоко. Все это утромъ выносятся и ставится на столъ. Прежде чѣмъ сѣсть за него, зажигаются свѣчи передъ иконами и вся семья начинаетъ молиться, кадя при этомъ ладонемъ. По окончаніи этой церемоніи садятся за столъ, но въ это время стряпка убираетъ съ него всѣ кушанья и уноситъ въ кутъ, послѣ чего начинаетъ уже выносить ихъ по одному. Передъ каждымъ кушаньемъ крестятся и поминаютъ родителей словами: „помяни Господи души такихъ-то, дай имъ царствіе небесное, пресвѣтлый рай“. Разрѣзая кушанья, опять повторяютъ тѣже пожеланія.

Есть обычай провожать покойника со своей свѣчей въ той увѣренности, что и онъ на томъ свѣтѣ встрѣтитъ провожающаго съ такой же свѣчей.

Послѣ смерти мужа жена уже не носитъ одежду изъ краснаго ситца, а надѣваетъ темныя платья и платки. Дѣвицы тоже, въ продолженіе шести недѣль носятъ платья темнаго цвѣта и не заплетаютъ косы.

Въ заговѣрье—14 ноября, послѣ работъ, мужики гуляютъ.

Въ деревнѣ Заимкѣ и вверхъ по рѣкѣ Ангартъ на вечерки дѣвицы собираются не вечеромъ, а утромъ, и пляшутъ до сумерокъ, нанимая для этого свободную избу.

Масляничное гулянье не вездѣ однообразно. Такъ, въ деревнѣ Чадобцѣ, изъ гостей въ гости компаніями не ходятъ, да и на лошадяхъ мало ѣздятъ, а если и ѣздятъ, то въ одну запряжку; за то въ прощенный день гуляютъ до вечера, при чемъ посѣщаютъ кладбище, чтобы поклониться три раза до земли

своимъ умершимъ родственникамъ. Въ деревнѣ Пашутиной во время масленицы вина не пьютъ и ѣздятъ гулять въ другую деревню—Гольтявину, а эта послѣдняя отгуливается у пашутинецъ въ Николинъ день.

Въ прощенный день ходятъ по домамъ прощаться, причемъ кланяются въ поясъ или въ ноги и цѣлуются; прощаются и съ священникомъ.

Въ деревнѣ Карабулѣ, при гулянкѣ, подчуютъ краснымъ виномъ гостей изъ чужой деревни, а своихъ однодерсвенцевъ обносятъ только водкою.

На масленицѣ, при ѣздѣ по улицамъ, дѣвицы и парни поютъ пѣсни. Въ баню на масленицѣ ходятъ въ четвергъ, топятъ бани и въ чистый понедѣльникъ.

На масленицѣ начинаютъ кататься по улицамъ съ субботы, причемъ дѣвицы, парни и мужики катаются отдѣльно другъ отъ друга; заѣзжая въ гости, угощаются хозяиномъ, который запрягаетъ затѣмъ своихъ лошадей и катаетъ гостей по улицѣ; заѣхавъ опять въ гости и угостившись, хозяинъ этого дома также катаетъ гостей на своихъ лошадяхъ, такъ что въ день гуляющіе перемѣняютъ 4—5 паръ лошадей.

Въ первый день великаго поста есть обычай полоскать во рту, чтобы не осталось въ немъ ничего скоромнаго.

Какъ только мужики съ Покрова уйдутъ въ лѣсъ за бѣлкой, дѣвки и ребятишки начинаютъ наряжаться стариками: надѣнутъ на себя шабуръ, приладятъ горбъ, закроютъ лицо платкомъ и ходятъ изъ дома въ домъ; а то парни нарядятся дѣвками, а послѣднія парнями и, такимъ образомъ, съ музыкой бродятъ по избамъ, гдѣ и отплясываютъ.

Въ вербное воскресенье, если верба освящена наканунѣ утромъ, до восхода солнца, стегаютъ спящихъ, приговаривая: „не спи, весь годъ не засыпайся“. Стегаютъ для того, чтобы человѣкъ былъ усерденъ къ работѣ. Если же верба освящена въ вербное воскресенье утромъ, то стегаютъ ею въ великій четвергъ до восхода солнца. Вербу, затѣмъ, украшаютъ бумажками и ставятъ къ иконамъ. Освященной вербой кормятъ скотъ, чтобы онъ былъ здоровъ. Освященный въ вербное воскресенье багуль кладутъ въ избы для предохраненія себя отъ болѣзней.

Воду, освященную въ крещенскій сочельникъ, приносятъ домой и пьютъ ее для предохраненія отъ болѣзней, прыскаютъ ею въ хлѣвахъ и избахъ; святятъ этой водою и коровъ послѣ теленя. Въ тотъ же сочельникъ чертятъ мѣломъ кресты на дверяхъ и окнахъ.

Въ великій постъ говѣть начинаютъ со вторника, если причащаются въ четвергъ, и съ этого дня, если принимаютъ причастіе въ субботу. Идя на исповѣдь, наряжаются въ лучшія

одежды, причемъ прощаются съ домашними, говоря: „простите меня, грѣшную“; идя же къ причастію, кланяются въ ноги и также просятъ прощенія.

Во время ледохода бросаютъ въ рѣку хлѣбъ для того, чтобы рѣка скорѣе подняла ледъ. При ледоходѣ умываются рѣчной водою.

Весенній постѣвъ избѣгаютъ начинаютъ въ тотъ день, въ который было Благовѣщеніе.

Если тетеря токуетъ, то вблизи ея не плюютъ, а то она оставитъ токъ; въ случаѣ нужды плюютъ на дерево. Тетерю считаютъ чистой птицей потому, что она, по убѣжденію крестьянъ, плодится не отъ связи съ самцемъ, а оттого, что глотаетъ слюну ихъ.

Если хотятъ, чтобы собака лучше привязалась къ хозяину, то рано утромъ хозяинъ плюетъ на кусокъ и даетъ его собакѣ, что повторяетъ до трехъ разъ.

При выходѣ изъ за стола благодарятъ хозяевъ такъ: „за хлѣбъ—за соль покорно благодаримъ, къ намъ милости просимъ“. Подходя къ неводящимъ, говорятъ: „рыбка въ неводъ“, а тѣ отвѣчаютъ: „ваши слова Богу-бы въ уши“. Подходя къ сидящимъ, привѣтствуютъ словами: „здравствуйте, сидѣть дородно“.

Въ Троицынъ день передъ избами ставятся березки.

Если въ семьѣ двѣ бабы, то они раздѣляютъ домашнюю работу такъ: одна печетъ недѣлю хлѣбъ, а другая ходитъ за скотомъ, на слѣдующую недѣлю онѣ работой мѣняются. Если въ семьѣ три бабы, то онѣ попеременно пользуются недѣльнымъ отдыхомъ, при чемъ каждая изъ нихъ ткетъ холстъ и починяется, но только на себя и свою семью.

Если женщина не можетъ скоро родить и мучится, то зажигаютъ обыкновенныя свѣчи у себя или въ церкви, причемъ молятся на колѣняхъ, а дѣвокъ заставляютъ расплетать косы.

Если парень вступить съ дѣвицей въ связь, то это не мѣшаетъ ей подвести парню какуюнибудь другую дѣвушку.

Есть обычай у дѣвицъ, возвращающихся съ рѣки съ бѣльемъ, проѣзжать съ нимъ съ пѣснями раза два по улицѣ, при чемъ собирается на одну лошадь нѣсколько человѣкъ.

„Въ добрѣ да въ обновѣ“—такъ поздравляютъ человѣка, надѣвшаго какуюнибудь обнову.

Любопытство у крестьянъ сильно развито. Если пріѣдетъ ктонибудь, то обязательно спросятъ: зачѣмъ пріѣхалъ, куда ѣдешь, кто такой; если не увидятъ сами, то спросятъ другого, кто видѣлъ; если же любопытство не будетъ удовлетворено, то сейчасъ же пойдутъ догадки, предположенія и т. п.

Въ новый годъ существуетъ обычай гоняться верхами на коняхъ для того, чтобы имъ было легче и чтобы они не хворали.

Въ Покровъ нѣкоторые крестьяне рано утромъ отправляются въ лѣсъ, чтобы добыть бѣлокъ, которыя въ тотъ-же день пропиваются.

Чтобы ни о чемъ не думать, берутъ въ рогъ лучиночки, которыя называются „жеребеки“.

Мы не думаемъ, конечно, чтобы только приведенными обычаями ограничивалась жизнь приангарскаго крестьянина, поэтому, не претендуя на полноту, просимъ извиненія у читателя. Мы использовали только то, что было у насъ подъ руками; годно или негодно оно—судить не намъ: это дѣло этнографа. Теперь мы перейдемъ къ повѣрьямъ и въ сообщеніи ихъ также не будемъ держаться системы. Мы даемъ лишь сырой матеріалъ, разобраться въ немъ—дѣло специалиста.

Когда отправляются въ лѣсъ бѣлковать, то не даютъ постороннему человѣку выносить огонь изъ своей избы, чтобы не лишиться добычи.

Пріѣхавъ на промыселъ съ гуливана (такъ называется мѣсто въ полѣ, гдѣ останавливаются ночевать), огня тоже не даютъ, такъ какъ если дашь, то ничего не добудешь.

Если съ удочки украдутъ пискаря, то уловъ будетъ плохой; чтобы его поправить, нужно самому украсть съ чужой уды пискаря.

Если, отправляясь лучить, дашь засвѣтить огонь со своей козы постороннему человѣку, то ничего не добудешь.

Отправляясь въ лѣсъ за бѣлкой и желая, чтобы чужая добыча попала въ его руки, посылаютъ бабъ просить чего-нибудь у сосѣдей. Если послѣдніе, по простотѣ своей, дадутъ что-либо, то первые вѣрятъ, что уловъ ихъ сосѣдей перейдетъ къ нимъ.

Есть повѣрье — на рыбалкѣ не оставлять въ лодкѣ накопившуюся отъ рыбы кровь, а слѣдуетъ ее до-чиста вычерпать, чтобы не могли злые люди уловъ украсть.

Если сковать уду въ пасхальную заутреню, то на уду эту всегда будетъ хорошій уловъ.

Чтобы узнать будетъ-ли женихъ хорошій, подходятъ задомъ къ полѣнницѣ и берутъ черезъ голову полѣно, и если оно хорошее, то и женихъ будетъ хорошій; если худое—то и женихъ худой.

Чтобы свой хлѣбъ лучше родился, берутъ съ чужого поля земли съ посѣянными зернами и переносятъ ихъ на свое поле.

При починкѣ на себѣ платья, чтобы не пришить память, пока зашиваютъ, приговариваютъ: „зашивайся память у гуся, зашивайся у утки, у коровы“ и т. д., и такъ перебираютъ разныхъ животныхъ, пока не окончатъ починку.

Вѣрятъ, что на великій четвергъ волхитки тайкомъ стригутъ чужихъ овецъ для того, чтобы отнять приплодъ и пріобрѣсти его для своихъ овецъ.

Вѣрятъ, что если въ какомъ хлѣву колдунья была на великій четвергъ, то она туда обязательно придетъ до восхода солнца на Ивановъ день (24 іюня), не смотря на то—будетъ-ли тамъ скотъ или нѣтъ. А для чего она туда приходитъ—не знаютъ. Является она, по повѣрью, вся въ бѣломъ одѣяніи и что разъ ее подкараулили, но поймать не могли. По поводу этого на Ангартѣ ходитъ такой разсказъ. Одинъ старикъ захотѣлъ скараулить и поймать волхитку; для этой цѣли онъ забрался въ хлѣвъ и сталъ поджидать ее. Когда она явилась, то старикъ отъ страха сдвинутся съ мѣста не могъ. Волхитка остригла овецъ и пошла, было, изъ хлѣва, но вдругъ воротилась, приговаривая: „ахъ, я забыла еще стараго барана остричь“ и, подойдя къ старику, окарнала его.

Если достать корня плакуна и положить его въ домъ, то сусѣдка не будетъ водиться; только вѣрятъ, что того человѣка, который положить этотъ корень и тѣмъ разорить гнѣздо сусѣдки, послѣдній уведетъ.

Если сусѣдка сильно и часто давить человѣка, то, чтобъ избавиться отъ него, кладутъ подъ постель ножикъ. Вѣрятъ, что лѣшій сбиваетъ съ пути человѣка, зазывая его въ глушь лѣсовъ, ухааетъ, пѣсни поетъ. Въ лѣсу боятся оставаться, а если остаются, то творятъ молитву, чтобъ лѣшій не пришелъ. Если услышишь въ лѣсу крикъ, то не откликайся, потому что это лѣшій кричитъ. Откликайся только послѣ трехъ разъ. Вѣрятъ, что лѣшіе живутъ какъ люди и играютъ свадьбы. Объ этомъ ходитъ даже такой разсказъ: „брали разъ бабы ягоду, вдругъ слышатъ звонъ колоколовъ; смотрятъ—ѣдетъ по горѣ свадьба, а около ягодницы появляется женщина изъ деревни Ярковъ, которая, проходя мимо, сказала имъ: „берите ягоду, я не буду ее брать“. По справкамъ, сдѣланнымъ потомъ бабами, никакихъ мужиковъ по горѣ не ѣхало и никакой женщины не проходило. Женщина, по словамъ ягодницъ, была лѣшачиха, а мужики—свадебный поѣздъ лѣшаго.

Если пѣтухъ снесетъ яйцо, то стоитъ имъ только потерять три раза подъ пазухой—увидишь чорта.

Если губа прыщиваетъ, то говорятъ—сусѣдка поцѣловалъ.

Вѣрятъ, что въ водѣ живутъ русалки. Передъ неводьбой бросаютъ въ воду ковригу хлѣба водяному, чтобъ онъ далъ рыбы.

Если лѣсину или что-либо расшибетъ молніей, то говорятъ, что туда дьяволъ спрятался. Объясненіе этому повѣрью находимъ въ слѣдующемъ разсказѣ: „дьяволъ однажды въ грозу хотѣлъ отъ гнѣва Божьяго спрятаться въ дерево, но Господь дерево это расщепалъ. Дьяволъ вздумалъ спрятаться за иконы, но Господь сказалъ: я и лика не пощажу; тогда дьяволъ рѣшилъ спрятаться за человѣка, но Господь ему сказалъ: я и че-

ловѣка убью и душу его къ себѣ возьму, а тебя (дьявола), все-таки, найду“.

Вѣрятъ, что земляного сусѣдку можетъ видѣть только счастливый человѣкъ.

По понятіямъ крестьянъ въ баняхъ живетъ банникъ, а въ ригѣ рижникъ. Если снолъ въ овинѣ повалится, то говорятъ, что его рижникъ поѣлъ.

Если у собаки есть другіе (ложные) глаза, то говорятъ, что эта собака можетъ гонять лѣшаго.

Вѣрятъ, что если чорта поколотить, то онъ непременно отомститъ. Въ примѣръ этому рассказываютъ о такомъ случаѣ: два мужика лучили рыбу. Одинъ изъ нихъ, увидѣвъ что-то черное, ткнулъ въ него острогой, но не попалъ, а острогу у него чуть не вышибло изъ рукъ. Заключили, что то былъ чортъ. Есть повѣрье, что кто ткнетъ чорта, то того онъ отъ себя не отпуститъ, поэтому, чтобъ избѣжать этого, мужики взяли бревно, одѣли его въ одежду того парня, который ткнулъ чорта, и поставили чучело на берегъ, а сами ушли. Чортъ выскочилъ тогда изъ воды и, принявъ чучело за парня, схватилъ острогу и ткнулъ его, приговаривая: вотъ тебѣ за то, что ты ткнулъ меня. А вотъ и другой рассказъ: три мужика, неводя, вытащили въ неводѣ брюшину. Сочтя это за нехорошій признакъ, стали стягами бить брюшину и затѣмъ бросили ее въ воду. По догадкамъ мужиковъ, брюшина была чортъ и ее не слѣдовало бить. Опасаясь, чтобъ чортъ не отплатилъ за это, они стали удаляться отъ воды и бережься. Случилось имъ однажды лучить и они не стали ночевать на берегу, а ушли подальше. Около-же лодки положили бревно, накрыли его шабуромъ (верхнее платье). Чортъ ночью вышелъ и, принявъ бревно за мужика, проткнулъ его острогой, но когда увидѣлъ обманъ, то рѣшилъ отомстить. Одного мужика, подкарауливъ на мостикѣ, стащилъ въ воду и утопилъ; другого утопилъ, стащивъ съ коня, въ рѣкѣ, а третьяго вытащилъ изъ лодки и тоже утопилъ.

Есть рассказъ, что около р. Каменки есть мѣсто, гдѣ живетъ чортъ, таскающій подъ воду лошадей, попавшихъ на это мѣсто. Погибаютъ въ этомъ мѣстѣ и люди.

Однажды „лѣсовой“ ударилъ мужика, сказавъ ему: я тебя за то бью, что у тебя собака сильно зла и ты не смѣй ходить въ такой-то лѣсъ. Рассказываютъ это какъ бывалый случай.

Вѣрятъ, что лѣшій и въ церковь ходитъ, но только стоитъ тамъ до херувимской.

Говорятъ, что банникъ хватается въ банѣ людей мохнатой рукой. Когда моешься въ банѣ, надо крестъ во рту держать, чтобъ не опоганить его банной водой. Снять же боятся, чтобъ банникъ не одолѣлъ.

Когда вводятъ чужую скотину во дворъ или впускаютъ родившуюся, то говорятъ: дѣдушка сусѣдушка, пой мою скотинку, не мори ее.

Есть повѣрье, что во второй жаръ опаснѣе въ баню ходить одному — банникъ можетъ задавить; въ первый же жаръ — ничего.

Молнія отъ того, что Богъ ею дьявола бьетъ, а громъ гремитъ потому, что пророкъ Илья развѣзжаетъ по небу.

Черти во время грозы прячутся болѣе подъ лиственницу, почему подъ нее въ это время не встаютъ никогда.

Подъовинникъ въ гумнахъ давить людей.

Чтобы на мѣсто выпавшаго зуба выросъ новый, берутъ старый зубъ и бросаютъ въ подполье, приговаривая: мышка, мышка, на тебѣ зубокъ рѣпный, дай костяной.

Если убьютъ дятла, то замѣчаютъ выпавшую изъ рта его травинку, которую надо взять и врѣзать въ руку. Рука получаетъ отъ этого особенную силу.

Оставленное шаманомъ или принадлежащее ему боятся трогать, чтобы не накликать на себя бѣду.

Если обманешь тунгусскаго шамана, то онъ напуститъ на тебя болѣзнь — сухоту, отъ которой и умрешь. Рассказываютъ, что старуху, страдавшую такой напущенной сухотой, тунгусы хотѣли вылечить, если только она позволитъ перевести болѣзнь на сына или на свою родню.

Могилу шамана и вещи, оставленные на ней, боятся трогать. Если возьмешь, то заболѣешь или что нибудь нехорошее случится.

Вѣрятъ, что шаманъ знаетъ съ дьяволомъ. Рассказываютъ, что когда одинъ шаманъ умеръ въ избѣ, то на палатахъ оставленные имъ черти завывали. Пригласили другого шамана и онъ, слазивъ на палаты, успокоилъ чертей.

Шаманъ, по повѣрью, не можетъ ничего сдѣлать худого человеку, не соприкасающемся съ нимъ. Вѣрятъ, что шамановъ не надо обижать и приказанія тунгусовъ надо исполнять. Указываютъ на семью въ деревнѣ Заимкѣ, которая, будто-бы, страдаетъ за то, что ихъ дѣдушка ослушался тунгусовъ. Болѣзнь этой семьи выражается въ опухоли. Обращалась семья къ фельдшеру, но онъ не помогъ и по этому ѣздили розыскивать шамана.

Дѣло съ дѣдушкой было такъ: старику тунгусы велѣли похоронить шамана и за труды отдали оленя, предупредивъ, чтобы голова и ноги его были оставлены на могилѣ шамана. Старикъ не исполнилъ этого и поплатился: на семью его тунгусы наслали опухоль и сухоту. Чтобы облегчить эту болѣзнь, семья носить на могилу шамана что-нибудь, напр., собаку. Уведутъ ее, привяжутъ тамъ, и, будто-бы, больнымъ полегче станетъ.

По мнѣнію крестьянъ, насланная болѣзнь такъ и переведетъ всю семью; говорятъ, что изъ семьи семь человекъ уже умерло и остальные всѣ перехворали. По мнѣнію фельдшера всѣ умерли отъ тифа.

Связка съ шаманомъ, по убѣжденію крестьянъ, плоха: то онъ скотину изведетъ, то что-нибудь другое сдѣлаетъ; поэтому стараются избѣгать общенія съ ними; ранѣе нерѣдко призывали ихъ ворожить объ украденномъ, но теперь побаиваются это дѣлать.

Говорятъ, что если шамана бить, то надо дѣлать это до крови, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ ничего не можетъ подѣлать худого.

Вѣрятъ, что если при началѣ лѣченія не дать шаману вина для угощенія шайтановъ, то онъ и вылѣчить не можетъ.

Если въ деревнѣ существуетъ горячка, то, чтобъ избавиться отъ нея, добываютъ деревянный огонь, для чего ѣдутъ куда-нибудь въ уединенное мѣсто, берутъ тамъ двѣ сухія палки и трутъ ихъ, прикладывая къ чимъ трутъ. Послѣдній загорается, его раздуваютъ и полученнымъ огнемъ зажигаютъ дерево, головню отъ котораго везутъ въ деревню, гдѣ на обоихъ концахъ ея разводятся огни. Этими огнями, полученными отъ головни, пользуются всѣ домохозяева, храня ихъ въ печной загнетѣ. Если огонь въ ней погаснетъ, то идутъ за нимъ съ лучиной къ сосѣду. Спичекъ не употребляютъ, вѣря, что отъ нихъ болѣзнь усилится. Костры деревяннаго огня поддерживаются крестьянами во время эпидеміи.

Если хочешь вѣрно узнать—сколько лѣтъ жить на свѣтѣ, нужно тихонько подойти къ дереву, гдѣ сидитъ кукушка, обвязать его поясомъ и тогда уже спросить ее. Если-же кукушка на вопросъ не отвѣтитъ, то это къ смерти.

Если медвѣжьимъ жиромъ помазать сбрую лошади, то она сильно потѣетъ и ей вдвое тяжелѣе.

Если во снѣ, что увидишь, да поцарапаешь въ это время голову, то сонъ забудешь.

Если блудишь въ лѣсу, то надо перевернуть стельки въ обуви, чтобъ найти скорѣе дорогу.

Если кто увидитъ какъ небо раскроется, то счастливый будетъ человекъ, а если въ время это что-нибудь попросить у Бога, то желаніе его исполнится. Явленіе это состоитъ въ томъ, что въ темную ночь на небѣ появляется вдругъ, на нѣсколько минутъ, свѣтлая полоса и сильный свѣтъ, который, освѣтивъ сразу пространство, сейчасъ же исчезаетъ.

Есть повѣрье, что кто на Ивановъ день (24 іюня) сядетъ ночью, въ росу, въ папортникъ, то тотъ получитъ способность все знать, можетъ быть невидимкой и т. д. Во время сидѣнья къ нему будутъ являться разные звѣри, которые будутъ страшить его, но всего этого сидящій не долженъ бояться. Если онъ онъ убѣжитъ, то погибнетъ. Каждая трава раскроетъ передъ нимъ свою цѣлебную силу.

Вѣрятъ, что кринки отъ употребленія портятся и въ нихъ сметана поэтому не копится. Чтобы избавиться отъ этого, окуриваютъ ихъ травой, называемой „криношной“. Парятъ еще кринки молодой крапивой; говорятъ, еще, что камешками, которые обмываются валомъ на прибоѣ, хорошо парить кринки.

Ригу на праздникъ не оставляютъ пустой—считаютъ за грѣхъ, для этого оставляютъ въ ней немного хлѣба.

Чтобы хлѣбъ не переводился весь годъ, садятъ его въ ригу на новый годъ.

Въ этотъ день, въ который было Благовѣщеніе, не начинаютъ никакого дѣла, вѣря, что въ противномъ случаѣ не будетъ успѣха. Въ Благовѣщеніе освящаютъ просфоры и раздаютъ крестьянамъ, которые ихъ хранятъ, выѣзжая съ ними въ поле на посѣвъ. Ихъ кладутъ въ мѣшокъ, изъ котораго разбрасываютъ сѣмена. По окончаніи сѣва просфоры съѣдаются.

Чтобы хлѣба болѣе родилось на будущій годъ, оставляютъ на полѣ, по окончаніи жатвы, съ десятковъ несжатыхъ колосьевъ, завязавъ ихъ пучкомъ, при чемъ приговариваютъ: сколько въ колоскѣ зернышекъ, столько дай Богъ напрокъ овиновъ.

Вѣрятъ, что работа, сработанная въ первый Спасъ, впрокъ нейдетъ; напр, сѣно, сметанное въ этотъ день, обязательно погибнетъ отъ молніи.

На Ивановъ день кладутъ подъ росу собранныя цѣлебныя травы, чтобъ онѣ получили большую цѣлебность.

Вѣрятъ, что при змѣевцѣ заводится въ палецѣ червь, обладающій способностью двигаться. Если колотить этого червя молоткомъ, то онъ не разбивается.

Если кто разольетъ что на столъ во время чая или обѣда, то говорятъ: это родители захотѣли поѣсть.

Въ грозу стараются спрятаться подъ дерево, но нужно дѣлать это благословясь и просить у него позволенія стать подъ него. Просьба заключается въ слѣдующемъ: „лѣсина сохрани и помилуй отъ всякаго врага супостата, отъ грома гремучаго, отъ молоньи сверкучей“. Вѣрятъ, что если человѣкъ молнія убьетъ, то, значитъ, человѣкъ этотъ не перекрестился передъ грозой или въ грозу и дьяволъ успѣлъ въ него спрятаться. Въ громъ, благословясь, запираютъ окна, двери и бокоушки, ограждая все крестомъ. Въ сильную грозу молятся Богу, но свѣчъ передъ иконами не зажигаютъ. Вѣрятъ, что громовая стрѣла, ушедшая въ землю, выходитъ наружу черезъ три года. Вѣрятъ, что громъ убиваетъ не праведниковъ, а грѣшниковъ, не допуская ихъ до покаянія. Утонувшихъ тоже считаютъ грѣшниками. При первомъ услышанномъ громѣ вертятся кругомъ на мѣстѣ или кувыркаются черезъ голову, чтобы спина не болѣла.

На праздникъ шить что-либо считаютъ грѣхомъ. Если же обновку, которую хочешь обновить въ праздникъ, будешь дошивать на него, то это не считаютъ за грѣхъ.

Въ Благовѣщеніе дѣвицы косы не плетутъ, считая это за грѣхъ; съ распущенными волосами идутъ и въ церковь.

Если увидишь гада, да не убьешь его, то прибавится на тебя 40 грѣховъ, если убьешь—40 грѣховъ сбавится. Если увидишь у змѣи 12 ногъ—умрешь.

Если змѣя погонится, то стоитъ только сказать: „головня бѣжитъ, земля дрожитъ“ и змѣя тотчасъ-же остановится.

Кто лебедя убьетъ, у того въ дому какаянибудь помѣха будетъ.

Если упавшее дерево при паденіи своемъ сдеретъ кору съ другого дерева, то послѣднее считается негоднымъ и его не употребляютъ на постройку, боясь, чтобы не приключилось какоенибудь несчастіе. Если это дерево употребить на постройку, то что-либо случится—или бревно упадетъ и раздавитъ кого-нибудь, или что другое.

Сороку, ворону, воробья и коршуна, по повѣрью, создалъ лѣшій, а не Богъ.

Понедѣльникъ считается не зачиннымъ днемъ.

Покровителемъ курицъ считается Марья Египетская, лошадей—Власій, овецъ—мученица Анастасія (29 октября).

Если баба мучится родами, то молятся Варварѣ-мученицѣ.

Если скотъ боленъ—Егорью Храброму. Въ заговѣнье считаютъ грѣхомъ вшей бить. Если женщина во время родовъ сильно мучится, то просятъ священника отворить царскія врата. Дома-же отворяютъ печь и все остальное.

Умирающему тяжелѣе умирать на пуховой подушкѣ, чѣмъ на соломѣ.

Если изъ кадила при кажденіи покойника выпадаетъ уголь или ладанъ—къ новому покойнику.

Кто умретъ въ Христову заутреню, тотъ угоденъ Богу.

Если въ заговѣнье (14 ноября) взять въ руки иголку и пошить ей, то бываетъ отъ этого помѣха въ скотѣ. Дѣвицы въ заговѣнье наряжаются въ лучшія платья, чтобы участь замужемъ была лучше, счастливѣе.

Если у кого звенить въ ухѣ и онъ попросить угадать—въ которомъ ухѣ звенить, то когда угадаютъ—къ добру, не угадаютъ—къ худу.

Кто икаетъ, то говорить: меня поминаютъ.

Свистѣть въ комнатѣ считаютъ грѣхомъ.

Говорятъ, что щука мѣняетъ свои зубы каждый мѣсяцъ.

Н. В. Скорняковъ.

(До слѣдующей книжки).

Изъ поѣздки къ Олекминскимъ тунгусамъ.

Это было въ прошломъ году лѣтомъ, въ концѣ іюля.

Я поднимался вверхъ по рѣкѣ Олекмѣ, гдѣ живутъ тунгусы, нѣкогда жившіе въ Забайкальской области, но съ приходомъ туда русскаго человѣка переселившіеся въ эти дебри, чтобы не коснулась ихъ наша цивилизація. И они вполнѣ достигли этого: цивилизація пока мало коснулась ихъ и они до настоящаго времени живутъ въ этихъ лѣсахъ тайги, якутской глухой тайги, защищенные со стороны русскихъ непроходимыми лѣсами и болотами, ведя до настоящаго времени полукочевую, полуосѣдлую жизнь и пропитываясь, какъ и прежде, рыболовствомъ и звѣроловствомъ.

Оригинальная страна дикарей: рѣка почти пустынна, по берегамъ тянется нетронутый лѣсъ,—хвойный лѣсъ, съ опушкой у воды ивами, веселой березкой, кустами черемухи, малины; дальше отъ берега хоть и не ходи: лежатъ полусгнившіе великаны стволы сосенъ и мохнатыхъ длинныхъ елей; тамъ темно; тамъ всюду преграды, тамъ всюду звѣрь и боровая птица, и даже нѣтъ признака слѣдовъ человѣка. Вся жизнь его только на рѣкѣ, гдѣ то вы видите легкій челнокъ рыболова, то нѣсколько берестяныхъ хижинъ или бревенчатыхъ юртъ, пріютившихся на самомъ берегу у воды и спрятавшихся въ самой чащѣ лѣса, словно боясь отъ него отдѣлиться.

Тунгусъ, дикарь, сроднился съ лѣсомъ; онъ не можетъ жить, не слушая его шума, онъ не можетъ жить, чтобы не падала на него его густая тѣнь, и онъ прячется порой такъ въ его вѣчной зелени, что вы, только вплотъ подойдя къ его жилищу, замѣтите, что вы зашли въ его улусъ.

Рѣка—это единственный его путь не только лѣтомъ, но даже и зимой; у него нѣтъ дорогъ въ сторону отъ рѣки, на которой онъ существуетъ; у него нѣтъ другого экипажа лѣтомъ, какъ лодка, и только зимой, долгой, холодной, снѣжной зимой онъ разнообразить свой путь, садясь въ легкую нарту и запрягая въ нее дикихъ оленей.

На этихъ лодкахъ онъ лѣтомъ рыболовитъ; на этихъ лодкахъ онъ лѣтомъ промышляетъ звѣря, плавая по рѣчкамъ и озерамъ съ чуткими собаками, на этихъ лодкахъ онъ дѣлаетъ всѣ свои передвиженія и возитъ свое начальство, и на такой же лодкѣ везли и меня въ то время, котораго касается этотъ рассказъ.

* * *

Я какъ сейчасъ вижу веселое, ясное, тихое утро 20 іюля; рѣка спитъ, блестя зеркаломъ тихихъ водъ; берега отразились

своимъ лѣсомъ; ивы поникли словно ниже, и темный лѣсъ словно задумался на берегу, смотрясь въ зеркало воды.

Лодка тихо поднимается вверхъ по водѣ на веслахъ; вода свѣтлыми каплями падаетъ съ нихъ, когда они поднимаются, чтобы снова упасть въ прозрачную, теплую воду; позади расходятся валы, и лѣсъ, зеленый лѣсъ, словно движется съ нами, вмѣстѣ съ берегами, уходя въ противоположную сторону.

Вотъ уже третій день, какъ мы ѣдемъ, а, между тѣмъ, на рѣкѣ—ни одного человѣка, на берегу—ни одной берестяной хижины—урасы тунгуса. Совсѣмъ дикая, лѣсная пустыня.

Какъ вдругъ—цѣлый залпъ выстрѣловъ, лишь только мы высунулись изъ за послѣдняго мыса.

Весла сразу опустились; гребцы обернулись и смотрятъ впередъ; и мы видимъ: на обрывистомъ песчаномъ берегу, гдѣ раскинулся высокой лентой зеленый боръ, стоятъ берестяныя хижины тунгусовъ, стоитъ толпа тунгусовъ, большая толпа, съ ружьями, которые еще подняты дулами вверхъ и дымятся, тогда какъ надъ ними подымается бѣлое облачко порохового дыма.

— Что это такое?—спрашиваю я проводниковъ-тунгусовъ. Но они молчатъ, улыбаются, что-то шепчутъ другъ другу, чтобы я не услышалъ.

На берегу, между тѣмъ, всего въ полуверстѣ—движеніе, спѣшно заряжаются съ дула ружья; снова поднимаются вверхъ и снова раздается нестройный залпъ ружей, залпъ, который веселымъ эхомъ перекатывается съ берега на берегъ, гудитъ въ темномъ, спящемъ лѣсу и отдается потомъ долго гдѣ-то далеко-далеко слабымъ эхомъ.

— Что это они палятъ?—спрашиваю я снова, когда затихаетъ совсѣмъ эхо. Встрѣчаютъ насъ—отвѣчаетъ кормщикъ старикъ.

Я догадываюсь что онъ вретъ, молча достаю ружье и дѣлаю изъ штуцера пару оглушительныхъ выстрѣловъ. Эхо громомъ раскатилось по берегамъ и на берегу, и тунгусы сразу опустили свои ружья, услыхавъ незнакомые выстрѣлы.

Движеніе прекратилось; толпа сошлась и стала на берегу, молча слѣдя за нашей лодкой; мои гребцы усиленнѣе принялись грести. Скоро берегъ словно выросъ передъ нами зеленой стѣной, и наша лодка съ шумомъ коснулась песчаного берега и стала, вѣзавшись въ него носомъ.

Я выхожу на берегъ и иду, поднимаясь на самый верхъ, гдѣ стоитъ толпа тунгусовъ.

— Капсе, тойонъ, капсе (здравствуй, баринъ, здравствуй), привѣтствуютъ меня дикари; и я въ минуту же окруженъ ими, смотрю на ихъ возбужденныя, ласковыя съ черными глазами лица, блестящія жиромъ и добродушіемъ, такъ свойственнымъ всякому нашему дикарю. Вся толпа, по преимуществу мужчинъ,

одѣта въ праздничные костюмы, на плечахъ новыя, расшитыя, красныя рубашки, у другихъ онѣ—изъ мебельной матеріи, что придаетъ имъ странный видъ, благодаря краснымъ рисункамъ, расположеннымъ на груди или спинѣ; на ногахъ крашенные охрой оленье унты, а у другихъ—даже сапоги съ высокими каблуками. Всѣ смотрятъ на меня черными любопытными глазами, всѣ обращены ко мнѣ широкими скулами—съ выраженіемъ крайняго любопытства на широкомъ лицѣ, въ которомъ словно отразилась ихъ своеобразная природа.

Подальше, въ чащѣ лѣса, поставлены ихъ берестяныя палатки, откуда выглядываютъ женщины и дѣти. Тамъ дымится огонь, тамъ ползаютъ по голой землѣ дѣти и сидятъ рядомъ съ хозяйками, только что прогнанные за отчаянный лай бѣлые псы. Недалеко, въ сторонѣ отъ толпы, гдѣ курится курево отъ комаровъ для дыма, стоитъ десятка два оленей, тощихъ, почти голыхъ оленей, которые бываютъ такъ некрасивы въ эту пору, постоянно вздрагивая отъ массы кружащихся надъ ними комаровъ, словно стыдясъ своей тонкой, маленькой шерстки, которая только что пробивается изъ за клочковъ старой, длинной, бурой шерсти, въ которой они свободно переносили морозы зимы.

— Что у васъ здѣсь такое? спрашиваю я тунгусовъ, которые на меня молча смотрѣли, слѣдя какъ я осматриваю все окружающее, словно ища причины ихъ сбора.

Они молчатъ.

— Зачѣмъ васъ такъ тутъ много? повторяю я вопросъ.

— Праздникъ у насъ сегодня,—отвѣчаетъ одинъ посмѣлѣе, посматривая на другихъ, ладно ли онъ мнѣ отвѣтилъ.

— Какой праздникъ?

— Праздникъ, вотъ какъ у васъ бываетъ праздники, отвѣчаетъ онъ уже смѣлѣе.

— Что-же вы тутъ дѣлаете въ праздникъ?

— Колемъ оленей, ѣдимъ...

— Кланяетесь и тыныну? догадываюсь я.

— Кланяемся... отвѣчаетъ одинъ старикъ.

— Гдѣ? Здѣсь?

— Нѣтъ, вонъ тамъ, на островкѣ, въ лугу,—указываетъ старикъ, нисколько уже не стѣсняясь, и вся толпа оборачивается туда и смотреть на зеленый островокъ, гдѣ на срединѣ стоятъ нѣсколько березокъ.

— Уже ѣздили туда?

— Нѣтъ еще, собираемся ѣхать, вотъ дожидаемся изъ улусовъ еще тунгусовъ. Думали, они ѣдутъ...

— Спасибо за встрѣчу,—отвѣчаю я и они смѣются, что встрѣтили насъ парой залповъ, принявши за своихъ тунгусовъ.

Мысль посмотре́ть, какъ они будутъ приносить жертвы, кланяться богамъ, меня очень занимаетъ, со мной фотографическій ручной аппаратъ, записная книжка,—можетъ выйти чудный матеріалъ для этнографической статьи, и я рѣшаюсь попросить у нихъ позволенія посмотре́ть, какъ они будутъ приносить жертвы, зная впередъ, что они неохотно допускаютъ на нихъ посторонняго русскаго человѣка, стыдясь шаманства, будучи уже давно крещеными.

Нужно обдѣлать это дѣло умѣючи, и я, возвратившись на лодку, подаю стаканъ водки старику—проводнику и обращаюсь къ нему съ просьбой, говоря, чтобы онъ устроилъ такъ, чтобы мнѣ съѣздить съ ними вмѣстѣ на заманчивый островокъ.

Тотъ задумывается, но присутствіе водки еще въ моей фляжкѣ, видимо, его подкрѣпляетъ въ надеждѣ, и онъ живо отправляется на берегъ къ толпѣ и начинаетъ тамъ оживленный разговоръ на ихъ родномъ нарѣчій, размахивая руками.

Толпа сгущивается около него; мнѣ видны однѣ спины съ странными узорами азіатскихъ ситцевъ стройныя фигуры дикарей съ обтянутыми икрами ногъ замшей, и я съ нетерпѣніемъ слѣжу за переговорами, что будетъ.

Переговоръ, видимо, идетъ неособенно успѣшно: тунгусы волнуются, что-то кричатъ, ихъ уговариваютъ старики, всѣ что-то машутъ руками, лица опечалены у нѣкоторыхъ; другіе отходятъ молча отъ толпы и идутъ въ сторону и въ концѣ концовъ старикъ кормщикъ возвращается съ двумя сѣдыми стариками, которые идутъ со мной, вѣроятно, переговорить.

Я не ошибся: они подходятъ и послѣ небольшой паузы, когда мнѣ проводникъ объясняетъ въ чемъ дѣло, начинаютъ мнѣ говорить:

— Не ладно, говорятъ наши, что ты хочешь посмотре́ть какъ мы будемъ кланяться богу, стыдятся они, говорятъ, что скажешь послѣ начальству, попу, тѣ осердятся, будутъ искаться.

Я говорю имъ, что я уже бывалъ, видалъ такіе праздники въ другихъ мѣстахъ, говорю, что говорить я никому не буду, начальство не узнаетъ, попу—тоже, начинаю упрашивать ихъ, говорю, что я дамъ имъ, наконецъ, немного даже за это вина, и старики снова идутъ на берегъ къ толпѣ, которая теперь словно затихла, успокоенная.

Тамъ опять поднимается гвалтъ, размахиванье руками и дѣло кончается тѣмъ, что тунгусы соглашаются не препятствовать мнѣ, если я пріѣду на островъ, хотя явно даютъ знать, что они этимъ будутъ очень недовольны.

Но я давно привыкъ вторгаться въ частную жизнь дикарей, какъ это порой ни непріятно, ради науки, и рѣшаюсь твердо отправиться на островъ и посмотре́ть, что тамъ будутъ дѣлать

тунгусы, и если можно, то и снять фотографическій снимокъ тайкомъ.

Это легко, тѣмъ болѣе, что даже мои проводники не знаютъ, что у меня за аппаратъ постоянно въ рукахъ, вродѣ бинокля, въ который я смотрю порой на ихъ берега тихой рѣки и пріютившіяся хижины, спуская по временамъ пружинку.

Пока я собирался въ лодкѣ, пилъ чай, закусывалъ сухимъ оленьемъ мясомъ, какъ снова, почти надъ моей головой, раздался неожиданно залпъ ружей. Я обернулся назадъ и увидѣлъ большую лодку, полную тунгусовъ, которые сидѣли въ ней глубоко, словно дѣти, высунувши головы и огребаясь всѣ остроко-
нечными веслами, которыя у нихъ походятъ, на листъ ивы.

Лодка быстро неслась, оставляя за собой пару валовъ, по гладкой поверхности рѣки, взбивая пѣну подъ остѣвшимъ глубоко носомъ; въ отвѣтъ на береговой залпъ съ нея раздались оглушительные выстрѣлы; съ берега имъ отвѣтили еще; берега заговорили, надъ лодкой то и дѣло поднимался бѣленькій дымокъ, блеснувъ предварительно огнемъ на секунду, и не прошло и десяти какихъ нибудь минутъ, какъ лодка, рядомъ съ нашей, врѣзалась въ берегъ и изъ нея съ шумомъ, съ живыми разговорами поднялось до десятка наряженныхъ тунгусовъ, которые пошли цѣловаться съ родственниками и здороваться за руку съ знакомыми и друзьями.

Эта встрѣча была очень теплая; видимо, тунгусы любили другъ друга, жили дружно и даже старики и старухи, и тѣ пользовались всеобщимъ уваженіемъ, едва уже поднимаясь на высокій песчаный берегъ, встрѣчаемые веселыми „эгекай, огокай“.

Скоро опять залпъ выстрѣловъ возвѣстилъ о новыхъ гостяхъ; потомъ снова открылась живая перестрѣлка, и черезъ часъ на берегу уже было до сотни тунгусовъ, которые живо начали снаряжаться на островъ.

Потащили тощихъ оленей въ связанные лодки; понесли изъ урасы какой-то новый ящикъ, барабанъ, громадныя желѣзные котлы, понесли громадныя ложки, вилы, какими ворочаютъ въ котлахъ мясо тунгусы, дрова, бересто, стрѣлы, и скоро вся толпа уже была на берегу, у самой воды, сталкивала въ нее свои челноки, садилась въ нихъ такъ, что они набивались полными и, оттолкнувшись, плыла вверхъ по рѣкѣ, словно какая маленькая флотилія, рядами и вытянувшись на цѣлую версту.

Оригинальное зрѣлище среди этихъ молчаливыхъ, глухихъ зеленыхъ береговъ съ голубымъ небомъ вверху и внизу, отразившемся въ слегка взволнованной поверхности рѣки, гдѣ словно ожили, закачавшись, острые вершины елей.

Проводивъ флотилію, мы тоже оттолкнулись отъ берега и тихонько поплыли вслѣдъ, огребаясь сильными веслами.

Два часа дня. Солнце ярко свѣтитъ. Рѣка блеститъ словно расплавленная. Сосновый боръ не шелохнетъ.

Вотъ и маленькій островокъ съ нѣсколькими старыми, кривыми березками посрединѣ.

Быть можетъ, эти нѣсколько березъ и обоготворяются тунгусами, склонными во всемъ въ природѣ находить чудесное и близкое къ богамъ... Мы пристаемъ къ зеленому, луговому берегу, выходимъ на него и видимъ у березъ дымъ, огонь, толпу, которая торопливо готовится къ жертвоприношеніямъ, бѣгая изъ стороны въ сторону за разными вещами.

Сухія дрова уже пылаютъ; дымъ поднимается высоко въ воздухъ; олени дико смотрятъ на него, вздрагивая, когда треснетъ полѣно, и нѣсколько тунгусовъ уже стоятъ съ натянутыми луками въ рукахъ, готовые словно на сраженіе съ непріателемъ.

Подъ одной березой поставленъ новый ящикъ съ барабаномъ; онъ открытъ; въ немъ сидитъ какое-то чучело въ зимней одеждѣ тунгуса съ блестящими свинцомъ глазами, вся въ соболяхъ и дорогихъ лисицахъ; какой-то старичекъ, видимо шаманъ, чинно отдаетъ распоряженія, и вотъ дикари разступаются на двѣ половины, къ божку подводятъ одного оленя, — побольше, онъ упирается, не идетъ; его грубо подталкиваютъ сзади, и вдругъ что-то зашумѣло, онъ вздрогнулъ и прежде чѣмъ я могъ сообразить, что случилось, луки разогнулись и острия стрѣлы воткнулись въ его бока съ обѣихъ сторонъ. Онъ подпрыгнулъ, рванулся на привязи въ рукахъ тунгусовъ, раскрылъ ротъ и растопырилъ ноги. Стрѣла за стрѣлой продолжали впиваться въ его тѣло; онъ раскрылъ еще ротъ, словно силясь испустить предсмертный вопль, еще отчаянный прыжекъ въ воздухъ, и онъ грохнулся на землю, а дикари закричали что-то, вѣроятно, обращаясь къ богамъ, дикимъ, страшнымъ голосомъ.

Я забылъ про аппаратъ, который былъ въ моей рукѣ, готовый на дѣло; я былъ пораженъ зрѣлищемъ; я готовъ былъ бѣжать отъ этой страшной картины звѣрства, которое называется у тунгусовъ жертвоприношеніемъ, и думалъ: неужели наши предки были такими-же жестокими, какъ этотъ дикарь тунгусъ въ этихъ лѣсахъ?

Еще эхо не успѣло разнести по ближайшему лѣсу и рѣкѣ этотъ дикій, страшный вопль дикарей, какъ нѣсколько человекъ изъ нихъ бросились къ оленю, схватили его за рога, прыгнули головой къ землѣ и острымъ ножомъ ткнули его въ сердце. Олень вздрогнулъ, вытянулъ ноги и захрипѣлъ.

Все было кончено; толпа окружила животное, и прежде чѣмъ оно перестало биться въ предсмертныхъ судоргахъ, прежде

чѣмъ оно успѣло закрыть свои умные глаза, остановившіеся въ какомъ-то ужасѣ передъ смертью, прежде чѣмъ оно испустило послѣдній вздохъ, острый ножъ одного тунгуса уже разрѣзалъ его шкурку со стороны шеи, пропоролъ ее вдоль брюшка, скользнулъ вдоль ногъ, и проворные кулаки начали отдирать синюю теплую шкуру отъ мяса. И минуту спустя уже передъ зрителями лежалъ распластаннй олень, въ ребрахъ котораго, какъ въ чашѣ, плавала свѣжая кровь, сгущаясь на воздухъ и солнцѣ.

Старикъ шаманъ первый зачерпнулъ крови въ маленькую деревянную чашечку и положилъ въ нее кусокъ почекъ и легкаго. Положивъ, онъ понесъ все это въ сопровожденіи другаго его прислужника, быть можетъ, будущаго шамана, который за нимъ понесъ часть грудины съ саломъ къ священному ящику. Вслѣдъ за ними туда двинулась толпа и стала смотрѣть, какъ шаманъ сталъ мазать губы шайтану, послѣ чего онѣ сдѣлались кроваво-красными, и ставить передъ божкомъ принесенную жертву. Поставивъ, онъ отошелъ, поклонился ему низко и завылъ. Завыли въ его голосъ всѣ тунгусы и вдругъ пали на колѣна и наклонили головы къ самой землѣ, словно призывая бога съ неба.

Страшный, дикій вой, эхо, раскатившееся по лѣсу, шопотъ старика-шамана и снова крикъ, еще громче перваго, оглушительнѣе, отъ котораго у меня невольно пробѣжали мурашки по тѣлу.

Началось поклоненіе: тунгусы то падали ницъ, то вставали, чтобы снова съ крикомъ пасть на землю; шаманъ поднималъ руки къверху и шепталъ призывъ; березы шумѣли листьями отъ пробѣгающаго вѣтерка, и идолъ какъ-то сурово продолжалъ смотрѣть на нихъ своими блестящими оловянными глазами съ громаднымъ длиннымъ деревяннымъ носомъ, придававшимъ ему ужасное выраженіе.

Что-то поразительное было въ этой картинѣ, какой-то невольный ужасъ охватывалъ даже посторонняго человѣка, и невольно вѣрилось, что этотъ дикарь, дѣйствительно, сзываетъ въ эти минуты злыхъ духовъ и выпрашиваетъ у нихъ себѣ пощаду въ промыслѣ и жизни, не зная ничего другаго въ природѣ, кромѣ зла и ненависти къ нему его страшныхъ боговъ.

Былъ моментъ, когда я, отойдя въ сторону, было уже приготовился поднять аппаратъ къ глазамъ, но меня остановила рука, рядомъ стоящаго со мной, проводника-тунгуса.

— Не тронь, не смотри, увидятъ, осердятся, еще что сдѣлаютъ тебѣ,—прошепталъ онъ,—они теперь сердиты. И я невольно послушался его словъ, опустилъ руку и спряталъ аппаратъ за спину.

Дѣйствительно, я рисковалъ: они могли замѣтить, прервать свои дикіе возгласы, окружить меня и сдѣлать мнѣ въ этомъ

изступленіи непріятность. Старикъ кормщикъ понялъ это, взялъ отъ меня аппаратъ и спряталъ въ свою просторную пазуху.

Кто знаетъ, онъ, быть можетъ, догадывался, зачѣмъ я такъ часто смотрю въ него дорогой, имѣя и безъ него прекрасное зрѣніе, что онъ могъ заключить, пlying со мной уже восьмой день.

Но вотъ поклоненіе кончилось; старикъ-шаманъ сталъ около ящика съ божкомъ, тунгусы стали подходить къ нему, кланяться и класть свои жертвы: кто соболя, кто шкуру чернубурой лисицы, кто шкуру медвѣдя, кто бѣлку, кто просто серебряную монету, кто даже пшеничный калачъ, какимъ они привыкли угощаться въ своемъ городкѣ. Вещи тихонько передавались въ руки шамана, тотъ встряхивалъ шкурки, осматривалъ монеты, клалъ все это къ ногамъ суроваго божества, и оно словно приняло теперь менѣе суровый видъ, сидя передъ ними съ красными губами, съ которыхъ капала еще красная кровь.

Теперь толпа дикарей занялась мясомъ распластаннаго оленя; бросилась на него, чтобы полакомиться, отрѣзывала наскоро куски мяса и кости, макала ихъ въ крови, запуская туда порой всю кисть руки, отчего она дѣлалась красною, и совала поскорѣе страшное лакомство въ ротъ, широко раскрытый ротъ, который всасывалъ эту теплую еще кровь, захлебывался, облизывался, смаковалъ, торопясь захватить еще и еще такой же кусокъ, какъ словно это было не вѣсть какое лакомство.

Картина была достойна кисти художника. Лица въ мигъ были обрызганы и перемараны кровью; она текла по губамъ и усамъ, она марала щеки и подбородки, она капала имъ на руки и колѣна, она текла струйками съ ихъ жидкихъ бородъ.

И въ то время, когда они поѣдали сырое мясо оленя, уже обгладывая кости, ребра, сдирая съ ногъ жилы зубами, сидя на землѣ, другой олень дико смотрѣлъ на нихъ отъ березы, у которой онъ былъ привязанъ, своими умными, черными глазами, казалось, дожидаясь сознательно своей участи.

Это былъ молодой олень съ нѣжной шерстью, съ наивными глазами, красивой мордочкой, и сердце сжималось при видѣ его у жертвенной, священной березы, морщины которой (старый корявый стволъ), казалось, уже видѣли тысячи такихъ кровавыхъ жертвъ дикарей подъ своими зелеными вѣтками, опустившимися какъ нити къ утопанной, выжженной кострами землѣ.

Олень почти весь съѣденъ: остался одинъ хребетъ и мякоть холокъ для котла—для варки, тунгусы посматриваютъ чаще и чаще, что-то говоря, на молодого оленя и, вытеревъ ножи о полы своихъ одеждъ, уже готовы поѣсть и его, утоливши на время свой голодъ.

Вотъ они подходятъ и къ нему, хватаясь за веревку; вотъ потащили и его къ идолу съ кровавыми губами; вотъ и онъ

растопырилъ ноги, ставъ передъ идоломъ, высунувъ красный языкъ и тяжело дыша. Тунгусы расходятся снова въ стороны съ луками, натягиваютъ ихъ, жадная до зрѣлища толпа зачираетъ, и я отворачиваюсь и убѣгаю прочь къ берегу...

Я на лодкѣ; я спѣшу оттолкнуться отъ этого ужаснаго берега; я велю грести, скорѣе ѣхать; смотрю на тихую рѣку, свѣтъ, зелень, чтобы не видѣть даже въ воображеніи этой ужасной картины, но крикъ, ужасный, дикій крикъ дикарей, какъ эхо, доносится до меня, я вздрагиваю и мы пускаемся въ путь.

И мы еще долго, долго слышимъ, словно откуда-то изъ лѣса, изъ бора, доносившійся до насъ далекимъ эхомъ этотъ крикъ, плывя по рѣкѣ, тихой, дикой какъ весь этотъ край по временамъ еще насъ возвращавшій туда, на зеленый, жертвенный островъ со всей его кровью, со всѣми его картинами жертвоприношеній дикаря, который поклонялся своимъ богамъ, прося у нихъ рыбы для своего промысла.

Олекминскъ, 26 мая 1901 года.

П. Кузьминъ

Сибирскіе чиновники былого времени.

(Окончаніе, — см. кн. I—VII, VIII и IX X за т. г.).

Глава XIV.

Шестидесятые и семидесятые годы являются годами особаго неустаннаго и энергичнаго преслѣдованія злоупотребленій мелкаго чиновничества со стороны представителей высшей мѣстной администраціи. Выдающееся мѣсто въ этомъ отношеніи занималъ генераль-губернаторъ Восточной Сибири Николай Петровичъ Синельниковъ, о которомъ благодарные сибиряки до сихъ поръ сохраняютъ добрую память. Синельниковъ былъ грозою взяточниковъ, вымогателей, своевольцевъ изъ мѣстнаго чиновничества и при немъ типъ стараго сибирскаго чиновника, ни передъ чѣмъ не останавливающагося ради достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей, началъ отходить въ область преданія. Подобнымъ-же образомъ дѣйствовали и многіе другіе изъ сибирскихъ администраторовъ. Изъ нихъ можно упомянуть о красноярскомъ губернаторѣ Педашенко, о тобольскомъ губернаторѣ Деспотъ-Зеновичѣ и др. Благодаря дѣятельности этихъ просвѣщенныхъ администраторовъ, мелкое сибирское чиновничество не могло уже такъ открыто противузаконничать, —

ему приходилось хитрить и прибѣгать къ болѣе или менѣе оригинальнымъ и остроумнымъ выдумкамъ. На этой почвѣ выработался хорошо извѣстный сибирякамъ типъ „барина“ (такъ населеніе называло земскихъ засѣдателей, — должность, соответствующая нынѣшнимъ становымъ приставамъ).

Вотъ одинъ изъ типовъ „барина“, списанный съ натуры.

Онъ былъ когда-то просто тупой и жалкій юнкерокъ. Кое-какъ получилъ онъ чинъ прапорщика, но офицеромъ былъ настолько плохимъ, что ему посовѣтовали лучше итти „по полицейской части“. И онъ пошелъ. Взялъ жену съ „протекціей“ и отправился въ Сибирь искать счастія. Здѣсь протекція жены скоро помогла ему сдѣлаться бариномъ въ одномъ глухомъ сибирскомъ уголкѣ. Онъ почувалъ себя маленькимъ царькомъ....

Какъ истый администраторъ, „баринъ“ совалъ свой носъ всюду и вездѣ, и особенно любилъ руководить общественными сходами.

Любопытно, въ чемъ выражалось это его руководство. Приходятъ въ одинъ пріятный вечеръ къ „барину“ мѣстные толстосумы-торговцы.

— Здравствуйте, милости просимъ, ласково встрѣчаетъ ихъ „баринъ“. Какъ поживаете? Какъ дѣла идутъ?

— Плохія нынѣ дѣла, баринъ, обѣднѣлъ народъ, — плохо идетъ торговля.. А мы къ вамъ, вѣдь, съ докукой пришли.

— Что такое? Съ какой докукой?

— Да вотъ, баринъ, больно неловко намъ тутъ жить, потому что телеграфа этого самаго нѣтъ. Въ торговомъ дѣлѣ, сами знаете, все надо поскорѣе узнать, во время продать и закупить, а ужъ безъ телеграфа, что тутъ скоро узнаешь, — прямо глушь здѣсь у насъ.

— Въ чемъ-же дѣло?

— Хотѣли мы, баринъ, зная неоставленіе насъ своими милостями, просить, не похлопочите-ли вы на счетъ телеграфа.

— Да, вы желаете, чтобы здѣсь была открыта телеграфная станція... Что-жъ, дѣло доброе. Только, вѣдь, деньги нужны.

— Вотъ объ этомъ-то и будетъ у насъ разговоръ. Нельзя-ли сдѣлать, на примѣръ, такъ, чтобы сельское общество приняло на себя расходы по устройству телеграфной станціи? Сдѣлайте милость, похлопочите! А ужъ мы, сами знаете, всегда вамъ много благодарны и теперь не остались-бы передъ вами, вродѣ какъ скоты безчувственные.

— Гм... А сколько-же? лаконически спрашиваетъ „баринъ“. Толстосумы сказываютъ цифру „благодарности“.

— Маловато, дѣло трудное, — мрачно отвѣчаетъ „баринъ“.

Начинается торгъ, который оканчивается, всетаки, обоюднымъ согласіемъ, и „баринъ“ зычно кричитъ:

— Эй, староста!

— Здѣсь, васкородіе!

— Завтра вечеромъ собери сходъ.

— По какой причинѣ, васкородіе?

— Нужно, дѣло важное есть.

На другой день вечеромъ „баринъ“ является на сходъ и начинаетъ „руководить“.

— Вотъ что, ребята,—обращается онъ къ крестьянамъ-общественникамъ—необходимо у насъ здѣсь открыть телеграфную станцію.

— Какую такую?—не смѣло вопрошаютъ мужики.

„Баринъ“ какъ умѣетъ объясняетъ, а затѣмъ—прямо переходитъ къ главной своей цѣли.

— Для открытія станціи,—говоритъ онъ,—потребуются деньги: на постройку дома, на отопленіе и освѣщеніе его; такъ ужъ вы сдѣлайте между собою раскладку, сколько тамъ требуется, и приговоръ напишите.

— А для чего намъ эта станція. Нѣшто мы —грамотные? И каки таки слова мы станемъ пущать по эфтой самой проволокѣ?—раздается одинъ голосъ изъ толпы.

— И такъ ужъ спина трещитъ отъ податей, а тутъ еще на какой-то телеграфъ подавай деньги... Обидно будетъ,—говоритъ приземистый, бѣдно одѣтый мужичекъ.

— Нѣтъ, не жалаемъ мы эту самую телеграфу заводить —раздаются голоса уже цѣлой толпы.

— Молчать!—зычно кричитъ „баринъ“. Вы, какъ бараны, пользы своей не понимаете и галдите зря... Я вамъ совѣтую, а вы слушайте да исполняйте.

— Никакъ этого невозможно, чтобы общество приняло на себя лишній расходъ безъ всякой то ись пользы. И что это въ самомъ дѣлѣ: все расходы, да расходы, доколь это будетъ? горячо возражаетъ одинъ мужикъ.

— Какъ ты смѣешь, каналья, такъ говорить? Въ кутузку его на три дня! Живо!—скомандовалъ „баринъ“ и глазки его безпокойно забѣгали.

Мужики сохраняли мертвое молчаніе, зная нравъ „барина“ и чуя бѣду.

— Такъ какъ-же, старики?—заговорилъ опять баринъ,—принимаете на себя расходъ?

— Помилосердуйте, ваше высокобродіе,—глухо загалдѣла толпа; никакъ невозможно намъ этого сдѣлать, совсѣмъ изъ силъ выбились...

— Заладили свое: никакъ невозможно... А вы подумайте, я подожду.

— Да и думать-то, значить, тутъ не приходится; прямо негдѣ копѣечки лишней взять,—заговорилъ одинъ мужикъ.

— Ну, ну! Ты! Знаю я тебя! Поговори еще—бросилъ ему сурово „баринъ“. А вы у меня думайте. Пока не надумаетесь дать денегъ самъ не уйду и васъ не отпущу.

Мужики молчатъ и только издали тяжело вздыхаютъ.

Проходитъ часъ. „Баринъ“ спрашиваетъ мужиковъ: „что надумались?“

— Никакъ не приходится намъ этого сдѣлать, — сдержанно и сурово отвѣчаютъ мужики.

— Староста! не распускай сходъ, пока не дадутъ согласія, а я пойду домой; когда согласятся, прибѣги за мной, — говоритъ „баринъ“ и уходитъ со схода.

До глубокой ночи просидѣли общественники и, наконецъ, рѣшили: „не впервой, вѣдь—все одно: свое возьметъ; надо согласье давать... И когда только лѣшій «его отъ насъ уберетъ. Бѣги, староста, къ нему, скажи: согласны, молъ».

Приходитъ баринъ.

— Ну, что? Согласны? Такъ-то лучше! Писарь, пиши приговоръ, что общество желаетъ на свои средства открыть телеграфную станцію, которая необходима для крестьянъ, для ихъ экономическаго благосостоянія и прочее тамъ.. А вы, старики, руки приложите.

Это баринъ называетъ „руководитъ“ сходомъ.

А вотъ и еще о томъ-же баринѣ, примѣръ того, какъ онъ давалъ разные обороты одному и тому-же дѣлу.

— Вашескобродіе, дозвольте васъ спросить? — робко начинаетъ свою рѣчь староста, обращаясь къ барину.

Ну?

— Такъ что у насъ, значитъ, подрядчики сейчасъ производятъ большія постройки и засорили щепками и стружками огромнѣйшій лугъ... Должны они, на примѣръ, убрать этотъ соръ?

— Обязаны, — кратко отвѣтствуетъ „баринъ“.

— Явите божескую милость, прикажите имъ сдѣлать это.

— Хорошо, прикажу. Больше ничего?

— Ничего.

— Ступай!

Черезъ нѣсколько времени является къ „барину“ плюгавенькій еврейчикъ и проситъ у него „аудиенціи“ на пять минутъ. „Баринъ“ приглашаетъ еврейчика въ кабинетъ.

Оказалось, что сынъ израиля былъ тѣмъ самымъ подрядчикомъ, который засорилъ лугъ и теперь пришелъ просить „барина“ о дарованіи ему права не очищать лугъ отъ сора.

— Гм.. собственно вы обязаны, — мычитъ „баринъ“.

— Но я-же буду васъ благодарить, — говоритъ еврейчикъ и торопливо достаетъ изъ кармана бумажникъ...

— А, ну тогда другое дѣло... Канальи!.. Я имъ задамъ! Людямъ оставляють, можно сказать, драгоценный матеріалъ для топлива и мощенія улицъ, а они — очистить!? Я имъ покажу!

Черезъ нѣсколько минутъ еврейчикъ и баринъ прощались, оба очень довольные, что „удачно“ покончили дѣло.

— До свиданія, до свиданія, — говорилъ баринъ, провожая гостя, — я имъ покажу... Ракаліи!..

А вотъ какіе факты изъ своихъ воспоминаній о земскихъ засѣдателяхъ дореформенной Сибири рассказываетъ г. Борисовскій въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1899 г. № 2).

Получаетъ „баринъ“ циркуляръ: „по возможности знакомить крестьянъ съ законами“.

Не долго думая, онъ сваливаетъ въ телѣгу всѣ 15 томовъ законовъ и въ отдѣльномъ тарантасѣ, вслѣдъ за телѣгой, катитъ въ большое село.

Страда. Мужики въ полѣ; въ избахъ лишь дѣти да старики.

— Староста, — кричитъ баринъ, созывай народъ, потому манифестъ читать надо.

Мужики сбѣжались.

— Ну, ребята, на лугъ! Становись всѣ колесомъ.

Сказано — сдѣлано.

Въ центрѣ круга выѣзжаетъ телѣга съ законами. „Баринъ“ важно читаетъ циркуляръ объ ознакомленіи крестьянъ съ законами и говоритъ своему писарю:

— Ну, приступай.

Писарь начинаетъ: „Сводъ законовъ Россійской Имперіи, изданіе 1857 г.“ и тутъ-же цитируетъ первую статью перваго тома.

— Поняли? — спрашиваетъ „баринъ“.

— Быдто понимаемъ.

— А ну-ка, повтори, хотя-бы ты, паря.

— Расея, этто быдто Рассея...

— Да не такъ: надо слово въ слово. Читай писарь, пока не выучатъ хотя-бы нѣсколькихъ статей эти остолопы.

Далѣе „баринъ“ говоритъ: «Ну дурачье! Вишь, какія толстыя книги; ихъ 15, да продолженій тутъ еще десятка съ три. Надо всѣ статьи знать слово въ слово, а вы еле-еле половину первой статьи перваго тома выучили. Поучайтесь, поучайтесь, а я зайду на квартиру, подзакушу...»

И «баринъ» важно удаляется.

Мужики догадываются:

— Видно, надѣтъ ему по полтинъ съ рыла, а то замаеть съ эфими законами, а тутъ косить бы пора.

Деньги собраны, староста, избранный парламентаромъ, является на „фатеру“, кланяется „барину“, замѣтно для него суетъ въ фуражку засѣдателя депозитки и начинается.

— Такъ что, вашбродь, ослобони отъ законовъ-то.

— Гм. . А выдь-ка на минутку. Просчитавъ на свободѣ „лепту“, «баринъ» зоветъ старосту. Тотъ для виду, конечно, продолжаетъ:

— Вашбродь, будь отецъ родной, ослобони.

— А вы обучитесь законамъ?

— Да сами, вашбродь, все сіе предоставимъ, потому...

— Ну, ладно, кончаетъ разговоръ засѣдатель,—я вамъ вѣрю... Лошадей!...

И „просвѣтитель“ катитъ далѣе просвѣщать другія селенія...

Какъ-то разъ къ этому-же засѣдателю попалъ не особенно ясно и грамотно составленный циркуляръ начальства. „Въ городѣ N. имѣется земледѣльческое училище. Туда *призываются* крестьянскія дѣти 10—14-ти лѣтняго возраста. Объявить населенію“.

Вотъ къ слову „призываются“ и придрался находчивый засѣдатель. Летитъ онъ въ большое раскольничье селеніе, зоветъ писаря.

— Писарь! Дай подворный списокъ.

Просмотрѣвъ списокъ, „баринъ“ кричитъ:

— Въ завтрашнему дню доставить Карпова, Сидорова и т. д., съ дѣтьми-мальчиками 10—14 лѣтняго возраста (дѣтей въ селѣ оказалось до 140 человѣкъ этого „школьнаго“ возраста), да заготовить 70 пароконныхъ подводъ: повезутъ ребятъ въ городъ...

На утро длинной вереницей вытянулись подводы по улицѣ села, мужики доставили въ волость „школьный возрастъ“, бабы съ ревомъ провожаютъ ребятишекъ. „Баринъ“ въ „волости“.

— Чего, дуры, ревете?—кричитъ онъ:—Россію ребята повидаютъ. Туда пойдутъ съ „партіей“, значить—шесть мѣсяцевъ, назадъ тоже, ну, годъ, значить, да тамъ шесть лѣтъ...

Раскольники въ ноги:

— Ослобони, вашбродь, отъ учобы эфтой, потому ни мы, ни отцы наши... Такъ што, мы бы и благодарность...

„Благодарность“ принята, соглашеніе состоялось, ребятъ и подводы распустили по домамъ...

Къ какимъ ухищреніямъ прибѣгали дореформенные засѣдатели, чтобы выжать взятку, показываетъ еще слѣдующій достоверный рассказъ, приводимый тѣмъ-же г. Борисовскимъ.

Такъ называемыя „земскія квартиры“, гдѣ останавливаются по дѣламъ (а то и безъ дѣлъ—покутить на дачѣ) полицейскіе и другіе чиновники, стоили обществу очень дорого; чѣмъ больше

деревня, тѣмъ дороже. Бывали «фатеры», содержаніе которыхъ обходилось сельскому обществу до 1000 р. въ годъ и даже дороже.

На земскихъ квартирахъ производились слѣдственные и разныя другія служебныя дѣйствія. По закону, въ „фатерѣ“ полагалось бесплатно одно освѣщеніе и самовары. Но господа засѣдатели, а за ними и прочіе „проѣзжіе“ чиновники на земской квартирѣ пили, ѣли, требовали себѣ поставлять даже не дозволенное и за все это платить какъ-то позабывали.

Вотъ почему „фатеры“ обходились обществамъ дорого. Одинъ изъ губернаторовъ губерніи, гдѣ служилъ описываемый г. Борисовскимъ баринъ-засѣдатель, издалъ циркуляръ приблизительно слѣдующаго содержанія:

„До свѣдѣнія моего дошло, что господа земскіе засѣдатели и другіе чиновники пользуются на земскихъ квартирахъ, при остановкѣ тамъ по дѣламъ, содержаніемъ и даже выпивкой бесплатно. Разъясняю: земскія квартиры обязаны давать чиновникамъ, останавливающимся на земскихъ квартирахъ по дѣламъ, бесплатно лишь отопленіе, освѣщеніе и грѣть самовары. Прилагая при семъ таксу на сѣстные припасы для земскихъ квартиръ ввѣренной мнѣ губерніи, предписываю: въ прочтеніи сего доставить мнѣ подписки содержателей земскихъ квартиръ, съ обязательствомъ вывѣсить прилагаемую таксу на видномъ мѣстѣ“ и т. д.

Вотъ „баринъ“-засѣдатель и ѣдетъ по земскимъ квартирамъ, исполнять этотъ циркуляръ.

Большое село и „фатера“.

„Баринъ“ бесѣдуетъ съ содержателемъ, прочтя ему циркуляръ.

— Прочелъ, уразумѣлъ, — росписку на семъ учини.

— Такъ что, вашбродь, учиню.

— Прибей таксу на видномъ мѣстѣ.

Сказано — сдѣлано.

— А ну-ка, — продолжаетъ «баринъ», — прикажи мнѣ тамъ котлетокъ нѣсколько, да „поль-собаки“ ($\frac{1}{2}$ бутылки водки).

Выпито, сѣдено. Вотъ „баринъ“ и кричитъ:

— Хозяинъ! А сколь много съ меня слѣдуетъ?

— Да ничего, вашбродь.

Здоровенная затрещина летитъ въ ухо несчастнаго содержателя земской квартиры.

— Какъ смѣешь, скотина, не исполнять циркуляровъ начальства! Ты бунтовать? Давай сейчасъ „красненькую“, — а то протоколъ, въ чижовку и пятьдесятъ горячихъ закачу.

И „красная“ летитъ въ карманъ засѣдателя...

Вамъ, читатель, надоѣлъ этотъ „баринъ“? Но поймите, что эта мелкая сошка представляла собою неумолимое условіе, которое еще такъ недавно деспотическимъ гнетомъ висѣло надъ жизнью сибирскаго захолустья...

Глава XV.

Но идутъ года... Старый, дореформенный „баринъ“, гроза и язва сибирской деревни, мало по малу отошелъ въ область печальныхъ преданій. Введены реформы. Крестьянскіе начальники, мировые судьи наводнили сибирскія захолустья. Молодые свѣжіе люди, съ высшимъ образованіемъ, съ полнымъ желаніемъ послужить на пользу окраины, триста лѣтъ стонавшей подъ ярмомъ дореформеннаго чиновничества, они несутъ въ Сибирь свѣтъ, правду, милость.

Но въ семьѣ не безъ уroda. И эти уроды заставляютъ вспоминать тяжелое прошлое нашей окраины.

Мы говоримъ про тѣ хищенія, которыя обнаружались за послѣднее время въ Тобольской губерніи. Приведемъ факты, установленные на публичныхъ судебныхъ разбирательствахъ.

Крестьянскіе чиновники С..... и Б....., фонъ-М..... растрачивали сотни тысячъ трудовыхъ крестьянскихъ денегъ. „Петербургскія Вѣдомости“ утверждали недавно, что, по приблизительному разсчету, за 3—4 года изъ общественныхъ суммъ расхищено не менѣе 300.000 руб. Но сюда входятъ только похищенные крестьянскіе мирскіе капиталы, а сколько денегъ присвоено, взято насильно и занято безъ отдачи у зажиточныхъ крестьянъ — этого въ точности не могло установить и судебное слѣдствіе.

При введеніи въ Тобольской губерніи института крестьянскихъ начальниковъ, въ большинствѣ случаевъ, являлись на службу интеллигенты, убогіе по познаніямъ, ретивые по намѣреніямъ и съ очень хорошими аппетитами. Они знакомы были только съ своими правами, но своихъ обязанностей не знали. Имъ, точно также, какъ воеводамъ въ доброе старое время, поручено было дѣлать „по своему высмотру, какъ покажется прихоже и какъ Богъ вразумитъ!“

При плохомъ образованіи, иногда не выше юнкерскихъ школъ, крестьянскіе чиновники и начальники сразу дѣлались судьями, администраторами, экономистами, агрономами, инженерами, архитекторами, педагогами — и все, что хотите. Говорятъ, что одинъ въ пьяномъ видѣ собирался даже служить обѣдню. Они строили мосты, церкви, больницы, школы, снабжали крестьянъ сельско-хозяйственными машинами, судили, администрировали, руководили просвѣщеніемъ народа, создавали школы, библіотеки и пр. и пр., но самое главное — не забывали и себя и хищничали всюду, прикрываясь желаніемъ облагодѣтельствовать крестьянство. Мудрено-ли, что при такихъ условіяхъ радѣнія не по разуму и не по совѣсти, — въ результатѣ получалось крестьянское разореніе.

Кромѣ хищничества, институтъ крестьянскихъ чиновниковъ вновь познакомилъ Тобольскую губернію съ пережитками крѣпостнаго права. „Петербургскія Вѣдомости“ передавали въ свое

время, что одни изъ крестьянскихъ чиновниковъ по наряду отъ общества пользовались бесплатными кормилицами, кухарками, горничными, скотницами и даже, страшно сказать, живымъ товаромъ. Другіе,—въ каникулярное время заставляли сельскихъ учительницъ бесплатно исполнять при своихъ дѣтяхъ обязанности нянюшекъ и боннъ. Третьи—(какъ, на примѣръ, С.....) держали, по наряду отъ крестьянъ, тетеревятниковъ, жаворонишниковъ, куропатниковъ для охоты на птицу, когда устраивались во время съѣздовъ парадные рауты для сослуживцевъ. Наконецъ, были шутники, которые изъ писарей, сельскихъ учительницъ, ссыльныхъ интеллигентовъ составляли труппы актеровъ и давали, на примѣръ, въ деревнѣ Муромцевой, Тарскаго округа, для развлечения крестьянъ, трагедіи Шекспира и отрывки изъ „Жизни за Царя“. Такія проявленія барства старыхъ помѣщиковъ не были секретомъ; они оглашались по всей губерніи, но на нихъ смотрѣли съ снисходительной улыбкой, какъ на невинное развлеченіе въ тиши деревни. Одинъ чудакъ-начальникъ, ожидая изъ Петербурга жену, приказалъ, чтобы въ теченіе двухъ часовъ были выметены всѣ деревенскія улицы. Когда крестьяне принялись за дѣло, надъ деревнею поднялся такой столбъ черной пыли, что изъ сосѣднихъ деревень прибѣжали съ бочками воды тушить пожаръ.

Когда были введены ревизіи крестьянскихъ суммъ, то эти господа относились къ нимъ, какъ къ пустой формальности. Если въ сундукахъ волостныхъ правленій денегъ не было, тогда начальники отыскивали на время ревизіи необходимую сумму и чудеснымъ образомъ, подобно аракчеевскому поросенку, пересылали ее впередъ ревизующаго изъ одной волости въ другую, такъ что къ пріѣзду ревизора деньги всегда были въ томъ сундукѣ, въ которомъ имъ и быть надлежало. Словомъ, крестьянскія суммы всюду были въ наличности и, въ то-же время, ихъ нигдѣ не было...

Но правда выплыла на свѣтъ Божій. Пожелаемъ, чтобы эта горькая правда не повторялась болѣе, чтобы она была послѣднимъ печальнымъ пережиткомъ печальнаго прошлаго.

Н. А. Гурьевъ.

Благовѣщенскъ.

(Окончаніе, — см. кн. №№ 7 и 9 текущего года).

Навигація начинается, обыкновенно, въ началѣ мая и продолжается до сентября включительно. Вслѣдствіе бывающихъ лѣтомъ засухъ Амуръ мелѣетъ и на перекатахъ особенно въ верховьяхъ его многіе пароходы попадаютъ на мель. Бываетъ такое время, когда вверхъ по Амуру глубоко сидящіе пароходы далѣе 500—600 верстъ отъ Благовѣщенска не ходятъ. Капитаны и помощники на пароходахъ до сихъ поръ преобладаютъ не развитые, грубые и малознающіе, но съ учрежденіемъ здѣсь Управленія водныхъ путей, а также рѣчного училища нежелательные элементы постепенно уменьшаются. Благоустроенныхъ пристаней по всему Амуру найдется 5—6. Пароходы просто пришвартовываются къ берегу, спускаются сходни прямо на землю и готово. Въ станицахъ къ каждому приставшему пароходу жители выносятъ съѣстные продукты—хлѣбъ, молоко, яйца, рыбу и пр. Движеніе пассажировъ по Амуру огромное и пароходы всегда бываютъ полны, а часто даже и биткомъ набиты. Во время весенняго и осенняго ледохода и таянія снѣговъ сообщеніе Благовѣщенска съ внѣшнимъ міромъ прекращается. Только срочная почта медленно двигается вдоль Амура по горамъ вьючной тропой. По тропѣ этой приходится двигаться съ массой неудобствъ и очень медленно и ее нельзя считать путемъ сообщенія.

Зимой сообщеніе совершается по замерзшимъ рѣкамъ. Этотъ путь тоже не представляетъ изъ себя чего нибудь хорошаго; тороса, полыньи и наледи, сильные морозные вѣтры, отдаленность жилыхъ мѣстъ, неудобства станцій и недостатокъ лошадей—все это отбиваетъ охоту ѣздить и зимой ѣдутъ только по самымъ важнымъ дѣламъ, да перевозятъ необходимые грузы. Дорога по землѣ еще хуже, такъ какъ за полнымъ почти отсутствіемъ снѣга приходится ѣхать въ тяжеломъ тряскомъ тарантасѣ. Вслѣдствіе того, что подвозъ товаровъ производится только во время навигаціи, приходится запасать послѣднихъ сразу на годъ и болѣе. Это въ промышленномъ отношеніи очень неудобно, такъ какъ не только капиталъ, затраченный на эту заготовку, лежитъ безъ движенія, но еще приходится производить затраты на постройку складовъ, наемъ сторожей, страхованіе. Когда построена была желѣзная дорога до Иркутска, предположили провести дорогу черезъ Забайкалье и Амурскую область до Хабаровска, чтобы, такимъ образомъ, соединить океанъ съ Петербургомъ непрерывною рельсовой линіей. Были произведены изысканія и дорога

даже наносилась на географическія карты, но потомъ рѣшили строить, вмѣсто Амурской дороги, восточно-китайскую. И, такимъ образомъ, край нашъ, богатый естественными дарами природы, остался совершенно отрѣзаннымъ отъ остального міра. Такая изолированность положенія области тѣмъ хуже, что сосѣднія территоріи имѣютъ прекрасные какъ водные, такъ и желѣзные пути сообщенія. Районъ, въ которомъ Благовѣщенскъ былъ почти единственнымъ поставщикомъ и покупателемъ товаровъ, съузился и настолько съузился, что грозилъ даже одно время экономическимъ кризисомъ. Обороты сократились, капиталъ оказался лишнимъ и дивиденды упали. Въ то время, это было три года тому назадъ, цѣны на все понизились до 20—25%. И такъ очевидно, что дальнѣйшій экономическій ростъ нашей области находится въ полной зависимости отъ путей сообщенія, и когда окрестныя желѣзныя дороги будутъ окончены, то единственнымъ спасеніемъ для края явится постройка дороги изъ Благовѣщенска въ Цицикаръ, которая горячо теперь у насъ пропагандируется.

Отъ мысли же провести дорогу по берегу Амура всѣ давно уже отказались, такъ какъ это стоило бы сотни милліоновъ.

Скажу нѣсколько словъ о преступности городского населенія. Въ 1899 году въ Благовѣщенскѣ насильственныхъ и случайныхъ смертей зарегистрировано 86 (мужч. 65, женщ. 21).

Число преступленій за это-же время достигло 176, при чемъ по 86 преступленіямъ виновные не обнаружены. Осуждено по разнымъ преступленіямъ 117 человекъ, изъ нихъ 5 женщинъ. Большинство осужденныхъ были въ возрастѣ 26—30 лѣтъ (41%).

Почтовые доходы Благовѣщенской почтово-телеграфной конторы выразились въ 1899 году въ суммѣ 217825 р., а расходы составляли 139950 р. Черезъ контору, кромѣ всѣхъ другихъ операций, отправлено 7708 разныхъ писемъ, т. е. одно отправленное письмо приходится на 5 человекъ. Получено-же разныхъ писемъ и бандеролей 188567 шт. т. е. по 5 отправленій на одного жителя.

По статистическимъ даннымъ въ Благовѣщенскѣ бываетъ въ среднемъ до 30 пожаровъ ежегодно, причемъ сгораетъ 39 дворовъ и убытковъ приносится на сумму 145000 рублей. Пожарная команда имѣетъ 3 машины и 40 человекъ прислуги. Кромѣ нея есть еще вольная пожарная дружина и, кромѣ того, многіе купцы имѣютъ домовыя пожарныя машины.

Благовѣщенскъ, растянувшійся по берегу Амура на 6 верстъ, построенъ совершенно правильно на ровной открытой площади. Улицы всѣ прямыя, широкія, перпендикулярныя. Вдоль Амура тянется четыре полныхъ улицы и три прерывающихся, неполныхъ. Поперекъ ихъ перпендикулярно къ Амуру расположено 22 улицы, длиною въ среднемъ до 2 верстъ каждая.

Къ сѣверу, т. е. со стороны противоположной Амуру, къ городу примыкаютъ разныя пригороды, дачи, заводы и фабрики и проч. На западѣ воинскія казармы, лазаретъ, тюремный замокъ, лагеря и каменоломни. Мѣстность отъ Амура вдоль Зеи, захватывающая восточную четверть города, представляетъ большую, сплошную березовую рошу. Здѣсь расположены дачи, городской садъ, пиклодромъ общества велосипедистовъ и проч. Въ Благовѣщенскѣ есть особый кварталъ, гдѣ живутъ исключительно рабочіе, приходящіе изъ Японіи, Кореи, Маньчжуріи и южнаго Китая. Онъ расположенъ за городомъ на сѣверо-западѣ.

О благоустройствѣ города можно сказать все то, что и о любомъ сибирскомъ городѣ. Благовѣщенскъ городъ деревянный. Улицы не мощены, и на нихъ лежатъ

толстый слой пыли. Во время частыхъ здѣсь вѣтровъ, пыль носится по улицамъ цѣлыми облаками и не только застилаетъ собою все, но сквозь запертыя окна набивается въ комнаты жилыхъ помѣщеній. Осенью по улицамъ стоитъ масса дождевыхъ лужъ, гдѣ гниютъ разные отбросы. Въ шутку мѣстные фельетонисты называютъ Благовѣщенскъ Пыльнолужскомъ. Жизнь въ Благовѣщенскѣ весьма дорога и сопряжена съ массой лишеній и неудобствъ. Квартіры расположены неудобно, очень дороги и не имѣютъ никакихъ приспособленій для вентиляціи. Пища такъ же дорога и, кромѣ того, однообразна: лишь мясо да деревенскія простыя овощи. Поэтому здѣсь весьма распространены разные консервы: рыба, паштеты, фрукты, сгущенное молоко и проч. и проч.

Въ городѣ лишь двѣ добропорядочныя гостиницы: „Россія“ и „Манжины“. Первая каменная, вторая деревянная. Всѣ остальные—это притоны оргій и скандаловъ. Магазины, присутственные мѣста, конторы и проч. расположились всѣ въ центрѣ города и, благодаря такой ихъ группировкѣ, на посѣщенія ихъ не тратится особенно много времени. Кромѣ того, крупныя мѣстныя фирмы, напр., Кунстъ и Алберсъ, Нобель, Чуринъ, имѣютъ товары всѣхъ почти видовъ. Зайдя въ одинъ и тотъ-же магазинъ, можно купить въ немъ и сахару, и сукна, и мебели, и платья, и книжки, и даже кастрюлю.

Тому, кто пріѣхалъ въ Благовѣщенскъ на короткое время, совѣтую совершить такую экскурсію. Прямо съ парохода направляйтесь въ зданіе городскихъ учреждений. Тамъ въ библіотекѣ можете вы пробѣжать свѣжія газеты и журналы, а за стѣной тамъ-же расположенъ естественно-историческій музей, посѣтивъ который можете вы ознакомиться съ нѣкоторыми сторонами и частями мѣстной промышленности и условій жизни, а такъ-же и съ природой края и ея дарами. Въ музеѣ собраны предметы, касающіеся быта инородцевъ, а также и добыча послѣднихъ военныхъ событій.

Затѣмъ, взявъ извозчика, поѣзжайте въ китайскій кварталъ, гдѣ можно познаться съ жизнью китайцевъ и маньчжуръ. Рядомъ съ кварталомъ построены переселенческіе бараки, гдѣ тоже можно найти много интереснаго. На лодкѣ можно прокатиться по Амуру, переплыть на правый его берегъ и посмотрѣть на развалины Сахалина и на русскій военный постъ. Отсюда хорошій видъ на городъ. Вотъ и все достойное вниманія мимоѣзжаго путника въ молодомъ городѣ Благовѣщенскѣ. Желаящіе отдохнуть въ тѣни деревьевъ могутъ направиться въ общественный садикъ, гдѣ по вечерамъ иногда играетъ музыка.

Жизнь въ Благовѣщенскѣ начинается съ открытіемъ навигаціи. Жители ждутъ навигацію всю зиму и на ней сосредоточено все ихъ вниманіе. Въ апрѣлѣ только и говорятъ о ледоходѣ и наблюдаютъ за всѣми малѣйшими измѣненіями Амура, единственномъ своемъ пути сообщенія. Но вотъ ледоходъ начался и жители стекаются на берегъ любоваться имъ. Весь городской мостъ по вечерамъ бываетъ запруженъ народомъ. Не знаю, что гонитъ ихъ смотрѣть ледоходъ, бывающій два раза въ годъ: бѣдность ли и скудость внѣшнихъ впечатлѣній зимой или просто интересъ къ рѣдкому явленію. Скорѣе и то и другое вмѣстѣ. А величественной и спокойной рѣкой во время ледохода можно плѣниться, залюбовавшись. Ледоходъ продолжается три—четыре дня и тотчасъ же, вслѣдъ за послѣдними льдинами, десятки пароходовъ пускаются въ плаваніе. Это самая горячая пора. Одни спѣшатъ отправить на пріиска сотни рабочихъ и тысячи пудовъ разнаго груза, другіе торопятся съ перевозкой груза изъ Хабаровска и Стрѣтенска въ Благовѣщенскъ, третьи заняты почтой и пассажирами. Въ теченіе одной навигаціи необходимо снаб-

дять область всѣми нужными ей предметами потребленія на весь годъ и работы поэтому много. Тогда же прибываютъ къ намъ и переселенцы; одни остаются, другіе идутъ дальше въ Уссурийскій край. Къ концу навигаціи поднимаются вверхъ по Амуру сотни тысячъ пудовъ свѣже-засоленной рыбы (кэты) и американской крупчатки и происходитъ обратное движеніе грузовъ и рабочихъ съ пріисковъ. Во время навигаціи съ берега Благовѣщенскъ похожъ на торговый городокъ. У берега всегда стоятъ не менѣе 15—20 судовъ, одни грузятся, другія расгружаются. Среди горъ всякихъ товаровъ, сложенныхъ на берегу, какъ муравьи, снуютъ во всѣ стороны люди рабочіе, пассажиры, телѣги и проч. Тѣ увозятъ, эти подвозятъ и по всему берегу слышенъ шумъ и гамъ отъ этого движенія. Раздаются свистки пароходовъ, происходитъ бойкая торговля квасомъ, пивомъ и съѣстными припасами.

Но въ то же время, когда городъ такъ оживленъ и интересенъ съ берега, внутри онъ пустъ, тихъ и скученъ. И жарко, и пыльно, и душно, и по улицамъ почти никого не видно. Контрастъ замѣчательный. Лишь къ вечеру, когда спадаетъ жаръ, ненадолго выходятъ благовѣщенцы подышать свѣжимъ воздухомъ подъ деревьями на берегу Амура. Все-же остальное время городъ мертвъ и въ 8 часовъ вечера всѣ ворота и ставни закрыты и улицы пустѣютъ совершенно.

Кончилась навигація и городъ перемѣняетъ фیزیономію.

Зимняя общественная жизнь города Благовѣщенска успѣла уже сложиться въ извѣстныя опредѣленныя формы. Слаборазвитые общественные инстинкты обывателей вылились въ совмѣстномъ праздномъ времяпрепровожденіи, игрѣ въ карты, танцевальныхъ вечерахъ и сплетняхъ. Особымъ видомъ любимыхъ удовольствій являются такъ-же домашнія и трактирныя попойки. Заработанные за лѣто деньги спускаются пріисковыми служащими и рабочими въ теченіе одной какой-нибудь недѣли. Благодаря этому, образовался здѣсь особый классъ лицъ, занимающихся исключительно разнаго рода шулерскими и мошенническими продѣлками, которыя всякими правдами и неправдами выжимаютъ изъ нихъ все, что могутъ, оставляя ихъ иногда совершенно безъ копѣйки. Постоянныхъ спектаклей и концертовъ, конечно, нѣтъ, но за то, когда случайно они устраиваются мѣстными любителями или заѣзжими артистами, посѣщаются скучающей публикой весьма охотно. Но особенно любятъ благовѣщенцы циркъ, который даетъ свои представленія ежедневно и бываетъ постоянно полонъ.

Интеллигентный кружокъ, въ попыткахъ своихъ создать разумныя развлеченія, ушелъ недалеко. Время отъ времени онъ устраиваетъ литературно-музыкальные вечера, а иногда и спек-

такли съ благотворительною цѣлью. Многія мѣстные просвѣтительныя учрежденія, напримѣръ, бесплатная народная читальня, дѣтскій пріютъ, воскресныя школы и проч. существуютъ, главнымъ образомъ, на сборы именно съ этихъ благотворительныхъ спектаклей. Другая часть мѣстной интеллигенціи, преимущественно, молодежь и учащіе обоего пола, отдаютъ свои досуги служенію другимъ: занимаются бесплатно въ воскресной школѣ, ведутъ народныя чтенія и проч. Такъ какъ зимою сухопутныя пути сообщенія, благодаря снѣгамъ и замерзшимъ рѣкамъ, сравнительно лучше, а населеніе земледѣльческаго раіона области болѣе свободно, то главный привозъ сельскихъ продуктовъ на рынокъ происходитъ именно зимой. Поэтому городскія базарныя площади постоянно бываютъ полны крестьянскими телѣгами и народомъ и идетъ оживленная торговля, какъ сырыми продуктами съ одной стороны, такъ и мануфактурными съ другой. Зимой же по рѣкѣ приходятъ въ городъ десятки обозовъ съ различными томскими и иркутскими товарами, а также забайкальскимъ мясомъ. Большинство всего этого тотчасъ же отправляется на пріиска Зейской и Буреинской системъ.

Вотъ и все, что можно сказать о молодомъ городѣ Благовѣщенскѣ. Будущность его всецѣло зависитъ отъ развитія въ области земледѣлія и золотопромышленности. А лучшими двигателями этого явятся, несомнѣнно, желѣзная дорога и земство.

Конст. Куртеевъ 2.

Ночь.

Спустилася тихая звѣздная ночь
Надъ бѣдной, усталой землею;
Заботы и думы умчались прочь,
Затихли подъ мглой голубою.

* * *

Уснули забитые горькой нуждой,
Уснули незнавшіе счастья—
Имъ ночь ниспослала желанный покой
Съ святою улыбкой участья...

* * *

Пусть спять! Безотрадная жизнь тяжела;
 Борьба за кусокъ роковая
 Такъ много и крови и силы взяла,
 Что ночь не вернетъ голубая...

* * *

Но пусть хоть во снѣ безконечныхъ заботъ
 Тяжелая горькая проза
 Подальше отъ нихъ, горемыкъ, отойдетъ,—
 Пусть сердце порадуетъ греза!...

* * *

Но ночь за далекія горы идетъ,
 Не въ силахъ боротся съ зарею,
 И—„день-побѣдитель по небу плыветъ
 Съ улыбкой своей золотою!“

Пав.—ловъ.

Глаза.

(Психологическій этюдъ).

(Окончаніе, — см. кн. 9 тек. года).

Съ этихъ поръ по ночамъ, а иногда и днемъ, Алексѣевъ чувствовалъ на себѣ эти невидимые взоры: кто-то таинственный входилъ къ нему въ комнату черезъ запертую дверь и, пристально глядя на него, заставлялъ его думать и вспоминать. „Онъ“ велъ его за собою, куда ему было нужно, и Алексѣеву казалось, что онъ знаетъ, что дѣлается тамъ, гдѣ его, Алексѣева, нѣтъ. Подъ вліяніемъ этого взгляда онъ могъ легко думать обо всемъ, даже о томъ, о чемъ раньше не могъ думать безъ значительнаго напряженія воли...

Разъ онъ совершенно неожиданно для себя встрѣтился съ „нимъ“ взорами. Онъ почувствовалъ, что „тотъ“, подсматривающій за нимъ, глядитъ ему уже не въ лицо, не на руки или грудь, а прямо въ глаза... Вотъ онъ поводитъ глазами, медленно поворачиваетъ голову въ сторону, въ то же время поднимаетъ руку и указываетъ пальцемъ на что-то.

Алексѣевъ взглянулъ и увидѣлъ себя самого, какимъ онъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Каріе глазки свѣтящіяся ра-

достью, точно такіе, какъ онъ видѣлъ тогда въ зеркалѣ... Тогда для этихъ глазъ былъ смыслъ во всемъ, что они видѣли; и для сердца, бившагося въ груди, былъ смыслъ жизни — это любовь ко всему окружающему, любовь къ самому себѣ... Все для него, для свѣжаго нетронутаго жизнью юноши было хорошо и прекрасно въ мірѣ. Если по временамъ его постигали неудачи и страданья, то „вѣчная спутница молодости“ — надежда умѣряла и уничтожала ихъ. Что можетъ быть лучше надежды на вѣчную жизнь за гробомъ? Онъ имѣлъ ее и она утѣшила его, когда онъ испыталъ первый страшный ударъ судьбы, когда умерла его единственная, горячо имъ любимая сестра. Одно воспоминанье о ней, много лѣтъ спустя, вызывало слезы на его глаза. Но и съ этимъ горемъ, со смертью и страданіями жизнь казалась прекрасной, пока опытъ не показалъ ему обратныхъ сторонъ — изнанки жизни.

Съ годами онъ терялъ надежду, терялъ любовь къ людямъ и уваженіе къ самому себѣ, потому что во всей окружающей его жизни, въ себѣ самомъ онъ замѣтилъ много пошлаго, сквернаго, несправедливаго. Онъ былъ счастливъ тогда, когда безсознательно относился къ тому, что видѣлъ; лишь только онъ достигъ сознанія, онъ пересталъ чувствовать себя счастливымъ. Ему не нравилось то, что онъ видѣлъ въ жизни: эта злоба людей къ людямъ, зависть, ожесточенная борьба за кусокъ хлѣба, за мѣсто въ жизни, за работу, за почетъ, за славу, за землю и за все, что создала природа. Ему не нравилось все въ себѣ. Это былъ обыкновенный въ молодой душѣ переломъ. Это — душа начала сознавать окружающее, перестала слѣпо вѣрить, стала добычей сомнѣній, ареной внутренней борьбы... Онъ долго изучалъ себя, старался „познать себя самого“ для того, чтобы исправить, передѣлать себя. Но онъ увидѣлъ, что изъ этого ничего не выходитъ...

Чѣмъ больше онъ узнавалъ себя, свои чувства и мысли и внѣшній окружающій его міръ, тѣмъ болѣе убѣждался, что онъ не въ силахъ что нибудь измѣнить изъ этого всего въ томъ направленіи, въ какомъ желалъ. Онъ не въ силахъ былъ побороть своихъ пороковъ, недостатковъ, страстей потому, что они были переданы ему его предками, были въ его крови. Надо было выпустить всю кровь изъ сосудовъ его тѣла и влить новую, тогда исчезли бы пороки, переданные тысячами предковъ: суевѣрныхъ, злыхъ, раболѣпныхъ съ сильными, высокомерныхъ съ слабыми, этихъ дьяковъ, подьячихъ, служилыхъ людей, грубыхъ крѣпостниковъ. Всѣ его пороки это — почтенное наслѣдство цѣлыхъ поколѣній! Какъ онъ могъ въ теченіе одной жизни измѣнить въ себѣ то, что было выработано жизнью многихъ поколѣній... Онъ можетъ только страдать отъ сознанія своихъ

недостатковъ; можетъ быть, только его внуки поборять ихъ въ себѣ...

Однако-жъ, не все въ немъ было дурно и скверно.

... Многое, унаслѣдованное отъ предковъ, было измѣнено тѣмъ поколѣніемъ, къ которому онъ принадлежалъ...

Въ немъ были благородные порывы...

Онъ хотѣлъ быть бойцомъ за угнетенныхъ, обиженныхъ, подавленныхъ тѣми, кто имѣлъ больше силъ, способностей и умѣнья бороться за существованіе.

Попытки такой дѣятельности неудались и онъ находилъ удовлетвореніе хотя въ томъ, что онъ онъ былъ въ средѣ такихъ же неудачниковъ, томящихся сознаниемъ неправды и своего безсилія, а не въ средѣ довольныхъ жизнью и судьбой... Онъ искалъ общества лучшихъ людей, которые не угнетаютъ, не подавляютъ ближняго богатствомъ, способностями, знаніемъ, которые сознаютъ неправду и борются съ нею, какъ могутъ.. Но у этихъ людей онъ видѣлъ тѣже недостатки, какъ у всѣхъ другихъ: тщеславіе, борьбу самолюбій, честолюбивыя мечты... Тотъ же человекъ, что часъ тому назадъ готовъ былъ на великодушный поступокъ, клеветалъ на другого, ненавидѣлъ ближняго за то, что тотъ былъ талантливѣе, способнѣе, словомъ, чѣмъ нибудь выше его самого... Кровь, отравленная вѣками неправдой, которой жили предки, текла въ ихъ жилахъ... Они дѣйствовали очень часто подъ вліяніемъ тѣхъ-же страстей, какъ и предки, хотя и понимали, что эти страсти постыдны...

Въ общемъ—жизнь его была безцѣльна. Ни въ чемъ онъ не находилъ захватывающаго интереса, ничему не отдавался всею душой.—Можетъ быть, двойственность была удѣломъ всего современнаго ему поколѣнія? спрашивалъ онъ себя. Очень многіе люди, встрѣченные имъ на жизненномъ пути, были похожи на него; также, какъ онъ, они не отдавались дѣлу съ свѣтлою вѣрою въ него; сомнѣнія убивали ее въ нихъ...

Но, можетъ быть, онъ былъ-бы еще полезенъ какому нибудь добродѣлю; можетъ быть, онъ сѣумѣетъ пострадать за добро, за правду, принести въ жертву этой правдѣ свою жизнь?.. Нѣтъ, онъ боялся страданій и боялся смерти. Въ этомъ отношеніи онъ стоялъ ниже предковъ, которые ставили свою жизнь на карту ради бездѣлицы, за пустое слово подставляли свою грудь подъ дуло пистолета, подъ остріе шпаги. У него нервы были слабѣе, чѣмъ у предковъ. Это были цѣльныя натуры, а онъ былъ натура, полная противорѣчій, терзаемая сомнѣніями... Сознаніе жизненной неправды далось ему не даромъ. Онъ заплатилъ за него здоровьемъ, нервами; какъ разъ тѣмъ, что нужно было для борьбы съ неправдой.

И вотъ онъ, слабый, ненужный человѣкъ, стоящій на перепутьѣ, примирился съ жизнью, отказался отъ попытки внести въ нее ту правду, которую признавалъ. Онъ женился, поступилъ на службу, получалъ исправно жалованье, признавая, что такъ жить нечестно, такъ какъ дѣятельность его не приносила въ сущности никакой пользы обществу. За ничтожный трудъ онъ получилъ возможность наслаждаться жизненными благами, которыхъ были лишены тысячи его ближнихъ, проводившихъ жизнь въ тяжеломъ трудѣ...

Но онъ считалъ себя еще способнымъ на благородный порывъ. Онъ не умѣлъ устроить свою жизнь такъ, какъ слѣдовало устроить по той правдѣ, которую онъ признавалъ, но, при извѣстныхъ условіяхъ, онъ могъ возвыситься до благороднаго поступка, до жертвы за ближняго или за доброе дѣло...

Эта послѣдняя иллюзія, казалось ему теперь, была разбита въ театральномъ залѣ въ ночь пожара, въ тотъ моментъ, когда онъ оттолкнулъ отъ себя женщину, молящую о помощи. Онъ сдѣлался просто убійцей... онъ убилъ человѣка, который ему мѣшалъ... Женщина мѣшала ему поскорѣе выйти на волю и онъ толкнулъ ее подъ ноги толпѣ. Она погибла, но взглядъ ея живой и выразительный тяготѣетъ на немъ. Неужели этотъ взглядъ будетъ преслѣдовать его до гроба?..

Какъ избавиться отъ ужаснаго укора, который чувствуется въ этомъ взглядѣ? Если онъ отдастъ свой поступокъ на судъ людей, люди его оправдаютъ. Какой судъ рѣшится обвинить его въ убійствѣ? Самый суровый приговоръ это — дурной поступокъ въ состояніи невмѣняемости, причиненномъ страхомъ. Но развѣ онъ былъ неотвѣтственъ за свой поступокъ, когда онъ хорошо признавалъ, что дѣлаетъ худо, а, все-таки, дѣлалъ? Въ немъ воля была свободна.. А если это такъ, то онъ самъ себя долженъ покарать за свой поступокъ...

Проанализировавъ такъ свое душевное состояніе, Алексѣевъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Онъ легъ на кровать, закрылъ себя съ головой одеяломъ, какъ бы защищаясь отъ глазъ, устремленныхъ на него изъ темноты. Засыпая, онъ чувствовалъ пріятное успокоеніе, хотя и признавалъ, что глаза еще не сказали ему всего, что они имѣли ему сказать...

IV.

Послѣ того, какъ „глаза“ доказали Алексѣеву все его ничтожество, доказали, что вся жизнь его была ложью, они пріобрѣли страшную надъ нимъ власть. Эти знакомые глаза, взглядъ которыхъ тяготѣлъ надъ нимъ, могли каждую данную минуту заставить его подняться съ мѣста и идти, идти подобно вѣчному жида, идти безостановочно, куда они велятъ.

Часто онъ во время занятій, а иногда во время обѣда или чая, вскакивалъ съ мѣста и начиналъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Странная тревога, непонятное волненіе овладѣвали имъ. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ и думалъ до тѣхъ поръ, пока „тотъ таинственный“, что невидимо слѣдилъ за нимъ, не отводилъ отъ него знакомыхъ ему глазъ. Тогда онъ опять садился за прерванное занятіе и продолжалъ его. Этими странностями онъ удивлялъ своихъ знакомыхъ и очень огорчалъ жену. Она часто плакала, когда никто не могъ этого видѣть, и совѣтовалась съ врачами втайнѣ отъ мужа, такъ какъ одинъ видъ врача раздражалъ его.

Однажды на службѣ, въ то время какъ директоръ дѣлалъ ему выговоръ, вполнѣ, по мнѣнію сослуживцевъ его, имъ заслуженный,—онъ, Алексѣевъ, вдругъ почувствовалъ взглядъ знакомыхъ глазъ. Лицо его приняло тревожное выраженіе, онъ слушалъ разсѣяннo слова начальника; наконецъ, повернулся и, не говоря ни слова, вышелъ изъ кабинета, надѣлъ пальто,—быстро ушелъ изъ канцеляріи, повергнувъ въ изумленіе директора и сослуживцевъ.

Директоръ разсердился и хотѣлъ въ первую минуту написать кому слѣдуетъ, чтобы Алексѣева освидѣтельствовали, не сошелъ ли онъ съ ума. По мнѣнію сослуживцевъ, это не могло пройти ему даромъ; они долго толковали о томъ, что Алексѣеву придется выйти въ отставку, и уже назначали ему замѣстителя.

Но, подумавъ, директоръ отнесся къ Алексѣеву мягко и оставилъ его поступокъ втунѣ.

— На него находить по временамъ, объяснилъ директору докторъ, бывавшій въ домѣ Алексѣевыхъ.—Во время пожара, помните?.. Онъ испыталъ сильное потрясеніе; съ тѣхъ поръ онъ началъ проявлять странности, но, я думаю, само время вылѣчить его. Отнеситесь къ его поступку снисходительно; вѣдь, у него жена и дѣти.

Докторъ надѣялся напрасно; время не вылѣчивало Алексѣева. Глаза не давали ему покоя...

Часто по ночамъ, онъ чувствовалъ, что какая-то тѣнь проходила надъ нимъ. Онъ не видѣлъ ее, но осязалъ, такъ сказать, нервами. Она будила его или усыпляла; она посылала ему сны, странные сны, которые почти всегда показывали ему картины пережитаго, но комбинировали ихъ, соединяли и связывали такъ, какъ не бываетъ въ дѣйствительности: страшное въ нихъ смѣнялось веселымъ, величественное смѣшнымъ, безъ всякаго порядка и послѣдовательности... Все это прошлое его такое мизерное! Стоило его переживать, чтобы потомъ притти къ заключенію, что въ немъ не было смысла и цѣны? Ему снились сны, которые по пробужденіи наводили на грустные мысли. Вотъ

ему снится, что онъ, полный гнѣва и негодованья, говоритъ грозныя рѣчи тѣмъ предпринимателямъ, которые торгуютъ тѣломъ „бѣлыхъ невольницъ“... Они смущены и слабо защищаются; имъ немного стыдно, потому что онъ такъ умѣлъ имъ сказать правду, что въ нихъ проснулась совѣсть. Но, въ то время, какъ въ нихъ заговорила совѣсть, въ немъ самомъ тоже заговорило новое чувство, чувство гадкое, котораго онъ стыдится, но не можетъ побороть въ себѣ. Передъ нимъ встаютъ сладострастные образы... онъ перестаетъ владѣть собою и ищетъ объятій тѣхъ, о несчастной судьбѣ которыхъ онъ только что плакалъ... Предприниматели благодарятъ его за то, что онъ поддержалъ ихъ коммерцію, какъ тысячи другихъ „господъ“...

Вотъ онъ опять что-то говоритъ о любви къ ближнему, о правдѣ, о равенствѣ людей и преспокойно смотритъ, какъ ближній пресмыкается передъ нимъ, исполняетъ тысячи разныхъ не-пріятныхъ, но необходимыхъ въ житейскомъ обиходѣ, работъ... Онъ такъ воспитанъ, что не можетъ обойтись безъ прислуги.

Все, что онъ говорилъ о добротѣ, о правдѣ, не имѣло смысла. Жизнь была устроена такъ, что онъ не могъ жить такъ, какъ ему нравилось, а долженъ былъ жить такъ, какъ живутъ всѣ другіе люди. Да, онъ дѣлалъ все такъ, какъ всѣ. Что сказали бы о немъ, если бы онъ одѣлся не такъ, какъ одѣваются всѣ, а такъ, какъ ему нравилось? Всѣ уличные мальчишки указывали бы на него пальцами; полиція обвинила бы его въ нарушеніи благопристойности. Все должно быть такъ, какъ нравится большинству, а не каждому отдѣльному лицу. Это его возмущало.

Ему разъ захотѣлось поступить такъ, какъ ему лично хочется, а не такъ, какъ принято поступать. Онъ всталъ съ постели, зажегъ свѣчу, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ вышелъ на улицу и пошелъ по улицѣ со свѣчою въ рукахъ.

Былъ уже разсвѣтъ. Рабочіе шли на фабрику, торговки спѣшили на базаръ. Все уже двигалось и суетилось, и никому не было дѣла до чужого горя, никто не думалъ уже о катастрофѣ, которая недавно разразилась надъ городомъ; о слезахъ, о столахъ, о могилахъ, которые остались послѣ нея на землѣ.

Никто не замѣтилъ бы его, если бы онъ былъ одѣтъ, какъ всѣ. Но онъ былъ одѣтъ не такъ: онъ былъ въ бѣльѣ, босой, съ зажженной свѣчей въ рукахъ; выраженіе его глазъ было не то, что у всѣхъ. И всѣ обратили на него вниманіе. Многіе останавливались и указывали на него пальцемъ; одни улыбались, другіе пожимали плечами и продолжали свой путь. А онъ шелъ впередъ и смѣялся надъ всѣми въ душѣ...

Наконецъ, его встрѣтилъ знакомый городской и пришелъ въ изумленіе.

— Иванъ Васильевичъ! Ваше благородіе! Это вы какъ?... Куда?

Городовой внимательно посмотрѣлъ въ глаза ему и, не говоря больше ни слова, позвалъ извозчика, усадилъ Алексѣева въ пролетку и повезъ домой. Тамъ всѣ еще спали и никто не замѣтилъ его исчезновенія. Прислуга разбудила жену. Жена дала городовому „за труды“ и просила его никому не говорить о случившемся.

— Ничего, сказалъ тотъ. На крайній случай можно доложить, что они съ пьяныхъ глазъ выскочили этакъ-то... Ну, а мы этого не можемъ допускать.

Все обошлось благополучно. Алексѣевъ былъ доволенъ своимъ опытомъ; все случилось такъ, какъ онъ предполагалъ: незначительное въ сущности обстоятельство, что онъ пошелъ по улицѣ въ томъ костюмѣ, какой ему нравился, повело къ его задержанію. „Что же они со мной сдѣлаютъ, когда узнаютъ, что я мыслю не такъ, какъ принято, не такъ, какъ всѣ?“ Эта мысль наполнила его страхомъ.

Жена его позвала доктора и долго совѣщалась съ нимъ. У нея не было денегъ везти мужа туда, куда указалъ докторъ. Она заставила мужа подать прошеніе директору и просить отпущенія съ сохраненіемъ содержанія; она надѣялась, что отдыхъ на свѣжемъ воздухѣ въ деревнѣ поправитъ его. Алексѣевъ подалъ прошеніе и не сказалъ ни слова. Онъ страдалъ оттого, что жена его плакала, что глаза ея были обращены на него съ безпокойствомъ и грустію. Но онъ былъ поглощенъ другимъ чувствомъ. Онъ все ожидалъ, что скажетъ ему „тотъ“, что смотритъ на него знакомыми глазами, что проходитъ надъ нимъ по ночамъ невидимой, но осязаемой тѣнью...

Внезапно „онъ“ пришелъ и Алексѣеву показалось, что „онъ“ хочетъ сказать ему что-то очень важное. Разъ ночью, когда онъ всматривался въ темноту и, такъ сказать, прислушивался къ тишинѣ, ему показалось, что кто-то взялъ его за руку. Это прикосновеніе, казалось, проникло въ мозгъ, какъ электрическая искра по проволокѣ, и пробудило тамъ мысль... Это была очень хорошая мысль и онъ давно ожидалъ ее. Неужели онъ навсегда потерялъ спокойствіе духа? Зачѣмъ онъ борется съ собою, возстаетъ противъ того, съ чѣмъ онъ давно помирился? Онъ потерялъ равновѣсіе въ душѣ и долженъ возстановить его; тогда онъ будетъ счастливъ по прежнему, не будетъ знать противорѣчій и мучительныхъ вопросовъ. Что же нужно для того, чтобы опять стать человѣкомъ нормальнымъ, возстановить равновѣсіе душевныхъ силъ? Едва онъ задалъ себѣ этотъ вопросъ, какъ „тотъ“ уже шепталъ ему на ухо отвѣтъ: „ты долженъ найти одно воспоминаніе, отыщи его въ хламѣ пережитого и будешь счастливъ“.

Алексѣевъ вскочилъ съ постели и зашагалъ по комнатѣ, не зажигая свѣчи. Онъ все смотрѣлъ въ темноту и думалъ, и припоминалъ, но не могъ припомнить того, что было нужно.

Темнота молчала, умъ искалъ во всѣхъ уголкахъ памяти, но не находилъ, а „тотъ“ молчалъ и не помогалъ ему ориентироваться въ хламъ пережитого и найти искомое.

Тогда онъ зажегъ свѣчу и смотрѣлъ на свѣтъ, на пламя свѣчи; онъ ждалъ, что свѣтъ наведетъ его на мысль, которую требовалось найти. Голова его горѣла; онъ чувствовалъ, что изъ угла комнаты глядятъ на него знакомые глаза и глядятъ такъ же, какъ тогда, въ залѣ театра въ ночь пожара.. Неужели онъ потерялъ воспоминаніе въ тотъ мигъ, когда оттолкнулъ отъ себя человѣка, молящаго о помощи? Можетъ быть, оттого онъ затосковалъ, что потерялъ изъ памяти что-то и не нашелъ потеряннаго до сихъ поръ. Имъ овладѣла досада. Онъ нервно забѣгалъ по комнатѣ и побѣждалъ въ уголъ къ глазамъ, чтобы спросить у нихъ о потерянномъ, но въ углу была пустота. Онъ побѣждалъ въ другой уголъ, но глаза перенеслись въ третій. Онъ кинулся туда, но глаза уже парили надъ нимъ подъ потолкомъ и глядѣли на него сверху.

Онъ сѣлъ на кровать и задумался. Если не было въ его памяти ничего, что навело бы его на забытыя мысли или мечты, то, можетъ быть, чтонибудь изъ окружающаго, изъ того, что было внѣ его, поможетъ ему? А можетъ быть—этого можно достигнуть при помощи воображенія? Онъ сталъ воображать себѣ различныя мѣста, гдѣ онъ бывалъ въ различные моменты своей жизни; разные предметы, глаза и лица людей, которые когда-либо производили на него впечатлѣніе.

Онъ припоминалъ рѣчи, слова, стихи, которые онъ когда-то любилъ, припоминалъ звукъ голоса тѣхъ, кто говорилъ когданибудь эти слова и рѣчи или декламировалъ эти стихи...

Но не припоминалъ того, что нужно было. Всякій разъ, воображая что-нибудь изъ прошлаго, хорошее или гадкое, онъ вопросительно смотрѣлъ въ пустоту; оттуда кто-то точно отвѣчалъ ему: „нѣтъ, не то, не то...“

Тогда онъ сталъ припоминать голоса стихій: плескъ волнъ, завыванья бури, унылое плесканье дождевыхъ капель и ручьевъ по крышѣ, грохотъ грома, шумъ грозы. Случайно, взглянувъ на свѣчку, онъ вспомнилъ голосъ огня.. Какъ говорятъ огненные языки пламени, когда оно обвивается вокругъ балокъ и стропилъ. Раньше, когда онъ пристально смотрѣлъ на горящій фитиль свѣчи, она не напоминала ему о пожарѣ; теперь, когда онъ случайно взглянулъ на нее, она направила его мысли на вѣрный путь: крики, стоны, топотъ толпы, визгъ женщинъ, трескъ огня—все это наводило его на мысль о пожарѣ. Ему показалось, что

глаза сдѣлали ему изъ угла знакъ: они закрылись и открылись, какъ бы говоря: „да, тамъ ты найдешь это“.. Кто-то тронулъ его за плечо и сказалъ, что на пепелищѣ пожара онъ вспомнить забытое. Онъ разроетъ пепель и тамъ найдетъ что-то такое, на что довольно взглянуть, чтобы припомнить забытое и исцѣлиться...

Увѣренность въ этомъ была такъ сильна, что онъ рѣшилъ итти на развалины костра, бѣжать туда во что бы то ни стало, бѣжать немедленно, не взирая ни на что. Но онъ зналъ, что въ передней спитъ человѣкъ, которому поручено наблюдать за нимъ; теперь, пожалуй, онъ не спитъ и, заглядывая въ комнату чрезъ замочную скважину, слѣдитъ за нимъ.. Надо дѣйствовать осторожно...

Алексѣевъ потушилъ свѣчу, легъ, укрылся и притворился спящимъ; потомъ, спустя часъ, онъ потихоньку поднялся съ постели, отворилъ окно и заглянулъ въ садъ.

Деревья были неподвижны; какъ бы скованныя дремотой, тихо стояли они, по временамъ сонно шелестя листьями, какъ бы бормоча что-то сквозь сонъ. На небѣ не было звѣздъ, а были тучи; тучи шли съ востока и волновались какъ море. Луна вынырала порой изъ этого моря и тогда садъ загорался серебрянымъ свѣтомъ; подъ нависшими вѣтвями деревьевъ колебались какія-то таинственные тѣни; онѣ какъ бы протягивали руки изъ темноты къ свѣту и ловили серебряныя блески лучей, рассыпавшіяся по листьямъ, и снова скрывались въ темнотѣ.

Алексѣевъ сѣлъ на подоконникъ, а потомъ повисъ на немъ. Ему казалось, что кто-то подхватилъ его и легонько спустилъ на землю, такъ тихо скользнулъ онъ по стѣнѣ внизъ и упалъ на траву.

Чрезъ калитку сада онъ вышелъ на улицу и пошелъ, крадучись, подъ домами. Вдругъ огромная тѣнь перерѣзала ему дорогу; кто-то закричалъ въ боковой улицѣ; собаки залаяли гдѣ-то въ дальнемъ дворѣ. Онъ ускорилъ шаги. Ему показалось, что его на яву преслѣдуютъ тѣ же самыя страшилища, которыя когда-то проходили передъ нимъ въ темнотѣ безконечными вереницами. Они бѣгутъ за нимъ, какъ бѣгутъ призраки, стерегущіе кладъ, за смѣльчакомъ, ищущимъ цвѣтокъ папоротника въ ночь на Ивана Купала. Они не хотятъ, чтобы онъ нашелъ забытое воспоминанье и исцѣлился, чтобы онъ избавился отъ всѣхъ этихъ мыслей, которыя терзаютъ его... И онъ бѣжалъ, не переводя дыханья, впередъ и впередъ. Наконецъ, передъ нимъ открылась площадь и посреди нея темная груда развалинъ и обгорѣлыхъ стѣнъ. Луна вынырнула изъ тучъ и метнула снопъ серебряныхъ искръ на эти печальныя останки великолѣпнаго зданія. Луна не успѣла освѣтить его всего. За луной неслась по

небу круглая туча, за ней цѣлый рядъ разорванныхъ облаковъ; вотъ они догнали луну, потушили ея свѣтъ и все стало темно и мрачно.

Но Алексѣеву было все равно. Онъ и въ темнотѣ найдетъ въ кучѣ пепла и угля то, что онъ ищетъ. Что это будетъ: камень или уголь или кусокъ желѣза—онъ не зналъ. Онъ узнаетъ тогда, когда коснется этого пепла.

— Куда, куда—ходить не приказано! раздался вдругъ надъ его ухомъ грубый голосъ. Кто-то схватилъ его за руку и не пускалъ впередъ.

Неужели его задержать на краю спасенія? Онъ видитъ пепель, въ которомъ зарыто что-то, что поможетъ ему вспомнить забытое, и онъ не можетъ коснуться его. Нѣтъ, онъ долженъ схватить горсть этого пепла. Ему казалось, что одно прикосновеніе къ этому мусору спасетъ его.

— Прочь, кричалъ онъ, прочь! Я здѣсь потерялъ воспоминаніе, я долженъ найти его!..

Вокругъ него раздались свистки и вскорѣ цѣлая толпа какихъ то темныхъ фигуръ окружила его. Онъ отбивался отъ нихъ руками, ногами, головой. Онъ не могъ сдаться безъ борьбы; онъ долженъ былъ коснуться пепелища во что бы то ни стало. Ему наносили удары, но онъ не чувствовалъ боли; онъ весь былъ поглощенъ своей страстью коснуться, хотя ногой пепелища, гдѣ таится что-то такое, что должно исцѣлить его. Онъ чувствуетъ сладкое замираніе сердца: моментъ исцѣленія близокъ... Впередъ! еще одно усиліе!.. Но этого усилія онъ сдѣлать не можетъ и падаетъ на руки окружающихъ его темныхъ фигуръ.

Алексѣевъ упалъ въ обморокъ на руки сторожей, оберегавшихъ развалины, и былъ доставленъ въ участокъ, гдѣ была установлена его личность. А дальше случилось то, что давно предвидѣли его родные. Его подвергли освидѣтельствованію, признали рехнувшимся и заперли въ домъ умалишенныхъ.

Врачи и родные не теряли надежды на его выздоровленіе. Больной былъ кротокъ и самъ не терялъ надежды, что онъ поправится, возстановитъ душевное равновѣсіе, сдѣлается нормальнымъ человѣкомъ совершенно похожимъ на всѣхъ. Это случится тогда, когда онъ отыщетъ забытое воспоминаніе. Врачи не могли ничѣмъ ему въ этомъ помочь.

По цѣлымъ часамъ онъ сидѣлъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, погруженный въ думы, и вспоминалъ. Иногда въ умѣ его внезапно вставали проблески какихъ то мыслей, которыя намекали на то, что надо было вспомнить. Онъ вскакивалъ съ мѣста, или хватался за голову, какъ бы желая пожатіемъ рукъ удержать въ головѣ эти проблески и по нимъ возстановить въ памяти то, что онъ забылъ.

Но они опять погружались въ темноту, оставляя на лбу у него капли пота; опять имъ завладѣвали мысли, которыя дѣлали его непохожимъ на всѣхъ прочихъ людей, на большинство; онъ опять искалъ въ воображеніи разные предметы, глаза, лица людей, слова, мотивы пѣсни, которые могли бы ему помочь отгадать забытое.

Когда врачъ, завѣдывавшій больницей, спрашивалъ его о здоровьи, онъ отвѣчалъ, съ умоляющимъ выраженіемъ въ глазахъ:

— Я буду здоровъ и веселъ и похожъ на всѣхъ людей, только помогите мнѣ, Бога ради, найти вотъ это, — что я вспоминаю и не могу вспомнить.

Врачъ торопливо уходилъ. Ему какъ-то неловко было выносить этотъ умоляющій взглядъ больного человека...

А. Ключе.

* * *

Онъ не пойметъ твоихъ высокихъ чувствъ, —
Онъ не пойметъ твоей любви къ народу.
Рабомъ воспитанъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, —
И рабству онъ не предпочтетъ свободу!

Не довѣрай своей судьбы ему!
Растопчетъ дерзко цвѣтъ онъ благовонный.
Искусства перлъ, поверженный, въ пыли
Лежить, рукою варвара сраженный!

Всеv. Сибирскій.

Р патронатъ.

(Окончаніе, см кн. 8 и 9 текущаго года.)

Теперь обратимся къ нашему отечеству. Первая попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана въ царствованіе императора Александра I. Въ 1819 г. подъ вліяніемъ идей Джона Говарда и по мысли его послѣдователей, братьевъ Ванингъ, было учреждено въ Россіи на широкихъ общественныхъ началахъ попечительное о тюрьмахъ общество, имѣвшее цѣлью, отнюдь не подрывая авторитета закона и не видоизмѣняя наказанія, облегчить участь тюремныхъ сидѣльцевъ. Къ сожалѣнію, эта филан-

тропія дальше тюремныхъ стѣнъ не пошла и замкнулась въ нихъ. Общество это имѣетъ губернскіе комитеты и отдѣленія ихъ—уѣздные комитеты, которые сначала проникнуты были духомъ частной инициативы и принесли много плодотворныхъ результатовъ въ дѣлѣ облегченія участи тюремныхъ сидѣльцевъ, такъ какъ установленія эти вѣдали хозяйственную и нравственную сторону тюремной жизни подъ ближайшей отвѣтственностью лицъ, занимающихъ болѣе или менѣе вѣское положеніе на государственной службѣ. Прямого запрещенія объ оказаніи помощи освобожденнымъ уставъ общества не содержитъ, косвенно же устанавливаетъ мѣры для поощренія тюремныхъ сидѣльцевъ къ честной жизни по выходѣ изъ тюрьмы; напримѣръ, оно заботится о томъ, чтобы арестантъ къ выходу изъ тюрьмы могъ заработать деньги, которыя выдаются ему по освобожденіи. Съ преобразованіемъ попечительнаго о тюрьмахъ общества 7 ноября 1851 г. счо обратилось въ полубюрократическое учрежденіе, т. е. превратилось со своими развѣтвленіями (комитетами и отдѣленіями) въ правительственный органъ тюремнаго управленія, который немало содѣйствовалъ матеріальному благоустройству тюремъ, но оказался непригоднымъ для улучшенія нравственнаго быта тюремныхъ сидѣльцевъ, а тѣмъ болѣе—для попеченія объ освобожденныхъ преступникахъ. Губернскіе комитеты были переполнены членами *ex officio*, которые, благодаря прямымъ своимъ обязанностямъ, лишены возможности удѣлять время для тюремнаго дѣла. Частныя лица допускаются въ уѣздные и губернскіе комитеты, но не въ качествѣ лицъ, сочувствующихъ тюремному дѣлу и вносящихъ въ него оживленіе, а просто въ качествѣ жертвователей, которыхъ интересуется лишь полученіе орденовъ въ награду за усердіе, и которыя поэтому не пытаются имѣть голосъ и не вліяютъ на ходъ тюремнаго дѣла *)

Въ 1875 г. С.-Петербургскій комитетъ попечительнаго о тюрьмахъ общества основалъ уѣзжище для освобожденныхъ изъ мѣстъ заключенія. Но эта форма покровительства при дороговизнѣ его оказалась неудобною.

Въ 1893 году утвержденъ уставъ состоящихъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ мужскихъ и дамскихъ благотворительныхъ тюремныхъ комитетовъ. Когда въ 1893 году возникла мысль о созданіи патроната въ столицахъ, то рѣшились упразднить въ нихъ мужскіе и дамскіе комитеты этого общества, такъ какъ строго бюрократическій характеръ комитетовъ попечительнаго о тюрьмахъ общества оказывался неудобнымъ въ дѣлѣ патроната, и замѣнить ихъ мужскими и дамскими благотворительно-тюрем-

*) С. К. Гогель. Докладъ о патронатѣ Русской группы международнаго съѣзда криминалистовъ.

ными комитетами на новыхъ общественныхъ началахъ (ст. 21 устава), чтобы жизненно поставить дѣло патроната. Уставы комитетовъ помѣщены въ приложеніи къ ст. 66 по продол. 1895 г. „уст. о сод. подъ стражей“ (Т. XIV).

Перейдемъ теперь къ вопросу о практической постановкѣ патроната въ Россіи, гдѣ онъ является дѣломъ новымъ. Патронатъ есть юридическое отношеніе, подобное союзу родителей и дѣтей, но возникающее путемъ соглашенія, ибо вступленіе въ число патронируемыхъ совершается именно этимъ путемъ. Субъектами патроната являются: активнымъ субъектомъ, которому принадлежитъ право, попечительное общество—лицо юридическое, пассивнымъ субъектомъ, на которомъ лежитъ обязанность, каждый патронируемый; объектами-же этого право-отношенія являются извѣстныя дѣйствія (по большей части дѣющіяся) какъ со стороны патронирующихъ (помощь, поддержка, надзоръ и пр.), такъ и со стороны патронируемыхъ (воздержаніе, повиновеніе и пр.); совокупность этихъ дѣйствій составляетъ содержаніе патроната. Начнемъ съ активнаго субъекта патроната.

Попечительное общество патроната есть юридическое лицо. Для достиженія цѣлей патроната недостаточно силъ, средствъ и одинокихъ усилій отдѣльныхъ лицъ, а потому люди для достиженія этой цѣли соединяются въ союзы. Субстратомъ попечительнаго общества являются физическія лица и матеріальныя средства. Но для того, чтобы попечительное общество было юридическимъ лицомъ, необходимо признаніе его со стороны государства, которое утверждаетъ уставъ общества. Признаніе это со стороны государственной власти необходимо для того, чтобы общество патроната свободно могло проявлять свою дѣятельность, а также изыскивать средства для своего существованія. Даже болѣе. Такъ какъ цѣль патроната точно опредѣленная, превышающая силы и средства одного человѣка, въ осуществленіи которой заинтересовано все общество, есть цѣль благая, не мимолетная, а постоянная и отнюдь не противорѣчащая положительному праву, что видно изъ того, что даже сами монархи состоятъ или членами, или покровителями попечительныхъ обществъ, то необходимо, чтобы государственная власть сама вызвала къ жизни дремлющія, а можетъ быть—и уже готовыя, какъ утверждаетъ С. К. Гогель, силы общества для осуществленія цѣлей патроната,—чтобы она не создавала, а по возможности устраняла всѣ препятствія и переграды для дѣятельности обществъ патроната. Составъ членовъ обществъ патроната, какъ и иныхъ обществъ, можетъ дѣлиться на почетныхъ и дѣйствительныхъ и членовъ-корреспондентовъ. Такъ какъ цѣли патроната въ основѣ своей проникнуты нравственными началами, то необходимо, чтобы сами члены обладали

этимі качествами, ибо миссія ихъ очень высока. Кромѣ того, для членовъ необходима преданность дѣлу патроната, а также умѣніе и способности въ дѣлѣ перевоспитанія преступника. „Тардъ“, наримѣръ, „совѣтуетъ вербовать въ эти общества побольше небогатыхъ людей, потому что богатые въ тюрьмы обыкновенно не идутъ, а дожидаются, пока къ нимъ не обратятся за помощью освобожденные и участіе ихъ болѣе денежное, нежели сердечное“. *) Какъ-бы то ни было, желательно, чтобы въ члены попечительнаго общества поступали лица всѣхъ сословій и состояній, отъ простого ремесленника до ученаго включительно, ибо членамъ общества придется имѣть дѣло съ освобожденными преступниками всѣхъ категорій. Затѣмъ, придется иногда помѣщать отбывшихъ наказанія въ мастерскія, а потому и присутствіе въ нихъ членовъ патроната, будь-то хозяинъ, или мастеръ, разумѣется желательно. Не всѣ, конечно, члены патроната могутъ быть способными къ воспитательной дѣятельности, а иные могутъ неимѣть достаточно времени, чтобы посѣщать тюрьмы постоянно, знакомиться тамъ съ преступниками и оказывать на нихъ вліяніе; поэтому активное дѣло патроната можетъ быть поручено членамъ комитета или правленія или даже особымъ агентамъ, на подобіе того, какъ общества попеченія о начальномъ образованіи содержатъ особыхъ учителей и учительницъ. Даже по закону 12 іюня 1900 г. крестьянскія и мѣщанскія общества не могутъ отказываться отъ принятія обратно въ среду свою лицъ, отбывшихъ наказаніе, и эти послѣдніе, послѣ отбытія наказанія, возвращаются на родину или избираютъ себѣ опредѣленное мѣсто жительства, однако внѣ городовъ, а потому если въ уѣздныхъ городахъ, селахъ и деревняхъ не будетъ образовано особыхъ обществъ патроната, то возможно было-бы и не ограничивать поступленіе въ члены мѣстомъ жительства въ губернскихъ городахъ; въ члены общества могли-бы поступать и лица, живущія на мѣстахъ въ уѣздахъ (напр., лица духовнаго званія, чиновники, судьи, землевладѣльцы, фабриканты, учителя, старшины и нѣкоторые крестьяне и др.). Эти лица могли-бы быть или дѣйствительными членами, или членами-корреспондентами, или просто агентами общества; чрезъ этихъ лицъ могли-бы получаться разныя свѣдѣнія объ отбывшихъ наказаніе и ихъ семействахъ. Однимъ словомъ, привлеченіе къ дѣлу патроната лицъ изъ мѣстной уѣздной интеллигенціи весьма желательно. Хотя не всѣ, но нѣкоторые изъ уѣздныхъ членовъ могутъ, все-таки, побывать въ городѣ, хотя-бы и по очереди, и принять участіе въ общихъ собраніяхъ членовъ общества. Въ крупныхъ-же уѣздныхъ центрахъ изъ наличныхъ членовъ могутъ составиться кружки или отдѣленія

*) Спасовичъ. Новыя направленія въ наукѣ уголовъ права, стр. 17.

пошечительнаго общества. Въ виду того, что за послѣднее время появляется много новыхъ и новыхъ благотворительныхъ обществъ, то выдвигается вопросъ объ объединеніи всѣхъ благотворительныхъ обществъ. По этому поводу Кроне говоритъ, что большое число благотворительныхъ союзовъ раздробляетъ духовныя и матеріальныя силы. Духовской и Е. Антоновичъ высказываются въ томъ-же смыслѣ *), но Г. С. Фельдштейнъ отстаиваетъ самостоятельность патроната въ виду того, что задачи патроната слишкомъ спеціальны и требуютъ особыхъ дѣятелей. Это справедливо, но дѣло въ томъ, что въ нашихъ губерніяхъ, какъ уже замѣчено было на V съѣздѣ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ — число лицъ, которыя принимаютъ участіе въ организаціи дѣятельности благотворителей, незначительно, что одни и тѣ-же лица попадаютъ во всѣ различныя общества и, кромѣ того, между этими различными обществами возникаетъ большая конкуренція и ловля членовъ съ цѣлью привлеченія возможно большаго количества средствъ. Эта конкуренція вредно отзывается на матеріальныхъ средствахъ заведеній. А если это такъ, то нельзя не считаться съ этимъ обстоятельствомъ. Поэтому можно было-бы предложить соединеніе всѣхъ благотворительныхъ обществъ, по подобію, напримѣръ, университетовъ, въ которыхъ имѣются факультеты, независимые другъ отъ друга, но объединенные въ одномъ учрежденіи. Тогда, можетъ быть, не было-бы упомянутой конкуренціи, а всякій благотворитель избралъ-бы родъ благотворительности согласно своимъ желаніямъ и способностямъ. При объединеніи обществъ могло-бы быть достигнуто справедливое распредѣленіе матеріальныхъ средствъ и, можетъ быть, нашлись-бы новые источники увеличенія ихъ.

Вопросъ о томъ, какова должна быть организація патроната, официальная или полуофициальная бюрократическая, или дѣло патроната должно быть предоставлено инициативѣ и энергіи частныхъ лицъ, рѣшается въ пользу послѣдняго предположенія, что отчасти видно изъ предшествовавшаго изложенія и изъ примѣра заграничнаго патроната. Хотя Г. С. Фельдштейнъ объясняетъ причину неуспѣха у насъ патроната не тѣмъ, что тюремные комитеты были и суть полуофициальны, поставлены подъ ближайшую отвѣтственность бюрократическаго элемента, но тѣмъ, между прочимъ, что тюремные комитеты не умѣли привлечь общественныхъ силъ къ дѣлу и игнорировали патронатъ индивидуальный **), однако тюремные комитеты, вѣдь, су-

*) Г. С. Фельдштейнъ. Патронатъ. его необходимость и принципы организаціи. Вѣстникъ права, № 4, 1900 г.

**) В. права № 4, 1900 г.

ществуютъ и до сихъ поръ и, все таки, не привлекаютъ общественныхъ силъ и игнорируютъ патронатъ индивидуальный; и окажется-ли организація патроната, если она будетъ носить характеръ полуофициальный, на высотѣ своего призванія, это еще вопросъ. Г. С. Фельдштейнъ ссылается при этомъ на примѣръ Англіи. Но что хорошо идетъ въ Англіи, то можетъ итти плохо въ Россіи при одинаковыхъ формахъ организаціи патроната. Профессоръ Н. Д. Сергѣевскій говоритъ: „нельзя не согласиться съ тѣмъ, что задачи патроната болѣе свойственны дѣятельности общественной, чѣмъ государственно-бюрократической“, но вводитъ одно важное замѣчаніе, что общественная дѣятельность всегда будетъ болѣе или менѣе случайной, между тѣмъ какъ исправительная тюрьма безъ патроната является своего рода *pompens*. Тутъ, по его мнѣнію, лежитъ одно изъ неразрѣшимыхъ затрудненій исправительной тюремной системы. *) Но, думается намъ, что если-бы послѣдовало объединеніе благотворительныхъ обществъ, то едва-ли-бы дѣло патроната подверглось случайностямъ, ибо трудно предположить, чтобы благотворительность исчезла; если-же окажется недостатокъ въ членахъ благотворителейъ, преданныхъ дѣлу патроната, то объединенныя общества могли-бы, все-таки, найти добросовѣстныхъ агентовъ. Наконецъ, дѣло патроната могло-бы быть приурочено къ земскому или городскому самоуправленію, чтобы не быть случайнымъ. А, вѣдь, городское населеніе очень и очень заинтересовано въ безопасности со стороны рецидивистовъ.

Для успѣшной дѣятельности обществъ патроната необходимо созданіе главнаго или центрального общества патроната. Такія общества существуютъ во всѣхъ странахъ, гдѣ правильно организованъ патронатъ. Это главное общество непосредственно не принимаетъ на себя заботы о выпущенныхъ изъ мѣстъ заключенія, оно способствуетъ открытію новыхъ обществъ, утвержденію ихъ уставовъ, распространяетъ и пропагандируетъ идею и задачу патроната, знакомитъ общества другъ съ другомъ. Значеніе этого главнаго общества патроната для Россіи выяснено въ трудахъ С. К. Гогеля и Г. С. Фельдштейна. Но, кромѣ того, на главное общество патроната можно бы было возложить и защиту интересовъ обществъ патроната при столкновеніяхъ этихъ обществъ съ тюремной администраціей или комитетами попечительнаго о тюрьмахъ общества. С. К. Гогель ставитъ неперемѣннымъ условіемъ успѣшности главному русскому обществу патроната, чтобы оно было вовсе не научное, а практически благотворительное.

Однако, вполне съ этимъ мнѣніемъ согласиться едва-ли можно. А именно: изъ словъ самого-же С. К. Гогеля можно до нѣко-

*) Н. П. Сергѣевскій, Учебникъ рус. угол. права, стр. 162.

торой степени вывести необходимость присутствія научнаго элемента въ главномъ обществѣ патроната. Такъ онъ говоритъ, что правильно поставленныя общества патроната окажутъ весьма плодотворное вліяніе на тюремный строй, что главное общество патроната могло бы указывать новые пути и средства примѣненія патроната, и что комитетъ этого общества можетъ задумывать какія-нибудь новыя предпріятія въ области патроната. Дѣйствительно, общества патроната окажутъ плодотворное вліяніе на тюремный строй, даже больше: они будутъ стремиться къ этому, но въ стремленіи своемъ могутъ встрѣтить препятствія, для устраненія ихъ понадобятся доказательства, которыя, въ свою очередь, могутъ потребовать научной разработки, чтобы имѣть силу. Если-же мы заглянемъ нѣсколько впередъ, то не увидимъ-ли, что патронатъ, стоящій очень близко къ пенитенціарной системѣ, при условіи близкаго знакомства членовъ попечительнаго общества съ личностью преступниковъ и съ факторами преступности, будетъ способствовать реформѣ карательной системы, о которой ученые заводятъ рѣчь? А въ такомъ случаѣ присутствіе научнаго элемента для патроната явится въ достаточной мѣрѣ необходимымъ. Далѣе — если главное общество патроната могло-бы указывать новые пути и средства примѣненія патроната, то для этого необходимо прежде всего убѣдиться въ годности и полезности ихъ, если не черезъ практику, то, по крайней мѣрѣ, научнымъ путемъ. Г. С. Фельдштейнъ говоритъ, что центральный комитетъ объединенныхъ обществъ патроната можетъ образовать собой учрежденіе, въ которомъ могли-бы обсуждаться и вырабатываться новые усовершенствованные приемы попечительства, и при обсужденіи ихъ легко можетъ встрѣтиться надобность въ научномъ ихъ обоснованіи. По нашему мнѣнію, ни главному обществу патроната, ни мѣстнымъ обществамъ не должно-бы чуждаться науки по стольку, по скольку она относится до патроната. Главное опасеніе С. К. Гогеля, по всей вѣроятности, состоитъ въ томъ, что главное общество патроната, имѣя предъ собой двѣ задачи: научную и практически-благотворительную, погонится за двумя зайцами и ни одного не поймаетъ. Но дѣло съ научными вопросами можетъ быть обставлено очень просто: разъ дѣло дойдетъ до нихъ, то они могутъ передаваться на обсужденіе особой комиссіи, состоящей изъ юристовъ, врачей и другихъ ученыхъ, входящихъ въ число членовъ общества, какъ дѣлается это въ другихъ обществахъ. Или научные вопросы могли бы обсуждаться на съѣздахъ представителей обществъ патроната. Наконецъ, желательно, чтобы представители патроната принимали участіе въ Русской группѣ международнаго союза криминалистовъ.

Перейдемъ теперь къ другому субстрату попечительнаго общества патроната—матеріальнымъ средствамъ. Средства общества могутъ слагаться изъ членскихъ взносовъ, изъ суммъ за-вѣщанныхъ и пожертвованныхъ на цѣли патроната, наконецъ, ученые надѣются, что и правительство не оставитъ общества патроната безъ субсидіи, ибо цѣли и задачи патроната свойственны цѣлямъ и задачамъ государства. Однако, средства эти могутъ быть еще недостаточны и случайны, а потому обществамъ патроната придется изыскивать источники средствъ, чтобы не зависѣть всецѣло отъ одной благотворительности. Но такъ какъ и отзывчивость общества не вездѣ одинакова, то при увеличеніи числа благотворительныхъ обществъ средства дѣйствительно могутъ уменьшиться. Вотъ это-то обстоятельство и говоритъ за соединеніе обществъ. Кромѣ того, обществу патроната, прежде чѣмъ начать свою дѣятельность, необходимо заручиться вѣрными средствами, рассчитанными на болѣе продолжительное время. Такими средствами могутъ служить какія-либо оброчныя статьи или имущества, дающія постоянный доходъ, напр.,—дома и т. п.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ уставахъ обществъ патроната. Проекты устава главнаго общества патроната и нормальнаго устава попечительнаго общества объ освобожденныхъ выработаны С. К. Гогелемъ и Г. С. Фельдштейномъ и помѣщены въ №№ 4 и 8 журнала Министерства Юстиціи за 1900 годъ. Проекты эти представлены на разсмотрѣніе Русской группы международнаго союза криминалистовъ. Въ общихъ чертахъ уставы эти сходны. Проектъ Г. С. Фельдштейна по отношенію къ закону 12 іюня 1900 г. является болѣе цѣлесообразнымъ, ибо въ § 19 его проекта говорится, что по мѣрѣ развитія своей дѣятельности попечительному обществу предоставляется открывать отдѣленія въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ крупныхъ уѣздныхъ центрахъ съ успѣхомъ могли бы быть учреждены отдѣленія общества патроната. По проекту же С. К. Гогеля попечительная дѣятельность и надзоръ за освобожденными на мѣстахъ можетъ осуществляться только членами корреспондентами (§ 7). Разумѣется, гдѣ членовъ корреспондентовъ нѣсколько, то лучше устроить отдѣленіе общества. По проекту Г. С. Фельдштейна право рѣшающаго голоса въ дѣлахъ общества имѣютъ члены почетные и дѣйствительные, члены сотрудники имѣютъ только голосъ совѣщательный (§ 16). Въ члены-же сотрудники Комитетомъ приглашаются лица безъ опредѣленнаго взноса, но такія, *которыя могутъ принести обществу пользу своими трудами* (§ 15), а дѣйствительные члены принимаютъ на себя обязанность уплачивать ежегодно въ пользу общества извѣстную сумму, за невзносомъ которой въ *теченіе*

двухъ лѣтъ они утрачиваютъ свое званіе членовъ общества (§ 14 и 15). Слѣдовательно, можетъ случиться такъ, что вся дѣятельность дѣйствительнаго члена и ограничится членскимъ взносомъ, который можетъ быть и очень не великъ. Такъ С. К. Гогель опредѣляетъ его въ одинъ рубль. Поэтому недѣятельные дѣйствительные члены могутъ въ общемъ собраніи только за одинъ, быть можетъ, рубль, да и то иной разъ въ долгъ, наговорить, нашумѣть, провалить любой порядочный вопросъ и повліять на рѣшеніе вопросовъ; между тѣмъ, какъ полезные своими трудами обществу члены-сотрудники не имѣютъ рѣшающаго голоса, и ихъ мнѣнія могутъ признаваться ничтожными. Въ виду этого нѣтъ никакого основанія лишать членовъ сотрудниковъ рѣшающаго голоса, тѣмъ болѣе, что они признаются полезными, желанными дѣятелями, разъ приглашаются комитетомъ. Такимъ образомъ, проектъ С. К. Гогеля дѣлитъ членовъ только на почетныхъ и дѣйствительныхъ, опредѣляя членскій взносъ однимъ рублемъ (§ 2). А что членскій взносъ не долженъ быть великъ, это видно изъ предшествовавшаго изложенія, ибо членами могутъ быть и люди небогатые, лишь-бы они обладали нравственными качествами, да сердечнымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Теперь перейдемъ къ пассивному субъекту патроната и рассмотримъ, кто можетъ пользоваться покровительствомъ попечительныхъ обществъ.

Прежде всего патронатъ есть организованная благотворительность, а благодѣяніе силою навязать никому нельзя. Почему, по справедливому мнѣнію проф. И. Я. Фойницкаго, патронатъ долженъ быть добровольнымъ, т. е. помощью патроната могутъ воспользоваться только желающіе. Это первое. Но желающихъ можетъ оказаться очень много и между ними могутъ оказаться такіе, на которыхъ никакія мѣры исправленія и воспитанія не подѣйствуютъ, которые, прикрываясь личиною честности, будутъ стремиться только обмануть общество, воспользовавшись матеріальной поддержкой. Для этихъ лицъ нужны особые мѣропріятія въ родѣ *maisons de préservation*, рекомендуемыхъ Принсомъ. А потому необходимъ выборъ лицъ, достойныхъ покровительства: исправившихся или подающихъ надежду на исправленіе, а для этого, въ свою очередь, необходимо знакомится съ преступниками въ тюрьмѣ. Это второе. Хотя д'Оссонваль говоритъ: „если не право, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое основаніе ожидать такую помощь даетъ не фактъ освобожденія изъ тюрьмы, а фактъ раскаянія“ *). Однако, нельзя согласиться, чтобы лица нераскаявшіяся были всегда недостойны покровительства. Такъ, напримѣръ, возьмемъ преступника изъ какой нибудь семейной драмы; положимъ, что

*) И. Я. Фойницкій. Ученіе о наказаніи.

жена, вѣчно притѣсняемая мужемъ, изо дня въ день подвергавшаяся побоямъ, издѣвательствамъ и т. п., съ цѣлью избавиться отъ своего тирана, совершаетъ преступленіе надъ мужемъ и попадаетъ въ тюрьму. Такая женщина можетъ и не раскаяться въ томъ, что совершила: она, можетъ быть, считала единственнымъ своимъ выходомъ изъ тяжелаго положенія совершеніе преступленія, да и можемъ-ли мы требовать отъ нея раскаянія предъ собою. Богъ ей судья. Но намъ нѣтъ основанія отказывать ей въ помощи. Для насъ достаточно, чтобы эта женщина и нѣкоторые другіе преступники такого рода внушали намъ увѣренность, что они не совершаютъ рецидива или другихъ преступленій. Теперь представимъ себѣ случай иного рода: допустимъ, что, отбывши наказаніе, преступникъ является къ члену попечительнаго общества и говоритъ ему, что онъ раскаивается во всѣхъ своихъ преступленіяхъ, сознаетъ ихъ, обѣщается впредь вести себя хорошо и поэтому желаетъ воспользоваться покровительствомъ. Спрашивается: кромѣ, быть можетъ, матеріальной поддержки, какая-же еще тутъ нужна нравственная поддержка? Казалось-бы, что никакой моральной помощи такому раскаившемуся преступнику и не требуется. Но это такъ кажется только на первый взглядъ. А если у этого человѣка воля слаба и онъ при всемъ своемъ сознаніи вреда отъ преступленія при первомъ-же, можетъ быть, соблазнѣ поддастся ему и вновь упадетъ въ преступленіе? Отсюда ясно, что устраненіе отъ такого лица соблазновъ, помѣщеніе его въ хорошемъ мѣстѣ и извѣстный надзоръ за нимъ необходимы. Далѣе,—покровительство не должно ограничиваться только кругомъ лицъ, выпущенныхъ изъ тюрьмы, но должно распространяться и на лицъ, отбывшихъ наказаніе во всѣхъ мѣстахъ заключенія, въ томъ числѣ и въ арестныхъ домахъ. Это третье. И, наконецъ, четвертое—это то, что покровительство попечительныхъ обществъ должно распространяться и на тѣ семьи освобожденныхъ, которыя, быть можетъ, за отсутствіемъ единственнаго кормильца находятся въ безпомощномъ положеніи. Это, по справедливому замѣчанію Г. С. Фельдштейна, уменьшаетъ озлобленіе преступника къ обществу и примиряетъ его съ нимъ. Однако, какъ бы ни были добровольны благотворенія, оказываемыя попечительнымъ обществомъ, и хотя бы оказывались только лицамъ, достойнымъ покровительства, что послужило-бы стимуломъ къ исправленію, тѣмъ не менѣе—попечительныя общества должны распространять идеи патроната между преступниками, стремиться къ тому, чтобы число достойныхъ покровительства увеличивалось, ибо въ противномъ случаѣ можетъ произойти то, что было въ Пермскомъ обществѣ патроната, которое перестало болѣе опекать освобожденныхъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто сами арестанты этого не

захстѣли *). Гарантіей увѣренности общества патроната въ томъ, что оно можетъ предпринимать мѣры попеченія относительно преступника, можетъ служить передача послѣднимъ обществу своего тюремнаго заработка. Что-же касается тѣхъ возраженій, которыя и сейчасъ раздаются, будто-бы общество патроната создаетъ привилегированное положеніе для преступниковъ, между тѣмъ какъ многіе бѣдняки, не запятнавшіе себя еще преступленіемъ, остаются въ худшемъ положеніи, то на это слѣдуетъ сказать одно: что не здоровымъ нуженъ врачъ а больнымъ, приравнивая въ данномъ случаѣ больныхъ къ преступникамъ, и что мѣры, принимаемыя къ *оздоровленію* преступныхъ или вредныхъ обществу элементовъ, не исключаютъ необходимости оказывать помощь и нуждающимся классамъ населенія и стремиться всѣми способами къ поднятію ихъ матеріальнаго положенія...

Теперь перейдемъ къ объектамъ патроната, т. е. къ дѣйствіямъ: 1) патронирующихъ и 2) патронируемыхъ, и посмотримъ, въ чемъ должны заключаться эти дѣйствія. Изъ вышеизложеннаго ясно, что всѣ дѣйствія патронирующихъ должны сводиться къ матеріальной и нравственной поддержкѣ патронируемыхъ, причемъ неперемѣннымъ условіемъ успѣшности патроната должно быть знакомство съ преступниками еще въ тюрьмѣ и даже, по возможности, съ самаго начала поступленія ихъ въ мѣста заключенія, если желательно перевоспитаніе преступника, дабы успѣть устранить отъ него деморализующее вліяніе тюрьмы. Быть можетъ, обнаружится, что нравственное воздѣйствіе на преступника скорѣе будетъ достигнуто вскорѣ послѣ совершенія преступленія, когда психика преступника можетъ еще измѣниться, чѣмъ послѣ того, какъ преступникъ пробылъ уже достаточное время въ тюрьмѣ.

Но, завязывая отношенія съ преступниками въ тюрьмѣ, члены общества неминуемо должны по существу столкнуться съ дѣятельностью членовъ попечительнаго о тюрьмахъ общества, ибо дѣятельность и этихъ послѣднихъ заключается также, кромѣ внѣшняго улучшенія быта тюремныхъ сидѣльцевъ, въ достиженіи нравственнаго преуспѣянія арестантовъ. Но эта дѣятельность попечительнаго о тюрьмахъ общества проявляется слабо, да и она съ удобствомъ могла бы быть передана въ вѣдѣніе общества патроната. Но важнѣе могутъ быть столкновенія членовъ общества, при осуществленіи ими своихъ задачъ, съ тюремнымъ начальствомъ, можетъ образоваться двоевластіе въ тюрьмѣ. Для разрѣшенія такихъ коллизій необходимъ особый органъ или особое присутствіе, которое могло бы быть образовано въ Губернскомъ Тюремномъ Комитетѣ при участіи членовъ мѣстнаго

*) Тюрем. Вѣстн. 1899 г. № 11.

общества патроната и тюремной инспекціи; высшей же инстанціей могло бы служить особое присутствіе въ Главномъ Тюремномъ Управленіи при участіи членовъ главнаго общества патроната.

Помощь, оказываемая патронируемымъ, должна быть прежде всего индивидуальная; матеріальная помощь должна быть подаваема натурою; она должна заключаться въ доставленіи средствъ существованія на первыхъ порахъ, въ одеждѣ, пищѣ и т. д., въ доставленіи работы, какъ еще въ тюрьмѣ, такъ и по выходѣ изъ нея, въ опредѣленіи мѣста на службу и т. д. Должно избѣгать денежныхъ выдачъ, и матеріальная помощь натурою должна быть такова, чтобы патронируемый не могъ постоянно на нее разсчитывать, а старался бы самъ своимъ трудомъ поддерживать свое существованіе. При опредѣленіи мѣста патронируемыхъ слѣдуетъ сохранять прошлое осужденнаго въ тайнѣ: оно должно быть извѣстно только тому, къ кому поступаетъ патронируемый на мѣсто, въ мастерскую или услуженіе.

Что же касается коллективной формы помощи, то въ крайнихъ случаяхъ и она необходима, когда освобожденному тотчасъ по выходѣ изъ мѣста заключенія не найдется работы или мѣста. Для этой цѣли могутъ служить дома трудолюбія или убѣжища, устраиваемыя на подобіе германскихъ Arbeiter-Kolonie. Если общество смотритъ съ предубѣжденіемъ на убѣжища, устраиваемыя для освобожденныхъ, какъ на тюрьмы, то, вѣдь, общество патроната можетъ и разсѣять эти предубѣжденія. Далѣе—общество патроната можетъ отдавать освобожденныхъ на поруки надежнымъ лицамъ: роднымъ, товарищамъ, сосѣдямъ, какъ это практикуется за границей; этимъ могло бы возродиться древнее русское поручительство по дѣламъ уголовнымъ, имѣвшее за собою и хорошія стороны. Если въ наше время, быть можетъ, замѣчается распадъ семьи, то поручительство въ этомъ случаѣ могло бы послужить связующимъ элементомъ въ семьѣ: оно способствовало бы развитію нравственной отвѣтственности семьи за поступки своихъ членовъ. Наконецъ, попечительному обществу, согласно предыдущаго изложенія, могутъ быть присвоены нѣкоторыя права по отношенію къ патронируемымъ. Напримѣръ, право на дисциплинарную власть, право конфискаціи заработанныхъ денегъ и право надзора, и этотъ надзоръ съ успѣхомъ могъ бы замѣнить полицейскій надзоръ, при чемъ для устраненія нѣкоторыхъ неудобствъ, вытекающихъ изъ закона 12 іюня 1900 г. о высылкѣ изъ городовъ лицъ, отбывшихъ наказаніе, общество патроната могло бы исходатайствовать разрѣшеніе брать на поруки тѣхъ лицъ, которыя предоставятъ достаточную гарантію и надежду въ томъ, что они исправились или не совершатъ вновь преступленія, съ обязанностью доносить полиціи о ихъ поведеніи.

Это даже послужило бы стимуломъ къ исправленію, ибо освобожденный находился бы подъ постоянной угрозой быть высланнымъ, если будетъ вести себя безпорядочно. Оказаніе помощи ограничивать какимъ либо срокомъ нѣтъ надобности: она должна прекращаться, смотря по обстоятельствамъ. Иной разъ бываетъ достаточно оказать помощь только по выходѣ изъ тюрьмы. Однако, помощь матеріальная, вообще, скорѣе можетъ быть прекращена, чѣмъ поддержка нравственная.

Дѣйствія же и обязанности патронируемыхъ сводятся къ послушанію и повиновенію совѣтамъ и указаніямъ патронирующихъ и въ добропорядочномъ поведеніи, въ согласіи подчиниться извѣстному режиму и въ передачѣ тюремнаго заработка обществу патроната.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о возможномъ вліяніи патроната на тюремный строй и, вообще, на пенитенціарную систему. Если въ настоящее время наши тюрьмы неудовлетворительны, то, когда общество патроната приступитъ къ дѣйствіямъ, со всѣми недостатками тюрьмы ему придется считаться, ибо одною изъ задачъ тюремнаго заключенія является, какъ говоритъ проф. Н. Д. Сергѣевскій, превращеніе тюрьмы въ такое учрежденіе, въ которомъ заключенный посредствомъ возможнаго исправленія сдѣлался бы способнымъ, безъ нарушенія общественной безопасности, возвратиться къ жизни въ обществѣ. Но такъ какъ неизвѣстно, когда это превращеніе состоится, а оставлять преступника безъ такого исправленія въ тюрьмѣ и ждать, пока онъ выйдетъ изъ тюрьмы, нѣтъ основанія, то обществу патроната и придется взяться за дѣло исправленія, и правительство, думается намъ, не откажетъ въ этомъ обществу патроната, ибо тюремное заключеніе само то по себѣ все же останется наказаніемъ, если это заключеніе не будетъ обставлено такъ, какъ въ Эльмарѣ или Иллинойсѣ, гдѣ преступниковъ кормятъ пуддингами и устраиваютъ для нихъ такія развлеченія, какія и не снились даже во снѣ нашему любому бѣдняку. Общества патроната могли бы принять участіе въ дѣлѣ организаціи труда въ тюрьмѣ, могли бы споспѣшествовать нравственному и религіозному воспитанію преступниковъ и, вообще, послужили-бы желательной тюремной реформѣ. Патронатъ можетъ также оказать пользу при реабилитаціи преступника, вводимой по проекту новаго уголовного уложенія (ст. 28). Такъ, отбывшій наказаніе преступникъ и состоявшій подъ покровительствомъ патроната можетъ заручиться одобрительнымъ свидѣтельствомъ отъ него при ходатайствѣ о реабилитаціи. Ясно, что помощью патроната будутъ пользоваться только лица несостоятельные, бѣдные, ибо преступники изъ состоятельныхъ не нуждаются въ матеріальной поддержкѣ и, по всей вѣроятности, отклоняютъ отъ себя всякую опеку по выходѣ изъ

мѣсть заключенія. Но является вопросъ: неужели обладаніе достаточными средствами служить всегда гарантіей, что лицо вновь не совершитъ преступленія и не будетъ опасно для общества? Думается, что нѣтъ. Поэтому внушеніе такимъ лицамъ добрыхъ правилъ поведенія со стороны попечительнаго общества возможно лишь въ тюрьмѣ, пока эти лица лишены свободы. Но по выходѣ изъ тюрьмы та-же реабилитація можетъ послужить и стимуломъ къ исправленію, и здѣсь общество патроната, опять-таки, могло-бы быть привлечено къ дѣлу выдачи одобрительнаго свидѣтельства о поведеніи и такому освобожденному. Кромѣ того, если окажется необходимость въ реформѣ пенитенціарной системы—въ смыслѣ-ли исправленія преступника, или въ смыслѣ наложенія наказанія не сообразно съ понятіемъ преступленія, а съ дѣяніемъ даннаго дѣятеля, —патронатъ можетъ оказать и тутъ весьма большую услугу, ибо онъ будетъ близко знакомъ съ личностью преступника и со всѣми условіями и факторами преступности, и, наконецъ, въ силу этихъ-же обстоятельствъ патронатъ можетъ указывать, на что должна быть направлена и когда соціальная политика и полицейская дѣятельность государства.. .

Если ученые ратуютъ за условное освобожденіе, то развитіе патроната для введенія этого освобожденія крайне необходимо, ибо однимъ изъ существенныхъ условій его является возможность для освобожденнаго имѣть обезпеченныя средства къ существованію, такъ какъ многіе изъ освобожденныхъ преступниковъ выходятъ изъ тюрьмы въ жалкомъ рубищѣ, не имѣютъ родныхъ, друзей и знакомыхъ, готовыхъ поддержать ихъ, нерѣдко физически истощенные и не могутъ сразу найти подходящихъ занятій за отсутствіемъ довѣрія къ нимъ.

Закончивъ настоящую статью, выражаю надежду, что идея патроната, преслѣдующая одну изъ величайшихъ проблемъ человѣчества—спасеніе погибающихъ и возрожденіе падшихъ къ новой честной жизни, при томъ въ видахъ охраненія безогасности самого же общества,—найдетъ широкое примѣненіе въ жизни нашего отечества въ только что наступившемъ XX вѣкѣ, и патронатъ подъ сѣнью мира разовьется въ огромное дерево, которое вѣтвями своими обниметъ всю Россію и дастъ прекрасные плоды.

Павель Рязановъ.

Осень.

Гдѣ вы, силы мощныя, молодые сны,
Гдѣ вы, думы свѣтлыя розовой весны,
Гдѣ восторги чудныя, чистыя мечты,
Гдѣ любовь безумная?.. Молодость, гдѣ ты?..

Отлетѣли съ осенью грезы и мечты,
Какъ умчались съ вѣтрами желтые листы...
Какъ зимой холодною скована земля,
Такъ любовь безумная замерла моя!..

Подо льдами синими не журчатъ ключи,
Не бросаетъ на землю солнышко лучи;
Такъ и силы мощныя, молодые сны—
Всѣ уснули, замерли... только до весны.

Пав. — ловъ.

Въ былые дни.

(Сцены изъ сибирской жизни въ 3-хъ картинахъ).

(Продолженіе, — см. кн 9 тек. года).

Картина 2.

Лѣсъ, слѣва видна часть рѣки, на сценѣ пеньки, справа большое срубленное дерево (колода); сзади его вплоть береза.

ЯВЛЕНІЕ 1.

(Маіоръ и Сквалыгина (сидятъ на колодѣ)).

Сквалыгина (отмахиваясь вѣткой). Фу ты, Боже мой, наказаніе-то какое... И откуда эта мушкара проклятая берется... Ни куревомъ ее, ничѣмъ не отобьешь...

Маіоръ (куритъ трубку) У меня отъ нея первое средство табакъ... Несносное созданіе... А въ особенности на смотрахъ... Оправиться въ строю не смѣй, гляди въ глаза начальнику, а тутъ эта проклятая мушкара—такъ и жарить...

Сквалыг. (осматриваясь). И паутина въ воздухѣ...

Маіоръ. Да-съ, бабье лѣто... Грибы идутъ, а вотъ морозецъ приударилъ-бы,—разлюбезное бы дѣло было.

Сквал. Ну, мороза совсѣмъ не надо.. Еще успѣемъ за зиму-то намерзнуться...

Маіоръ. Нѣтъ-съ, Анна Панкратьевна, морозецъ теперь прекрасно... Рябина давно ужъ поспѣла... Послать-бы солдатиковъ въ лѣсъ... Я изъ этой ягоды каждый годъ настойку дѣлаю... Очень полезительная вещь... Только рябину надо брать послѣ морозца... Тогда она ароматнѣе, вкуснѣе...

Сквал. (лукаво). Эхъ, маіоръ, маіоръ!.. Что вамъ теперь о рябинѣ думать, — вы объ этомъ не безпокойтесь... Рябину *хозяйка* соберетъ, настоитъ ее, да и наливочкой васъ попотчуетъ...

Маіоръ. Нѣтъ-съ, я разсыропленную не люблю... Настаиваю самъ, на меня не угодишь, потому что я человекъ съ своимъ собственнымъ вкусомъ... Все люблю по своему, а сладостей не люблю... Онѣ мнѣ вредны... Хоть я, благодаря Бога, и не чувствую хвори, а все поберегаться надо... Теперь въ особенности... усиленно блюду себя. Встаю въ 6 часовъ, иду въ казармы, потомъ въ кухню, — субалтернъ у меня, простите за выраженіе, — такая давленная клюква, даромъ, что ему и 50 лѣтъ нѣту, юноша, можно сказать, а дрянъ... Затѣмъ, какъ полагается, дѣлаю маціонъ, потомъ гимнастику, затѣмъ передъ сномъ фельдфебель выливаетъ на меня ушатъ воды...

Сквал. Скажите, маіоръ, вы говорили съ Данилой Кузьмичемъ насчетъ Леночки?

Маіоръ. Т. е. какъ вамъ сказать?... И да, и нѣтъ... Теперь съ нимъ ни о чемъ говорить нельзя, ничего не понимаетъ... Гвоздемъ у него засѣло въ головы попасть... Только объ этомъ и говорить...

Сквалыг. А съ Ѳеклой Ивановной говорили?

Маіоръ. Съ ней ничего говорить не придется... Баба слезливая, къ тому-же и сердобольная... какъ будто у ней не всѣ дома... Вотъ какъ-бы краля то наша, Елена Даниловна, не зауросила...

Сквал. Охъ, непокорныя нынѣ дѣточки пошли...

Маіоръ. А что, развѣ можно спастись?

Сквал. Оно не то чтобъ очень, а все надо какъ можно сполитичнѣе... Дѣвушка она добрая, словъ нѣтъ, да, вишь, въ компанію аховую попала...

Маіоръ. Вы меня пугаете.. Въ какую компанію?

Сквал. Да какъ-же... Учительница то, Софья-то Петровна, изволите, вѣдь, ее знать...

Маіоръ. Да, знаю... это такая тоненькая, сухонькая...

Сквал. Она самая.. И не смотрите вы на нее, что она тоненькая, да сухонькая, — бѣдовая она... Ужъ за ней надзиратель Колбасниковъ подсматриваетъ...

Маіоръ. А что, развѣ въ поведеніи что замѣчено?..

Сквал. Во всемъ... Народъ у нея завсегда торчитъ, ночью пѣсни поютъ, а то чтеніе разведутъ за полночь... Нѣшто дѣвущкѣ это простительно...

Маіоръ. Ну, конечно... А я что-то не замѣчалъ, чтобъ она такая преподобная штука была... Гмъ!

Сквал. Да объ ней что говорить... Урезонять, а вотъ то худо, что Леночка у нее каждый день торчитъ...

Маіоръ. Да, это непріятно.. Съ такими дѣвицами... непріятно, непріятно... Хорошему тутъ не выучишься...

Сквал. А Леночкѣ не запретить, капризная она больно... Чуть что—утоплюсь, говорить, и только.

Маіоръ. Что вы?

Сквал. Ей Богу. (Подумавъ). Ну, маіоръ, чтобъ потомъ грѣха не было, я все вамъ выложить должна...

Маіоръ. Катайте, катайте, голубушка, все выпаливайте. Слово, что зарядъ въ ружьѣ: передержишь,—ружье и заржавѣло, и промахъ по ближайшей мишени дастъ...

Сквал. Вотъ видите-ли... Любитель, говорятъ, у Леночки есть...

Маіоръ. Какой это такой любитель?

Сквал. Тутъ писарь одинъ изъ казначейства, Пискаревымъ кличутъ, можетъ—слыхали?

Маіоръ. Гмъ!.. Этотъ молокососъ... усы едва выпругнули, а онъ ужъ тово... Да ему въ солдаты идти придется...

Сквал. Ну это—когда еще придется, а пока онъ все возлѣ Леночки вертится и чтенія эти у нихъ, все вмѣстѣ...

Маіоръ. Но, конечно, серьезнаго между ними ничего нѣтъ?..

Сквал. Еще-бы, у молокососа да серьезное что-бы было...

Маіоръ. Однако, это тово, непріятно... Ну, а Елена Даниловна крайне имъ интересуются?

Сквал. Гдѣ, поди, антересуется, такъ... Извѣстно, Леночка молодая, такъ со скуки и завела себѣ кавалеришку... Хоть плохонькой, а все кавалеръ...

Маіоръ. Гмъ!.. Исторія... А, впрочемъ, все это ерунда... Я вотъ поговорю съ казначеемъ, онъ его образумитъ, а то переведетъ куда нибудь въ тартарары... Елена Даниловна живо его позабудетъ... Да и не вѣрится мнѣ, чтобъ она—степенная такая—на эту штафирку позарилась... Нѣтъ, Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ...

Сквал. Мнѣ что, я упредила только, чтобъ послѣ грѣха не вышло... Конечно, можетъ и здря... (Вздохнувъ). Нынче молодую-то опасно брать... Вотъ Липочка, на примѣръ...

Маіоръ. А что Липочка?

Сквал. Конечно, не мое это дѣло, а только всѣ видятъ... Куда Липочка—туда и исправникъ... Нынче на базарѣ корзину за ней несъ, потомъ стражнику далъ, стыдно стало... Вотъ онъ молодая-то...

Маіоръ. Гмъ! гмъ!.. Я буду это имѣть въ виду... Неужели казначей-муженекъ-то ничего не знаетъ?

Сквал. Какъ не знаетъ... Исправница ему анонимное письмо послала, а Липочка перехватила его.. А нынче (шепчетъ).

Маіоръ. Неужели...

Сквал. (опять шепчетъ).

Маіоръ. Ну, послали бы ко мнѣ въ команду, я бы далъ и маляра, и плотника,—и соскоблили, и покрасили-бы...

(Вдали (чуть слышно) гулъ и голоса: „Урра!.. Кузьмичу... свѣчу... Ура!“).

Сквал. Вишь, вѣроятно, ужъ пьяны, арать зачали...

Маіоръ. Да, вѣроятно, надрызгались..

Сквал. (Встаетъ). А вы бы маіоръ за Леночкой то потихоньку смотрѣть унтера какого посмышленнѣе предоставили,—все бы лучше было..

Маіоръ (Всталъ, крутитъ усы). Это подумать надо... (Равнодушно). Собственно говоря, коли я что за Леночкой замѣчу,—ее сейчасъ въ отставку... У меня вотъ другая есть на примѣтѣ.. Баба кровь съ молокомъ, вдова и тоже благородная; мужъ у нея псаломщикомъ былъ; трое ребятъ; на всѣхъ эмиритуру выхлопочу... Разсчетъ и тутъ есть...

Сквал. (Отмахиваясь). Ахъ, будьте вы прокляты,—такъ и льнуть...

Маіоръ. Пойду-ка посмотрю, какъ исправникъ за казначейшей приудариваетъ, да и выпить что-то хочется..

Сквал. Идите, идите... Вѣдь, тамъ весь городъ на гулянку выѣхалъ... Винище-то ведрами везли...

Маіоръ. Да, вѣдь, иначе и нельзя, все, вѣдь, избиратели, — безъ нихъ въ головы не проѣдешь... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Сквалыгина (одна).

Сквал. (Глядя въ слѣдъ маіору). Эхъ ты, умная голова... На старости лѣтъ молоденькую взять захотѣлъ... Погоди, поставитъ она тебѣ рожки... И подѣломъ! А мнѣ наплевать на тебя... Сума переметная... То ему Леночка, то псаломщица... (Укоризненно). Эхъ ты, ты, ты! Пенсію полную возмешь, тысячи полторы, а то и болѣе дадутъ. Помрешь—женѣ половина! Живи не тужи... А вотъ мое дѣло... Выслужилъ покойникъ 4 рубля 21³/₄ копѣйки въ мѣсяцъ, да и то еще усиленную пенсію дали..

Вотъ тутъ и поживи... (Грустно). И люди все какіе нынче самолюбивые пошли, себя только и любятъ... (Прохаживается). Будь я на его мѣстѣ, взяла-бы, выслужила-бы пенсію, да на какой нибудь бѣдной вдовѣ чиновницѣ и женилась... (Охорашивается). Вотъ это было-бы и не душевредно, и богоугодно... А этотъ маіоришка—что... и не выдумаетъ. (Вздыхаетъ, хочетъ идти налѣво, встрѣчаетъ Степана съ гармоніей, на веселѣ).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Степанъ и Сквагыгина.

Степанъ (Приплясывая и напѣвая подъ гармонію). „Тятка съ мамкой дани почемъ и фартальнаго бичемъ.. Вотъ калина, да вотъ малина... ты кикимора моя“... Здрасти, Анна Панкратовна... (Подаетъ ей руку и садится на пень). Да ну, сядьте рядкомъ, чего хохлитесь-то... (Усаживаетъ ее рядомъ). Что это вы какъ мышъ на крупу надулись, а?...

Сквал. И вѣчно вы, Степанъ Данилычъ, обижаете меня, а за что? За то, что я бѣдна, да межъ дураковъ время провожу...

Степанъ. Вотъ это здорово! Про межъ дураковъ,—значить, промежъ нашей купецкой братіи,—здорово!. Т. е. прямо сказать—уважила... Это я люблю, потому правда: кабы мы не дураки были, нѣшто папашу-то стали-бы въ головы налаживать... Вѣдь, у него... (тычетъ пальцемъ въ свой лобъ).

Сквал. Не хорошо, молодой человѣкъ, не хорошо... Родителейъ почитать надо... они—родители, и въ заповѣдяхъ такъ сказано...

Степанъ. (Нетерпѣливо). Что мнѣ ваши заповѣди, у меня свои заповѣди есть, да и у всѣхъ свои заповѣди есть... Одиннадцатую то и вы, чай, не забыли..

Сквал. Мое дѣло сиротское...

Степанъ. Вотъ именно—сиротское, значить—не зѣвай, а дѣвствуй.. Я вотъ не зѣваю и всегда дѣвствую... (Беретъ аккордъ на гармоніи). Спѣть, что-ли?

Сквагыг. Спойте, ежели что пристойное, а не то я уйду...

Степанъ. Куда? Къ нимъ, на пикникъ-то?

Сквагыгина. Тамъ бла-ародные люди, туда и пойду.

Степанъ. Да, бла-ародные.. почитай, ужъ десятка полтора этихъ бла-ародныхъ господъ на животикахъ ползають.. Аптекарь удить сѣль, да самъ въ воду носомъ клюнулъ... Перетянула башка-то... Едва вытащили (Беретъ опять аккордъ). Ну-ка, Анна Панкратовна, поддерживай (поетъ):

Сынъ на матери капуску возилъ...

Молода жена въ пристяжкахъ была...

Постой! Эта надоѣла. (Снова играетъ и поетъ).

Какъ подъ липой, подъ липой,
Подъ кудрявой зе-е-еленой!..

(Входятъ Леночка и Пискаревъ).

ЯВЛЕНИЕ 4.

Степанъ, Сквалыгина, Леночка и Пискаревъ.

Леночка. (Степану). Ахъ, какъ ты всѣмъ надоѣлъ съ этими пѣснями...

Степанъ. (Переставшій играть при входѣ Леночки). Ну, такъ другія выдумай, коли эти не нравятся..

Леночка. Да, вѣдь, въ твоихъ пѣсняхъ ни складу—ни ладу... Надоѣлъ?

Степанъ. А коли тебѣ надоѣлъ, такъ выходи замужъ, вотъ и надоѣдать не стану... Другимъ играть буду, на мой вѣкъ дураковъ хватить...

Сквал. (Вставая). Я пойду-у...

Степанъ. (Ей въ тонъ). Въ бла-ародную компанію,—съ Богомъ, не задерживаю, гости дорогіе. (Сквалыгина уходитъ).

Пискаревъ. Степанъ Данилычъ, сыграйте мнѣ „Невозвратное время“...

Степанъ. Не выйдетъ... потому скучное... (Осматриваетъ гармонію). Ахъ, ты сдѣлай милость, вотъ тебѣ и фунтъ.

Пискаревъ. Что такое.

Степанъ. Лопнула холера... (Бросаетъ гармонію). Вчера ужъ больно я ее донялъ... (Закуриваетъ). А вы, что это отъ бла-ародной компаніи отстали... Вотъ-бы тамъ слѣдовало быть, вы—люди ученые...

Леночка. Да хорошо тамъ быть... Всѣ пьяны, какъ нельзя больше.. У насъ безъ этого не могутъ... Говорятъ, не понимаютъ что...

Степанъ. Это самое разлюбезное дѣло и есть... Они-то не понимаютъ, а папаша все хорошо понимаетъ... Пейте, молъ, черти, а я въ головы проскачу...

Пискаревъ. (Подходя къ дереву, рѣжетъ его перочин. ножомъ). Любопытно у нихъ идутъ разговоры. Говорятъ, говорятъ, заспорятъ, кулаки другъ другу казать начнутъ, а потомъ цѣлуются.. Потѣха съ ними...

Леночка. (Подходя къ Пискареву, тихо.) Вы зачѣмъ это дерево-то портите,—хорошо это, что-ли?

Пискаревъ. Вырѣзаю вашъ и мой вензель.

Леночка. А помните, что Софья Петровна вамъ сказала, когда вы на Каштакѣ стали ея вензель рѣзать...

Пискаревъ. Я, вѣдь, только кору порчу, немного... (Леночка грозитъ ему пальцемъ и отходитъ).

Леночка. Ну, и гулянье... Да это со скуки умереть можно...

Степанъ. А по вашему какъ-же слѣдовало-бы время проводить, по вашему-то ученому? Книжки что-ли сюда читать пріѣхали?... На то онъ и есть „пикъ-никъ“... пей, пока пикать перестанешь...

Леночка. И все у тебя глупости на умѣ... А слушай-ка, Степа, что я тебѣ скажу... Давно собиралась...

Степанъ. Говори, мнѣ хоть что..., Тыфу! (потушилъ папиросу).

Леночка. (Льстиво). Слушай, Степа... Ты знаешь, мы хотимъ купить волшебный фонарь, на чтенія...

Степанъ. Какой это еще волшебный фонарь?

Леночка. Такой... Вотъ зажжемъ его, вставимъ картину, а она и появится на полотнѣ...

Степанъ. И ни черта она тамъ не появится...

Леночка. А вотъ ты увидишь, что появится... И картины, знаешь-ли, разные есть...

Степанъ. А про войну есть... Чтобы страженіе было?

Леночка. Есть и такія, всякія есть, вотъ увидишь..

Степанъ. Ну, такъ чего-же тебѣ отъ меня-то надо?

Леночка. Денегъ... Дай хоть сколько нибудь, у тебя, вѣдь, есть...

Степанъ. А ты почему это знаешь?

Леночка. Да ужъ знаю, знаю, что есть... Ну, Степа, дай, всего десяти рублей у насъ не хватаетъ, дай!...

Степанъ. И лиса-же ты патракѣвна, какъ я на тебя посмотрю... Умѣешь подмазаться...

Леночка. Слушай, Степа, сдѣлай хоть для меня доброе дѣло...

Степанъ. (Задумчиво.) Доброе дѣло и для себя самого можно сдѣлать, а только фонарь—это блажь...

Леночка. Потому и говоришь—блажь, что никогда не видалъ...

Степанъ. И увижу—скажу блажь...

Леночка. А не скажешь, не скажешь?..

Степанъ. А вотъ увидишь—скажу... Да что толковать—на деньги, выписывай и вотъ увидишь, что я опять скажу «блажь». (Даетъ ей деньги),

Пискаревъ. (Кончивъ вырѣзку.) Степанъ Данилычъ, сыграйте-ка намъ полечку... Елена Даниловна станцуемъ, что-ли?

Леночка. Да, вѣдь, онъ гармонію сломалъ!

Степанъ. Ничего не сумлевайтесь. Басы еще дѣвствуютъ, а дишканты мы на губахъ изобразимъ... Мы въ лавкѣ и безъ гармоніи раздѣлываемъ... „Рубль семь гривенъ, два съ полтиной; рубль семь гривенъ—два съ полтиной“... а приказчики пляшутъ...

Ну, давайте, пляшите, что-ли (беретъ гармонію, играетъ только басами; поетъ):

Съ кѣмъ танцуешь, Катенька?

Съ офицеромъ, папенька!

Пискаревъ (обнимая Леночку) Попробуемъ.. (Леночка смѣется). Это будетъ очень оригинально...

Степанъ. (Поетъ). Гдѣ училась Катенька?

Въ пансіонѣ, папенька!

Что платила, Катенька?

Два съ полтиной, папенька!

Что ты куришь, Катенька?

Папироску, папенька?

Гдѣ купила, Катенька?

Въ магазинѣ, папенька!

(Подъ эту „музыку“ Леночка и Пискаревъ, смѣясь, танцуютъ польку. Въ концѣ пѣсни слѣва выбѣгаетъ, запыхавшись, сначала Липочка, за ней Маіоръ, который хочетъ ее схватить).

ЯВЛЕНИЕ 5.

Степанъ, Пискаревъ, Леночка (стоятъ, обнявшись), Липочка, Маіоръ, потомъ Казначей.

Липочка. (Обороняясь). Нѣтъ, нѣтъ, не ловите меня... знаете, мой Казиміръ этого терпѣть не можетъ...

Маіоръ. (Останавливаясь, бѣжитъ „на мѣстѣ“, какъ это дѣлаютъ солдаты на ученьяхъ). Слушаю-съ! На мѣстѣ—мѣстѣ!.. (Въ это время слѣва-же ковыляетъ съ палкой казначей; съ платкомъ въ рукѣ).

Казначей. (Задыхаясь). Не разлучить, не разлучить... Ли-ли-липочка моя, Липочка! (Схватываетъ жену за руку, та отводитъ его къ колодѣ, сажаетъ, садится возлѣ, махаетъ въ лицо мужа платкомъ).

Маіоръ. (Снимая фуражку.) Не успѣлъ! мозоль проклятая не даетъ ходу! ффу!.. А хотѣлось мнѣ разлучить васъ, почтеннѣйшій Казиміръ Антонычъ, съ благовѣрною... (Вытирая лобъ, идетъ къ Липочкѣ, но, замѣтивъ Пискарева и Леночку, остолбенѣлъ.) Что это у меня въ глазахъ двоится, что-ли? (Всматриваясь.) Да нѣтъ, чортъ возьми, не двоится.. Вы что это обнялись-то?

Леночка. (Быстро освобождаясь, смѣется). Вы вотъ въ разлуки играете, а мы тутъ польку пляшемъ... жаль гармонія у брата сломалась, а то кадрили можно было-бы составить... Вы что это, маіоръ, превратились въ статую, что-ли?

Маіоръ. Гмъ! Въ статую превратились,—каково-съ!

Леночка. (Не обращая на маіора вниманія). Липочка, отчего ты меня не позвала въ разлуки играть? Я смерть люблю...

Липочка. Ну-ужь, что за игра... Мнѣ при моей полнотѣ еще туда-сюда,—а вотъ муженьку—того гляди и духъ изъ него вонъ (глядя на Казначея.) Ишь, вѣдь, чуть дышетъ... А все маіоръ... давайте да давайте...

Маіоръ. (Сердито.) Что-жъ, по моему, лучше въ разлуки играть, чѣмъ при людяхъ обниматься... (свернувъ въ сторону Пискарева).

Пискаревъ. (Вспыхнувъ.) Милостивый государь, прошу васъ не забываться!..

Маіоръ. Вишь ты... Видали мы вашего брата... Ну-съ дальше. (Скрещиваетъ руки на груди, отставляетъ ногу.)

Пискаревъ. (Ядовито.) Вамъ, какъ *престарѣлому* офицеру русской арміи, лучше знать, что должно быть дальше...

Маіоръ. Я-то знаю, а вотъ ты-то знаешь-ли... Ну-ка!..

Степанъ. (Встаетъ между спорящими. Леночка быстро отводитъ Пискарева въ сторону. Казначей и Липочка перешептываются) Чего тутъ нукать-то? Никто никого еще не запрегъ, а послѣ всего этого бываетъ всяко-съ. (Скрещиваетъ руки, глядитъ то на Маіора, то на Пискарева и Леночку).

Маіоръ. Это что еще за защита... Секундантъ, что-ли?

Степанъ. (Кивая головой) Сенкундантъ... Вамъ угодно знать, что бываетъ послѣ того, ежели кто кого за живое тронетъ? Ну, мы вамъ обскажемъ, не гнѣвайтесь только... Бываетъ двойко-съ: либо этому самому ахальнику полѣномъ по ногамъ пускаютъ, либо этотъ самый ахальникъ тоже самое дѣлаетъ... Вы, напримѣръ, чего бы пожелали?

Маіоръ. (Слегка отступивъ.) Мальчишка, малокососъ... дебоширъ, пьяница... Смѣешь ты заслуженнаго офицера...

Степанъ. (Развязно.) А стало быть смѣю... Какое вамъ дѣло, что моя сестра съ Пискаревымъ пляшетъ?

Маіоръ. Не пляшетъ, а обнимается, на шею ему повисла...

Степанъ. Ну обнимается, ну повисла, а вамъ что за дѣло?

Пискаревъ. Оставьте, господа, этотъ разговоръ... я его продолжать не позволю... Оставьте—прошу серьезно..

Леночка (тихо Пискареву.) Если вы еще хоть слово скажете?! (Отводитъ его въ сторону, дальше.)

Степанъ. (Обертываясь къ Пискареву.) Ты не лѣзь.. не твою, а мою Леночку оскорбляютъ... (Маіору, волнуясь). Да-съ, я дебоширъ, я пьяница, я мальчишка, а свою родную сестру въ обиду не дамъ... Слышите-ли вы, ваше благородіе... (Шагнувъ къ Маіору, тотъ слегка опять попятился.)

Маіоръ. Слышу-съ, я все слышу-съ и знаю, къ какимъ скотамъ я въ компанію попалъ...

Степанъ. (Бѣшено.) Да замолчишь-ли ты, гарнизонная крыса!..

Маіоръ. (Выпячивая грудь.) Я... я гарнизонная крыса... Да я тебя въ карцерѣ заморю, цѣлымъ взводомъ выпорю...

Степанъ. Руки коротки... Имѣю льготу перваго разряда и подъ твою команду не попаду...

Маіоръ. Я тебѣ покажу... Ты мнѣ за все отвѣтишь, хоть ты и не солдатъ, а выпоротъ тебя я, все таки, выпорю... помни это! (Къ публикѣ). И этого скотину, негодяя я прочилъ себѣ въ шурины... Ну, погоди-жъ ты, рракал-лія! (Поспѣшно скрывается на право).

ЯВЛЕНІЕ 6.

Леночка, Липочка, Казначей (сидитъ), Пискаревъ, Степанъ.

Степанъ. (Хохочетъ) Вотъ онъ пѣтухъ-то индейскій, цапли ему только и не достаетъ... Понкратовну бы ему, титулярную совѣтницу теперь подъ руку... вотъ бы бла-ародная парочка-то была... Ха-ха-ха!... И, вѣдь, какой храбрый: съ цѣлымъ взводомъ солдатъ на меня одного итти хочетъ,—ну, да я не сдамся,—у меня тоже армія есть,—рабочихъ да приказчиковъ только крикну, раз-не-суть!.. (Дразнить Маіора). Въ командѣ выпорю, руки не доросли... (Пискареву). И охота тебѣ, Пискаревъ, со всякой шваброй связываться...

Пискаревъ. Да, вѣдь, онъ самъ,—развѣ я хотѣлъ, развѣ я-бы рѣшился при дамахъ..

Леночка. (Дѣлая движеніе закрыть ему ротъ.) Ни слова, ишь, вѣдь, какой горячій... И чего кипятится.. Вашего маіора я и одна не струшу... Захочу, такъ въ ноги мнѣ поклонится...

Пискаревъ. И заставляю... я ему не спущу...

Леночка. А я вамъ не спущу, если вы еще хоть слово объ этой исторіи скажете... Поняли? (Пискаревъ потупился).

Степанъ. Молодецъ, Лена, хорошенько его пробирай, чтобъ не ввязывался въ чужія дѣла... Это не его, а братнино, мое дѣло. (Идетъ къ гармоніи, но, замѣтивъ, что Казначей снялъ фуражку и обнажилъ лысую голову, крадется и становится сзади его.)

Липочка. (Пискареву) Ахъ, молодой человѣкъ, какой вы горячій... Развѣ можно такіе пустяки такъ близко къ сердцу принимать.. Ахъ, ахъ!..

Пискаревъ. (Пожимая плечами.) Странно вы, сударыня, на вещи смотрите... При мнѣ оскорбляютъ уважаемую дѣвушку и я, по вашему, долженъ молчать...

Липочка. Зачѣмъ-же молчать.. я этого не говорю... Но можно вступиться иначе.. Меня одинъ разъ торговка на базарѣ выругала, да еще при Казимірѣ Антонычѣ. Онъ, было,

вспылилъ, замахнулся на нее палкой, а она, дрянная, цапъ его за плечо... Мой Казиміръ драться, конечно, не сталъ,—развѣ это можно? Но мы сейчасъ въ полицію... Исправникъ этой торговкѣ и задалъ... Всѣ яйца у ней перебить велѣлъ, да еще и въ каталажку ее посадилъ...

Пискаревъ. (Усмѣхаясь) Ну, вы меня извините, а я жаловаться на маіора въ полицію не пойду.

Казначей. (Словно просыпаясь.) Я, собственно говоря, не дослышалъ, изъ-за чего у нихъ тутъ сыръ-боръ загорѣлся... Липочка, ты слышала?

Липочка. (Почтительно.) Слышала, слышала, я тебѣ дома расскажу...

Казначей. А-а, ну это хорошо. (Шарится въ карманѣ) А гдѣ у меня ключи?

Липочка. У меня они, у меня, не волнуйся...

Казначей. А-а, ну это очень хорошо. (Поникъ головой).

Липочка. И вѣчно эти ключи... Иногда ночью вскочить, начнетъ шариться,—подавай ему ключи... Тоска, право...

Степанъ (все время стоя сзади Казначея въ раздумьѣ.) Вотъ взошла-а лу-уна зла-тая!...

Липочка. (Мечтательно.) Ахъ, пойте, пойте... Это такая чудная пѣсня... Мнѣ ее одинъ молодой человѣкъ когда-то пѣлъ... Ахъ! (Вздыхаетъ) Пойте, пойте, Степанъ Данилычъ!

Степанъ. (Протяжно, простирая руки надъ головой Казначея.) „Вотъ взошла-а лу-уна зла-тая... Тише, чу, гитары звонъ.. Вотъ испа-анка мо-олодая оперлася на балконъ...“ (Липочка и Пискаревъ едва удерживаются отъ смѣха.)

Пискаревъ. Ну, Степанъ Данилычъ, вы положительно невозможны...

Степанъ. (Шагнувъ черезъ колоду, садится между Казначеемъ и Липочкой.) Миръ вамъ!

Липочка (Вздрогнувъ.) Ахъ, какъ вы меня испугали...

Казначей. Тише, тише, у меня эта сторона болитъ, не толкните, ради Бога,—банки вчера къ этому боку ставилъ.

Степанъ. А что-же вы изъ бла-ародной компаніи-то ушли?

Казначей. Э-э, что тамъ хорошаго.. Пить я не могу.. У меня послѣ первой рюмки шумъ въ ушахъ дѣлается, а потомъ языкъ прилипать начнетъ... Чего тамъ хорошаго... Перепились. Глупости городятъ, да еще того-гляди раздерутся... Въ исторію попадешь.. Да и Липочкѣ не прилично съ пьяными торчать..

Степанъ. Ну, конечно, онъ женщина молодая... (Заглядывая Липочкѣ въ лицо.) Такъ, вѣдь, я говорю?

Липочка. (Вяло.) Ну-васъ! Мнѣ и исправникъ съ своими комплиментами надоѣлъ... Все въ глаза заглядываетъ, да глупости говоритъ...

Степанъ. Какія-же это такія глупости?

Липочка. Да всякія... Ну какое у меня небо въ глазахъ?..

Степанъ. Небо самое настоящее—раз-уха-бистое...

Липочка. И вы то-же чепуху-то говорить умѣете...

Степанъ. Не все же исправнику... А у васъ, дѣвствительно, какъ небо голубые глаза.. Вотъ лопни у меня глаза...

Казначей (глядя вверхъ). Гроза собирается... Липочка, а ты захватила-ли мой альмавивъ?

Липочка. Захватила и зонтики есть, и галоши...

Казначей. А-а, это очень хорошо... Дождь будетъ... Вотъ у меня и поясницу ломить стало... Первая примѣта, что либо дождь, либо снѣгъ будетъ...

Степанъ. Ну—съ вами видно ничего путнаго не высидишь..

Липочка. А вамъ чего надо-то?

Степанъ. (Вставая) Рюмку ратафіи и кусочекъ ветчины... (Идетъ налѣво). Пойду и помяну своихъ родителей...

Липочка. Ахъ, какой вы безбожникъ, да, вѣдь, они у васъ не умерли, чего-жъ ихъ поминать-то...

Степанъ. Ну, все равно—умрутъ когданибудь... Милка, крошка досвиданья... Не забудь мои страданья! (Уходитъ).

Липочка. Фу, какой вы привязчивый!..

ЯВЛЕНІЕ 7.

Леночка, Пискаревъ, Казначей и Липочка.

Пискаревъ (Леночкѣ). Вы на меня не сердитесь... Я иначе поступить не могу...

Леночка. На дуэль выйдите?

Пискаревъ. Выйду...

Леночка. Ну, смотрите, ухлопаетъ васъ маіоръ, онъ на медвѣдя одинъ ходитъ..

Пискаревъ. Какъ-же, одинъ... Знаемъ мы.. Возьметъ человѣкъ десять застрѣльщиковъ, да и идетъ... Поднимутъ медвѣдя, командуетъ „пли“—ну и изрѣшелятъ...

Леночка. А, все-таки, не ходите на дуэль... Впрочемъ, пойдемъ мы съ вами къ Софьѣ Петровнѣ, она и разсудитъ.

Пискаревъ. На это согласенъ, только безъ дуэли нельзя...

Липочка (Казначею). Ты не бойся, мы, вѣдь, здѣсь въ тарантасѣ...

Казначей. Да, помню... въ тарантасѣ... Сѣна только маловато... Подложить-бы. (Дремлетъ). А мнѣ что-то дремлется..

Липочка. (Подходя къ Леночкѣ). Ну-съ, молодые люди, давайте въ разлуки играть... Я васъ разлучать буду...

Пискаревъ. Не интересно...

Липочка. А еслибъ мужчина разлучалъ,—интереснѣе?

Пискаревъ. Конечно, тогда можно, нѣкоторымъ образомъ, постоять за себя...

Леночка (Глядя на Казначея). Неужели онъ у тебя, Липочка, все такъ!

Липочка. Ахъ, не говори ты мнѣ про него... Всю жизнь дремлетъ...

Леночка. А на службѣ?

Пискаревъ (Тихо ей). И на службѣ... Да у насъ присяжные молодцы,—не бойсь—не просчитаются... (За сценой снова крики: „Ур-ра!.. Качать Данилу... Ку-ку“!)

Липочка. Ахъ, Боже мой, какъ они тамъ перепились... Страшно даже...

Леночка. Тяжело все это видѣть... И неужели они не могутъ придумать какъ иначе провести время...

Липочка. Конечно, не могутъ, да и кому придумывать-то..

Леночка (Глядя на нее въ упоръ) Намъ съ тобой...

Липочка. (Испуганно). Что ты, что ты?.. Да развѣ мы можемъ на нихъ повліять, что ты?..

Леночка. А я говорю—можемъ. Нужно только захотѣть.. Я это не сама выдумала, мнѣ Софья Петровна сказала...

Липочка. Ну, что-же мы можемъ захотѣть?

Леночка. А вотъ что... Только давай мнѣ слово, что ты мнѣ помогать будешь...

Липочка. Да въ чемъ помогать?

Леночка. Дашь слово?..

Липочка. Ну—даю...

Леночка. Слушай-же... Сегодня всѣ подвыпили... размякли.. Исправникъ тоже подвыпилъ... Выбери минуточку и упроси его разрѣшить намъ поставить спектакль...

Липочка. Да ты съ ума сошла... Кто у насъ играть-то будетъ, гдѣ ты актеровъ найдешь...

Леночка. Не заботься... найдемъ... Софья Петровна играть будетъ, я, Пискаревъ, ты...

Липочка. Я? да ты съ ума сошла...

Леночка. Ничего я не сошла... Вѣдь, ты-же хотѣла на нашихъ чтеніяхъ читать „Разборчивую невѣсту“.

Липочка. Читать, а не играть...

Пискаревъ. Да, вѣдь, играть-то немного труднѣе...

Липочка. Ахъ, Боже мой, да я не о томъ, можетъ я и сыграю, коли кто меня поучить этому, а только вотъ съ нимъ, съ Казиміромъ, бѣда...

Леночка. Ну, какая съ нимъ бѣда,—толкни его куда ни-будь въ уголъ, онъ и будетъ себѣ дремать...

Липочка. Какъ-же, дожидайся,—будетъ онъ дремать, когда меня нѣтъ. Вѣдь, онъ вѣчно за мной слѣдитъ... А тутъ на сценѣ я одна буду, возлѣ меня молодые люди,—нѣтъ, не позволить!

Леночка. А ты попроси.. хорошенечко...

Пискаревъ. А я думаю—надо иначе сдѣлать... Я попрошу бухгалтера, онъ человѣкъ добрый и хорошій. Когда будетъ у насъ спектакль, увеземъ казначея въ собраніе да и усадимъ его въ винтъ.. Онъ винтъ ужасно любить.

Липочка. Вотъ это мысль.. Это великолѣпно... А репетировать будемъ, когда онъ на службѣ...

Леночка. (Весело). Вотъ видишь, какъ все прекрасно устроить можно, а ты чего-то выдумывала.

Липочка. Ну—а сборъ... ты думаешь—сборъ будетъ?

Леночка. Да, конечно, будетъ... Мы билеты по знакомымъ развеземъ, да исправника посодѣйствовать попросимъ.. Ужъ это, Липочка, твое дѣло... Ты его какъ нибудь упроси...

Липочка. Ладно, попрошу... Только все какъ-то не вѣрится..

Леночка. И я раньше ни во что хорошее не вѣрила, а теперь вѣрю... Нужно только не падать духомъ... Софья Петровна всегда говоритъ: вѣрьте, говоритъ мнѣ, скоро, скоро всколыхнутся болота стоячія... Какъ это? (Вспоминаетъ) Утра разсвѣтъ недалекъ... И я этому вѣрю...

Липочка. Не дурно бы. (Оживляясь) Я помню, давно это было... домашній спектакль.. Я играла... И какъ хорошо, какъ весело было... (Тоскливо). Боже мой, хоть минуточку пожить, встряхнуться...

Леночка. погоди, Липочка, зашумимъ мы, ей Богу—зашумимъ...

Липочка. Однако, ты не очень... Разбудишь еще... (Смотритъ на казначея и зѣваетъ). Видѣть его равнодушно не могу, — такъ въ сонъ и начнетъ клонить...

Леночка. А ты на него порѣже взглядывай.

Липочка. И такъ не балую... (Идетъ, садится рядомъ съ казначеемъ, прикрываетъ его голову платкомъ, прислоняется къ дереву).

Леночка. (Беретъ Пискарева подъ руку). Ну-съ, а вы что это пріутихли, или на казначейское положеніе собираетесь...

Пискаревъ. Нѣтъ, зачѣмъ же.. Я все вотъ о маіорѣ думалъ... Теперь, ежели съ нимъ стрѣляться... Я его убью,—въ острогъ посадятъ,—онъ меня.. ну, тогда... тогда кто-же вамъ помогать-то будетъ? Вѣдь, спектакль не шуточное дѣло... Вамъ безъ меня одной не справиться.

Леночка. Ну, конечно, не справиться... И тогда Софья Петровна мной недовольна будетъ.. Скажетъ: наславила синица, а моря не зажгла...

Пискаревъ. Такъ ужъ я лучше... тово.. Ну, его къ черту и маіора этого... не стану я его стрѣлять... не стоитъ...

Леночка. (Улыбаясь) Конечно, не стоит... И давно бы вамъ до этого додуматься надо... А то—ишь какой Егорій храбрый выискался.. Старикашку стрѣлять выдумалъ..

Пискаревъ. А, вѣдь, это вѣрно: нечестно бы даже было: я молодой, а онъ старый, силы-то неровны...

Леночка. Ну, будетъ философствовать-то.. Липочка ужь дремать стала.. Пойдемте-ка Егорій храбрый, наберемъ цвѣтовъ, а вечеромъ ихъ Софья Петровна унесемъ...

(Леночка и Пискаревъ уходятъ направо. Слѣва входятъ исправникъ (хмельной) и Степанъ тоже, шапка на затылкѣ. Вечерѣтъ).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Казначей, Липочка (спящіе), Степанъ и Исправникъ.

(Сцена идетъ вполголоса).

Исправникъ (Тащитъ Степана за рукавъ, Степанъ упирается). Нѣтъ, иди, иди сюда... Ты мнѣ всю подноготную выложить долженъ... все какъ было, а не то... Смотри, я тебѣ не спущу послѣдняго дебоша въ славянкѣ... Говори...

Степанъ. Да что мнѣ говорить-то... Сколько велѣно, столько и передалъ... Чего пристали? (Смотритъ апатично въ сторону).

Исправникъ. Не ори... Я не хочу, чтобъ нашъ разговоръ слышали... А сколько тебѣ передать мнѣ велѣно, а?

Степанъ. А сколько передалъ, столько, стало быть, и велѣно...

Исправникъ (Дергая его). Ну?

Степанъ. Чего „ну“? Отшатитесь... Ей богу, отшатитесь...

Исправникъ. (Паступая съ кулаками) А какъ-же, чертовъ сынъ, мнѣ твой пьяный батка сказывалъ, что велѣлъ передать мнѣ двѣ тысячи рублей, а?

Степанъ. Ну, мало чего онъ съ пьяна болтаетъ... По моему—и того, что дали, давать не слѣдовало...

Исправникъ. Это не твое дѣло... Тебѣ велѣно было отдать мнѣ двѣ тысячи, а ты что?..

Степанъ. Ну, двѣ тысячи.. такъ что-жъ?

Исправникъ. (Гнѣвно). А ты передалъ всего тысячу четыреста. Куда-же 600 рублей дѣлись.. Гдѣ они?..

Степанъ (Чешетъ затылокъ). Хватился! А я почему знаю. Вездѣ...

Исправникъ (Отступая). Ну, погодите-же вы, хлюсты этакіе... Я вамъ задамъ... Не мытьемъ, такъ катаньемъ взыщу.—Будешь ты у меня городскимъ головой, коли не дашь денегъ...

Степанъ. (Заложивъ руки въ карманы, развязно). А что-жъ вы теперь, ваше почтеніе, сдѣлать можете... Вѣдь, мы ужь вездѣ

все смазали... И въ губернію сѣрояблочныхъ предоставили и вамъ воронка увели...

Исправникъ. А вотъ я вамъ покажу, что я такое могу сдѣлать...

Степанъ. Это даже очень интересно...

Исправникъ (Въ бѣшенствѣ) Молчать... да я тебѣ знаешь.

Степанъ (Отстраняя его). Легче... не напирай... Здѣсь, вѣдь, безъ свидѣтелей. (Оба оглядываются и замѣчаютъ Липочку и Казначей).

Исправникъ (Грозитъ). Т-съ, каналья (шепотомъ). Я вамъ такую музыку подведу, что только ахнете вы съ тятенькой... Никогда ему городскимъ головой не быть...

Степанъ. А мнѣ шибко надо...

Исправникъ. Т-съ, колоколъ набатный...

Степанъ. Да, право... По мнѣ еще лучше, коли онъ головой-то не будетъ,—а то, говорятъ, сокращать меня примется... Потому нельзя, чтобъ у головы сынъ дебоширилъ,—ну, а мнѣ тутъ больше и дѣлать нечего... потому скучно...

Исправникъ. (Глядя на Липочку) Т-съ! (Тихо.) Я про твоего тятеньку такую исторію знаю, что ты только глаза выпучишь... Тятенька-то твой въ кабацѣ сидѣлъ, потомъ въ довѣренныя вылѣзъ, сталъ деньги хозяйскія собирать,—да разъ одного сидѣльца за утайку выручки и смазалъ...

Степанъ. И по дѣлу смазалъ, потому—не утаивай!

Исправникъ. Дубина этакая!.. Надо знать, какъ и кого смазать... Вѣдь, сидѣлецъ-то тотъ полетѣлъ по лѣстницѣ внизъ головой, да тутъ-же на улицѣ Богу душу и отдалъ... Лѣстница то каменная была.

Степанъ. Слыхалъ я про это... Только много тутъ врутъ.. Сидѣлецъ то этотъ, говорятъ, оттого померъ, что сердце у него разорвало, горячъ, говорятъ, былъ.. вотъ и померъ...

Исправникъ. Ладно, ладно, пусть что хотятъ говорятъ, а я тоже это дѣло знаю... Откупился твой тятенька-то...

Степанъ. Ну, и теперь, стало быть, откупится...

Исправникъ. Нѣтъ, врешь.. Я его упеку, будь покоенъ, потому не обманывай.. Вѣдь мнѣ теперь подъ судъ итти придется... гдѣ я 600 рублей возьму?..

Степанъ. Городъ-то большой, найдутся...

Исправникъ. Ты мнѣ не груби, а то я и тебя упеку...

Степанъ (Беретъ Исправника за плечо). Слышь, упекай ты себѣ кого куда хочешь, а отъ меня отстань... Взбалмошный я.. Иной разъ дурь на меня находитъ... Стою, стою возлѣ, напимѣрь, печки, да какъ шаркну... Нынче изъ голландки кирпичъ высадилъ... Отшатись, пойду я.. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 9.

Тѣже безъ Степана.

Исправникъ. Ахметджани разыскать надобно... Я знаю—дѣло у него...

Липочка. (Въ ужасѣ, вскакиваетъ.) Ахъ, батюшки... Карауль! карауль! Бродяги... (Бѣжитъ на лѣво.)

Исправникъ. Олимпиада Петровна... Ради Бога, не поднимайте скандала.. Казиміръ Антонычъ, голубчикъ.

Липочка. (Всматриваясь.) Ахъ, это вы, Михаилъ Григорьевичъ.. (Идетъ къ нему.) А я думала ни вѣсть что...

Исправникъ. Казиміръ Антонычъ, не убились-ли вы?..

Липочка. (Хлопоча возлѣ мужа.) Не ушибся-ли ты, не надо-ли за докторомъ послать...

Казначей. (Все время кряхтитъ и охаетъ.) Нѣтъ, ничего... Такъ приснилось мнѣ что-то... Будто въ кассу какой-то чортъ лапу запустилъ... вотъ и того.. (Третъ лысину. Липочка поднимаетъ и подаетъ ему палку и фуражку.)

Исправникъ. Вотъ подите-же вы, какая ерунда присниться можетъ... Что—боли нигдѣ не чувствуете?

Казначей. Нѣтъ, только вотъ тутъ у меня немного жжетъ...

Исправникъ. (Сконфуженно.) Это муха... муха укусила... Я самъ ее, проклятую, видѣлъ, какъ она на вашу головку сѣла. Хотѣлъ ее согнать, подошелъ, а вы и проснулись...

Липочка. Ха, ха, ха!.. Вотъ исторія-то съ географіей.. А я, знаете-ли, славно такъ задремала.. Передъ дождемъ-то всегда спится крѣпко... Ну, и вижу я во снѣ, что вдругъ меня чучело съ нашего огорода въ охапку схватило... Ха-ха!

Исправникъ. (Смущенно) Хе-хе-хе!.. Преуморительные сны иногда бываютъ, въ особенности въ лѣсу, да еще при такой погодѣ... Я, знаете-ли, однажды...

Липочка. (Перебивая) Слушайте-ка, Михаилъ Григорьевичъ, вѣдь я чуть было не забыла... У меня къ вамъ большущая есть просьба... (Въ это время по сценѣ пробѣгаетъ стражникъ, видимо, озабоченный.)

ЯВЛЕНІЕ 10.

Тѣже и Стражникъ.

Исправникъ. (Останавливая стражника.) Эй, стой! Куда ты?

Стражникъ. (Вытягиваясь.) Туча, вашескородіе, громаднѣйшая идетъ. За рѣкой, въ городу видать, дождикъ накрапываетъ... Возлѣ парома скотогоны громъ слышали...

Исправникъ. Ну, такъ тебѣ-то какое дѣло...

Стражникъ. Оекла Ивановна за лошадьми послали, потому кучера ихняго надо водой отливать... А сами Данила Кузьмичъ не въ своихъ чувствіяхъ...

Липочка. Ахъ, Боже мой! Пожалуй, и нашъ кучеръ пьянъ...

Исправникъ. Не извольте беспокоиться, отольемъ...

Липочка. Велите ему, Михаилъ Григорьевичъ, изъ нашего тарантаса альмавивъ, галоши, зонтики и, вообще, все, что тамъ есть, захватить... (Застегиваетъ Казначею сюртукъ; поправляетъ фуражку, кладетъ ему въ карманъ носовой платокъ).

Исправникъ. Ну, сначала, значить, вотъ это исполни, что барыня велитъ, а потомъ вели кучера отливать... Да, смотри, поворачивайся... И здѣсь накрапываетъ (Стражникъ уходитъ).

Липочка (Кутаясь въ легкій платокъ, который у нея на плечахъ.) Ахъ Михаилъ Григорьевичъ, какъ холодно становится, сразу видно, что ужъ не лѣто... (Ежится.)

Исправникъ. (Заботливо.) Кабы я раньше сюда пришелъ, костеръ-бы разложили,—эхъ, не догадался...

Липочка. Ахъ, простите, что я васъ перебую... У меня къ вамъ огромнѣйшая просьба...

Исправникъ. (Кланаясь.) Приказывайте-съ!...

Липочка. Я не смѣю вамъ приказывать, я васъ прошу...

Исправникъ. Все, что въ моихъ силахъ и власти—прикажете-съ...

Липочка. (Бросивъ на Казначея взглядъ, отводитъ немного въ сторону.) Ты, Казиміръ, посиди... Я минуточку, о кухаркѣ Михаилу Григорьевичу сказать кое что надо... (Отойдя съ Исправникомъ въ сторону.) Слушайте!.. (Тихо) Я хочу устроить спектакль...

Исправникъ. Спектакль... вы?.

Липочка. Что-же вы удивляетесь?.. Будто, я такъ стара, что мнѣ и повеселиться не полагается...

Исправникъ. Ахъ нѣтъ, напротивъ, напротивъ...

Липочка. Играть я, можетъ быть, и не буду, не позволятъ... но устрою спектакль я...

Исправникъ. А мнѣ такъ хотѣлось бы, чтобъ вы играли какуюнибудь... гмъ!.. нимфу...

Липочка. Ну—какая я нимфа... да и теперь это не въ модѣ...

Исправникъ. Нѣтъ, отчего-же-съ... и теперь это въ модѣ...

Липочка. Нѣтъ, нимфу я не буду играть, а чтонибудь другое.. Да вы вотъ что... (Кокетливо.) Вы, вѣдь, хотите, чтобъ я вамъ была чѣмънибудь обязанной... (Исправникъ въ замѣшательствѣ.) Ну, вотъ и разрѣшайте, да не мнитесь, поскорѣе.. Да—что-ли...

Исправникъ. Не смѣю прекословить... Ваши желанія для меня прямой законъ...

Липочка. Вотъ и прекрасно... Значить разрѣшено... Спасибо.

Исправникъ. А мнѣ позвольте на репетиціи пріѣзжать?..

Липочка. Пожалуйста, я буду очень рада, очень рада... Да вотъ еще что... Вы должны помочь мнѣ продать билеты... Слышите, чтобъ всѣ до одного были проданы...

Исправникъ. (Сіяетъ.) Не извольте беспокоиться, коли въ городѣ не продамъ, по волостнымъ правленіямъ разошлю, — ничего съ, продадимъ-съ, будьте покойны..

Липочка. (Повышая голосъ.) Такъ ужъ вы, пожалуйста, Михаилъ Григорьевичъ, хорошенечко... не стѣсняйтесь...

Исправникъ. Что вы, помилуйте... Чего мнѣ стѣсняться... (Входитъ Сквагыгина.)

ЯВЛЕНІЕ 11.

Тѣже и Сквагыгина.

Сквагыгина. (Взволнованная). А еще считаютъ себя благородными людьми... Свиньи этакія... чумички немытыя! (поправляетъ прическу, снявъ съ головы наколку).

Исправн. (Подходя къ Сквагыг.) Кто это насъ, титулярная?

Сквагыгина. (Сердито.) Кто, извѣстно, кто... одинъ у насъ безпутный-то есть, Данило Кузьмича сыночекъ...

Липочка. Ахъ, онъ такой привязчивый...

Сывалыг. Это бы еще туда-сюда... озорный онъ парень, не будетъ изъ него проку, вотъ помяните мое слово, что не будетъ. Присталъ ко мнѣ выпей, а я ужъ выпила и больше не могу... я женщина слабая, а онъ присталъ—тычетъ мнѣ рюмку въ руки, а то, говоритъ, на голову вылью... Я отказалась, а онъ мнѣ цѣлую рюмку возьми да и вылей на голову, негодяй этакій.. Наколка-то полтора цѣлковыхъ стоитъ,—всю испакостилъ,—а что съ него возьмешь... Самому Данилѣ Кузьмичу говорю, а онъ съ пьяныхъ-то глазъ: и я, говоритъ, также-бы сдѣлалъ...

Исправн. Взыщемъ мы съ нихъ за эту наколку... Погодите.

Сквагыг. Ужъ что съ него возьмешь, Богъ съ ними... (Липочкѣ.) А я ужъ съ вами до города-то доѣду... Дождь, того-гляди, какъ изъ ведра хлынетъ, тучища страшенная сюда валится... Какъ-бы еще граду не было..

Липочка. Ахъ, Боже мой, куда-же это вы съ нами сядете...

Сквагыг. Я въ ноги къ вамъ, въ ноги сяду...

Липочка. Только садитесь, пожалуйста, съ моей стороны... а то у него (показываетъ на Казначея) на каждомъ пальцѣ по 25 мозолей... Кряхтенья не оберешься! (Входитъ стражникъ съ 2 зонтиками, калошами, альмавивомъ и шалью; Липочка, Сквагыгина и Исправникъ одѣваютъ Казначея.)

ЯВЛЕНИЕ 12.

Тѣже и Стражникъ.

Исправникъ. А моихъ лошадей велѣлъ подавать?

Стражникъ. Такъ точно, вашескородіе...

Исправникъ. А кучеръ Данилы Кузьмича-что?

Стражникъ. Отливаютъ, вашескородіе, мало-мало понимать начинается, пробывивается...

Липочка. Анна Панкратьевна, держите зонтикъ-то, да съ нимъ и поѣзжайте... А меня и такъ не промочить...

Исправникъ. (Липочкѣ.) Я слѣдомъ за вами, чтобъ на паромѣ задержки не было. (Стражнику.) А ты будь здѣсь для порядка все время. Смотри: лодокъ никому не давать, къ берегу никого близко не пускай, а то еще перетопятся. Дратся не позволяй... Если что—пошли за помощникомъ... Понялъ! Ты мнѣ за все отвѣчаешь...

Стражникъ (козыряя). Слушаю, вашескородіе. (Липочка ведетъ Казначея подъ руку, съ другой стороны его поддерживаетъ Сквалыгина; возлѣ Липочки идетъ Исправникъ. Стражникъ, проводивъ, скорымъ шагомъ идетъ налѣво. За сценой раздается громкое „ура!“ слышны возгласы: „Данило Кузьмичъ-бла-адѣтель“... Слышно, какъ бьютъ посуду.)

(Сцена нѣсколько секундъ пуста.)

ЯВЛЕНИЕ 13.

Троегубовъ (помахивая краснымъ платочкомъ, пошатываясь, поетъ и приплясываетъ, подъ руку съ Оеклой Ивановной). Уморила, уморила... уморяхнулась... лася... (сталъ) лася... (идетъ). Уморила, уморила, уморила... (поникъ головой.)

Оекла Ивановна. (Поддерживая.) Батюшка, Данило Кузьмичъ, шевели ножками-то, шевели, переступай помаленечку... (Хватаясь за бокъ.) Ой, подкатилось... подъ самое сердечушко подкатилось... ой, конецъ мой приходитъ...

Троегубовъ. (Глухо улыбаясь, приплясываетъ, поетъ.) Уморила, уморила, уморяхнулась... лася... уморяхнулась...

Оекла Ивановна. Охъ, не доживу я и до завтра... охъ тошно мнѣ, тошнехонько... И кто этихъ городскихъ головъ выдумалъ,—чтобъ ему ни дна, ни крыши... (Тихо идетъ на право. Слѣва вслѣдъ за Троегубовыми тотчасъ-же выходятъ: Степанъ подъ руку со стражникомъ, далѣе въ обнимку нѣсколько мужчинъ шатаются, размахиваютъ руками, нѣкоторые ползутъ).

Занавѣсъ.

Сибирякъ.

(До слѣдующей книжки.)

Тюменская ярмарка.

(Окончаніе, — см. 9 кв. текущ. года).

Выяснивши указанное неудобство Тюменской городской думѣ, въ 1900 году торговцы—кожевники просили ее хлопотать объ открытіи ярмарки, по крайней мѣрѣ, на пятнадцать дней ранѣе настоящаго срока. Дума представила свое ходатайство, мотивируя его согласно изложенныхъ выше мною соображеній, подлежащему начальству. Тобольскій губернаторъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сообщилъ о разрѣшеніи видоизмѣнить срокъ открытія Тюменской ярмарки съ 20 іюня на 5 іюня и продолжать ее, какъ и ранѣе, до 20 іюля.

Кожевники „воспрянули духомъ“ и въ этомъ году уже къ 1 іюня были въ сборѣ. Мануфактуристы, какъ и большинство торговцевъ и покупателей Европейской Россіи, пріѣхали къ прежнему сроку, т. е. къ 20 іюня; причиной чему „благоразуміе“ нашей городской управы, неизвѣстившей заблаговременно торговцевъ о видоизмѣненіи срока открытія ярмарки, пославши таковое почему-то только крупнымъ кожевеннымъ торговцамъ.

Сдѣлавши краткій обзоръ Тюменской ярмарки за все время ея существованія, позволю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на ярмаркѣ 1901 года, имѣя подъ руками цифровыя данныя ея оборотовъ.

Прибывшіе въ ярмарку крупные оптовые московскіе мануфактуристы: Бардыгинъ, Ижболдинъ, Тушнинъ и Рубинъ торговали удовлетворительно. Требованія были, главнымъ образомъ, въ Тобольскѣ, Тару, Ялуторовскѣ, Шадринскѣ и Туринскѣ по цѣнамъ не ниже ирбитскихъ. Всего продано: Тушнинымъ 80% наличности привезеннаго товара, Ижболдинымъ 80%, Бардыгинымъ 70% и Рубинымъ 55%;—на сумму свыше 200000 руб. Было еще нѣсколько мелкихъ мануфактурныхъ фирмъ изъ Уфы, Самары и Перми, но эти послѣднія торговали въ убытокъ, за отсутствіемъ спроса. Пріѣздъ мелкихъ мануфактуристовъ въ нашу ярмарку можно признать положительно не рациональнымъ, въ виду наличности въ Тюмени своихъ до двухъ десятковъ мануфактурныхъ магазиновъ и нежелательности покупателей имѣть дѣла съ неизвѣстными фирмами, чуть ли не съ перваго дня вывѣшивающими аншлаги—„дешевая распродажа“.

Съ готовымъ платьемъ пріѣзжали Ганштокъ и Бабушкинъ изъ Перми и нѣсколько торговцевъ изъ Екатеринбурга. Спросъ не великъ. Продано тысячъ на 20 въ уѣзды Тобольской и Томской губерній по цѣнамъ процентовъ на 6 ниже прошлыхъ годовъ.

Готовой обуви сдѣлали тысячъ на 6—8 въ уѣздѣ. Цѣны не ниже прошлыхъ годовъ.

Эмалированная посуда русского и иностранного производства, привезенная И. В. Орленко, нашла хороший сбыт. Продано ее тысяч на 5 ть.

Со скобяными товарами приехали бр. Первовы и Овсянниковы. Требование ничтожное. Сдѣлано на нѣсколько сотенъ рублей.

Пимами нѣсколько торговцевъ изъ Шадринска сдѣлали значительныя партіи въ Восточную Сибирь, по такимъ цѣнамъ: мужской черныи отъ 1 р. 20 к. до 2 р. 20 к., крупный шитый отъ 1 р. 60 к. до 2 р. 50 к., женскій черныи—80 к. до 1 р. 40 к.—сѣрый средній отъ 80 к. до 1 р. 50 к., бѣлый мужской до 3 р. 60 к., женскій отъ 1 р. 60 к., — до 2 р. 60 к., смотря по размѣру.

Шубы шатровскаго производства нашли себѣ покупателей въ лицѣ торговцевъ изъ губерній Вятской, Пермской, Тобольской и Восточной Сибири. Продано тысяч на 30-ть, цѣнами: тулупы изъ русскихъ овчинъ отъ 10 р. до 12 р. 50 к. за штуку, пальто отъ 8 р. 30 к. до 9 р., пиджаки отъ 5 р. 75 к. до 6 р. 40 к.; крашенныхъ овчинъ: тулупы отъ 7 р. 50 к. до 8 р. 60 к., крашенные пальто отъ 6 р. 50 к. до 8 р. 50 к., пиджаки отъ 3 р. 50 к. до 3 р. 80 к.; киргизскаго производства сѣраго волоса: тулупы отъ 5 р. 75 к. до 7 р., пиджаки отъ 3 р. 50 к. до 3 р. 90 к. за штуку.

Тюменскіе кожевенные, выдѣланные товары не нашли широкаго сбыта, хотя предлагались сравнительно съ прошлымъ годомъ процента на 2—4 дешевле: 12-ти вершковыя конскія голенища отъ 90 к. до 1 р. 10 к. за пару, 11 верш. 75 к. до 1 р., 10 верш. 70—80 к., бараньи — 12-ти верш. отъ 80 к. до 1 р., 11 верш. 75—85 к., 10 верш. 60 и 75 к.; рукавицы бараньи крупныя отъ 40 до 45 к. за пару, межеумокъ 36—38 к., „кулачекъ“ 30—34 к., вятская: крупная 32—35 к., „кулачекъ“ 28—30 к.; тюменскаго производства черная 36—38 к., тобольская, лосиная, крупная отъ 1 р. до 1 р. 8 к., средняя отъ 75 до 95 к., козловая 32—55 к., верблюжья „пропускная“ отъ 50 к. до 65 к., верблюжья туринская, крупная до 55 к., — тюменская 50—52 к. Хомутина присковая шла цѣнами отъ 48 до 55 к. за штуку, — обыкновенная отъ 34 до 40 к.; кожа дѣланая — конина крупная отъ 6 р. до 6 р. 75 к. за шт., средняя отъ 3 р. 80 к. до 4 р. 50 к., чоромная отъ 6 р. 45 к. до 8 р. 50 к.; выростковыя кожи размѣромъ отъ 8 до 11 четвертей по 78—80 коп. за четверть дубленая и полуваль отъ 18 до 20 руб. за пудъ.

Шорные товары мѣстнаго, екатеринбургскаго и шадринскаго производствъ тоже были въ застоѣ. Запрашивали: хомуты отъ 1 р. 25 к. до 3 руб.; сѣделки отъ 50 к. до 2 руб.; узды 30 к. до 1 р. 80 к., шлеи отъ 80 к. до 2 р. 50 к.; дуги харьковскія отъ 90 к. до 1 р. 65 к. за шт., мѣстныхъ кустарей 45 коп. до 1 р. 10 коп.

Холсты и холщевые товары сосредоточились въ нѣсколькихъ рукахъ, не находя себѣ конкурентовъ, а потому и прошли сравнительно крѣпкими цѣнами: льняной отборный холстъ 135 руб. за 1000 аршинъ, сортовой 120 руб., — грубый 110 руб. за 1000 арш.; подкладочный: 1 сортъ 95 руб., 2-й с. 88 руб., 3-й с. 57 р. 50 к.; для мѣшковъ: 1 сортъ 52 р., 2 с. 45 руб. за 1000 аршинъ; половики широкіе, шадринскіе отъ 18 до 25 к. за аршинъ, обыкновенные 8—11 к. Сукно черненку предлагали 5—7 к., натуральное 6—8 к. и русское до 32 к. за аршинъ. Сдѣлокъ на холсты было тысяч на 18—20-ть.

Сырьевыхъ товаровъ привезено было на ярмарку очень значительное число и, сверхъ ожиданія, торговали ими очень бойко.

Яловой кожи привезено: крупной 175 тысячъ штукъ и мелкой 25 тысячъ. Солидные партіи приобрѣтены вятскими покупателями, платившими за штуку отъ 5 р. до 5 р. 40 к. и пудами до 12 р. 50 к. за пудъ, т. е. дешевле прошлаго года на 55—70 к. въ кожѣ и до 1 р. 20 к. въ пудѣ. Съ яловой кожей вплотную расторговаться не удалось; часть ея, до 10 тысячъ штукъ мелкой, отправлена въ Нижегородскую ярмарку.

Конины въ привозѣ: крупной 40000 штукъ, межеумка и жеребятины по 10000 шт. Крупныя партіи жеребятины и межеумка сдѣлали за границу, по цѣнамъ: жеребятина отъ 1 р. 60 к. до 2 р. шт., межеумокъ отъ 2 р. 80 к. до 3 р. шт. Остатки жеребятины и межеумка приобрѣли бѣлостокскіе, казанскіе, сара-

нульскіе и вятскіе покупатели; они же покупали и крупную конину небольшими партіями, по цѣнамъ отъ 4 р. 20 к. до 4 р. 50 к. за штуку. Тюменцы пріобрѣтали низкіе сорта конины „бракъ“ не дороже 2 р. за штуку. Много оживленія въ сдѣлки съ кониной внесъ представитель торговаго дома, „Эрманъ Кильпъ и К^о“, изъ Казани, купившій партію крупной конины до 15 тысячъ штукъ, по 4 р. 20 к. за штуку.

Овчины ко дню открытія ярмарки насчитывали 35 тысячъ штукъ, вскорѣ было подвезено еще 15 тысячъ. Распродана почти вся. Нижегородскіе, слободскіе и шуйскіе покупатели пріобрѣли до 8000 шт., отборнаго сорта для рукавицъ отъ 90 к. до 1 р. 10 к. за овчину; владимірцы скупили средніе сорта для шубъ, по цѣнамъ отъ 40 до 90 к.; изъ Вятки спрашивали тысячъ 10-ть высокіе и низкіе сорта, дубную до 1 р. 5 к. и бойную въ 90 к. Нижегородскіе, казанскіе, а главнымъ образомъ ткменцы—не брезгали и низкими сортами.

Козлина—150000 штукъ вся продана за границу, кромѣ партіи тысячъ въ 5-ть крупной, пріобрѣтенной по 1 р. 55 к. до 1 р. 70 к. тоболяками для изготавленія рукавицъ. Представители американскихъ и германскихъ фирмъ З. Я. Заксъ, бр. Блюменталь, Леви, Гедройцъ и др. сдѣлали 1 р. 30 к. до 1 р. 60 к. за штуку.

Изъ привезенныхъ 9000 верблюжьихъ кожъ продано 6000 шт. туринскимъ и Невьянскаго завода кустарямъ, цѣнами отъ 4 р. до 4 р. 50 к. за штуку.

Овечьей шерсти „стрижки“ собрано 10000 пудовъ. Продаю шадринскимъ пимокатамъ 3250 пудовъ, по 5 р. 20 к. и 5 р. 50 к. за пудъ. Остатокъ шерсти пересланъ въ Нижегородскую ярмарку.

Кошмы разныхъ сортовъ и размѣровъ въ привозѣ было 20 тысячъ аршинъ. Продана вся. Семипалатинскую узкую продавали 50 - 75 к. за аршинъ, вѣрненскую, широкую—двойную отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 35 к.

Заканчивая обзоръ Тюменской ярмарки 1901 года, приходится сказать еще нѣсколько словъ объ общемъ настроеніи торговыхъ сдѣлокъ и засвидѣтельствовать тотъ фактъ, что ярмарка 1901 года явилась *выдающеюся по своему затихию* въ сдѣлкахъ съ мануфактурой, готовой обувью, платьемъ, скобяными товарами и т. п.; дѣла въ таборѣ съ сырьемъ—кожами дали больше, чѣмъ удовлетворительные результаты. Последняго и надо было ожидать, такъ какъ покупателями на кожу явились лица, владѣющія солидными капиталами, съ прочно установившеюся торговой репутаціей, пріобрѣтавшія въ большинствѣ случаевъ сырье за наличный расчетъ. Было, впрочемъ, нѣсколько небольшихъ сдѣлокъ и въ кредитъ—до Ирбитской ярмарки; кредиторами являлись лица неоднократно бывавшія на ярмаркѣ и извѣстныя торговцамъ; неизвѣстнымъ-же лицамъ, явившимся впервые на ярмарку и просившимъ о кредитѣ, хотя съ представленіемъ гарантій—солидными ручательствами, -- отказывали.

Что-же касается сдѣлокъ съ мануфактурой и др. перечисленными выше товарами, то таковыя производились и за наличный расчетъ, и въ кредитъ, въ последнемъ случаѣ на 2% дороже. Продавцы стремились сбыть товаръ, съ одной стороны—нуждаясь въ оборотныхъ деньгахъ къ Нижегородской ярмаркѣ, а съ другой—и потому, что затраты на перевозку товаровъ въ передній и обратный путь, наемъ ярмарочнаго зданія и содер-

жаніе торговаго персонала необходимо было покрыть хотя чѣмъ-нибудь. Послѣдніе дни мануфактура и готовое платье нѣсколькими фирмами продавалась процентовъ на 6-ть ниже фабричныхъ цѣнъ!.. Слѣдовательно, въ прямой убытокъ. Замѣтимъ, что это явленіе наблюдается не первый годъ. Не дальше, какъ въ прошлую ярмарку, торговецъ готовымъ платьемъ изъ Перми Г. въ послѣдніе двѣ недѣли назначилъ распродажу, предлагая всякаго рода платье, по цѣнамъ—за стоимость матеріала и не накидывая ни одного процента за работу, и хотя расторгнулся *блистательно*... со значительнымъ убыткомъ, но послѣдній пришлось-бы все равно ему понести; такъ какъ и при перевозкѣ товара обратно получился-бы у него таковой-же.

Если еще и имѣетъ нѣкоторое значеніе тюменская ярмарка, то только по дѣламъ съ кожами—сырьемъ, обороты которыхъ достигаютъ до 2-хъ милліоновъ рублей. Что же касается всѣхъ остальныхъ привозимыхъ на ярмарку товаровъ, то они—повторяемъ,—кромѣ убытка продовцамъ, ничего не приносятъ. Это, впрочемъ, прекрасно сознано нѣсколькими солидными торговыми фирмами, покончившими расчеты съ Тюменью еще въ 1899 году.

Обороты Тюменской ярмарки до 1892 года признавались не великими. Теперь же они значительно уменьшились и прогрессивно годъ отъ году падаютъ, что объясняется, съ одной стороны, открытіемъ новыхъ рынковъ для торговли съ проведеніемъ Великаго Сибирск. желѣзнодорож. пути, съ другой—непосредственнымъ сношеніемъ торговцевъ съ производителями: поѣздкою въ центръ фабричной дѣятельности и пріобрѣтеніемъ на мѣстѣ нужныхъ товаровъ; наконецъ—пріобрѣтеніемъ товаровъ по образцамъ черезъ вожжеровъ, тысячами разъѣзжающихъ по Сибири, и по цѣнамъ значительно дешевле, чѣмъ на мѣстныхъ ярмаркахъ.

Если на Тюменской ярмаркѣ не наблюдалось сдѣлокъ съ мѣстными жителями и пріѣзжими изъ окрестныхъ селеній и уѣздовъ, то это объясняется обѣдненіемъ трудящагося класса населенія, благодаря періодически повторяющимся недородамъ.

Общее заключеніе таково: *Тюменская ярмарка прогрессивно падаетъ, оставаясь теперь лишь торжкомъ кожевенныхъ—сырьевыхъ продуктовъ*, и не далеко то время, когда, съ проведеніемъ желѣзной дороги Тюмень—Іевлево, или Тюмень—Омскъ,—этотъ торжокъ долженъ будетъ перекочевать ближе къ степнымъ областямъ, какъ къ центру производительности кожевеннаго сырья.

Г. Н. Кгаевскій.

Матеріалы для исторіи г. Томска.

II*)

Томское городское общественное управленіе и нужды мужской гимназіи въ первые три года по введеніи городского положенія 16 іюня 1870 года.

(По даннымъ городского общественнаго управленія).

Вопросъ о болѣе лучшемъ помѣщеніи Томской гимназіи былъ, повидимому, также старъ, какъ и сама гимназія.

Администрація въ безплодныхъ поискахъ за средствами рѣшилась, наконецъ, въ началѣ ноября 1871 года обратиться къ представителямъ городского общественнаго управленія съ просьбою объ этомъ.

Въ засѣданіи 9 декабря 1871 года городская дума поручила управѣ составить и представить ей всѣ соображенія относительно вопроса объ удобномъ помѣщеніи Томской гимназіи.

Принимая во вниманіе, что гимназія не имѣетъ собственнаго дома и помѣщается въ зданіяхъ тѣсныхъ и съ большими неудобствами, городской голова доложилъ думѣ о необходимости построить для этой цѣли особый домъ, стоимостью, приблизительно, до 30 тысячъ рублей и съ отнесеніемъ расхода на счетъ повознаго сбора.

Такъ какъ по настоящему предмету не было представлено управою своихъ соображеній, какъ это требовалось журналомъ 9 декабря 1871 года, то дума въ засѣданіи 12 января 1872 года предложила управѣ исполнить заключеніе ея въ точности, войдя предварительно въ сношеніе по тому предмету съ директоромъ гимназіи.

Кромѣ того, дума не могла сдѣлать по возбужденному вопросу постановленія еще и потому, что въ виду ея не было смѣты о доходахъ и расходахъ, изъ которой можно было бы видѣть, дозволяютъ ли городскія средства произвести на улучшеніе гимназіи какой либо расходъ.

4 іюля 1872 года явился въ присутствіе томской городской управы генералъ-губернаторъ Западной Сибири и заявилъ, что помѣщеніе Томской мужской гимназіи, вслѣдствіе значительнаго поступленія въ нее учащихся, такъ мало, что если не будетъ нанято для нѣкоторыхъ классовъ или пансіона особаго дома, то пріемъ въ гимназію вновь воспитанниковъ долженъ быть пріо-

*) Первая статья г. Серебрянникова, заключающая матеріалы для исторіи г. Томска, была помѣщена въ 8 кн. „Сиб. Наб.“ за текущій годъ. *Прм. Редак.*

становленъ на неопредѣленное время, такъ какъ нельзя ожидать въ скоромъ времени постройки новаго зданія для гимназіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ генераль-губернаторъ просилъ городского голову и членовъ городской управы представить въ думу это обстоятельство, — не сочтетъ ли она возможнымъ дать средства отъ города на наемъ для гимназіи дома наслѣдниковъ Мыльниковъ, найденнаго по осмотру имъ и директоромъ училищъ удобнымъ для помѣщенія гимназіи, если только въ немъ будутъ сдѣланы нѣкоторыя приспособленія по указанію директора училищъ.

Кромѣ того, генераль-губернаторъ просилъ также представить вниманію думы, не найдетъ ли она возможнымъ принять на счетъ города отопленіе наемнаго дома.

Исполняя это, управа предварительно входила въ соглашеніе съ наслѣдниками Мыльниковъ относительно условій найма помѣщенія для гимназіи въ ихъ домъ и съ директоромъ училищъ, о необходимыхъ, по мнѣнію его, приспособленіяхъ въ томъ домѣ для указанной цѣли.

Директоръ далъ объ этомъ особый отзывъ, который былъ предъявленъ наслѣдникамъ Мыльниковъ и послѣдніе отзывались, что согласны отдать домъ подъ помѣщеніе гимназіи на десять лѣтъ съ платою по 800 рублей въ годъ, принимая на свой счетъ исправленія, какія необходимы будутъ; но съ тѣмъ, чтобы дальнѣйшій ремонтъ и исправленія въ теченіе контрактнаго срока были отнесены на счетъ гимназіи или управы.

Затѣмъ, Мыльниковы при личныхъ переговорахъ изъявили согласіе отдать свой домъ на 5 лѣтъ съ платою по 700 рублей въ годъ и съ отнесеніемъ на счетъ управы всякихъ исправленій по дому.

Пока велись эти переговоры, въ присутствіе управы явился 13 іюля томскій купецъ Петръ Фоминъ и предложилъ свой домъ на три года за цѣну восемьсотъ рублей въ годъ и съ отнесеніемъ на собственный счетъ, какъ первоначальнаго, такъ и послѣдующаго ремонта въ теченіе контрактнаго срока.

По соображеніямъ управы приспособленіе дома Мыльниковыхъ обошлось бы, примѣрно, до 400 рублей, если не устраивать каменной лѣстницы; отопленіе дома до 600 рублей.

Имѣя въ виду, что для найма помѣщенія для гимназіи думою уже было назначено по росписи 600 рублей и принимая въ то же время во вниманіе, что по смѣтѣ города на 1872 годъ доходы не покрываютъ расходовъ, управа внесла вопросъ въ думу.

По обсужденіи въ городской думѣ въ засѣданіи 14 іюля 1872 года вопроса о помѣщеніи гимназіи большинство гласныхъ выразили мнѣніе, что болѣе удобно и выгодно отвести требуемое помѣщеніе въ домъ, купленномъ съ торговъ для городского управленія, и именно въ нижнемъ этажѣ, отдѣлавъ его, чѣмъ

въ домахъ частныхъ лицъ, предложенныхъ управою. Гласный Поповъ, не соглашаясь съ мнѣніемъ большинства присутствовавшихъ, высказалъ, что онъ находитъ болѣе удобнымъ отдать нижній этажъ купленного городомъ дома подъ торговые помѣщенія, а для гимназіи нанять одинъ изъ домовъ, предложенныхъ управою.

На основаніи мнѣнія большинства дума рѣшила отдѣлать для временнаго помѣщенія параллельныхъ классовъ гимназіи нижній этажъ дома, купленного общественнымъ управленіемъ, но съ тѣмъ, чтобы этимъ помѣщеніемъ гимназія пользовалась до приисканія удобной и выгодной по цѣнѣ для нея квартиры.

Къ исполненію этого управѣ было поручено сдѣлать необходимыя распоряженія.

Отъ отопленія помѣщенія гимназіи дума отказалась по немнѣнію на то городскихъ средствъ. Директоръ училищъ Томской губерніи, освѣдомившись о настоящемъ опредѣленіи городской думы, сообщилъ городскому головѣ (отъ 24 іюля за № 699), что отдѣлать упомянутое помѣщеніе потребуется не мало времени при значительномъ расходѣ и, все-таки, оно будетъ не совсѣмъ пригодно, тѣмъ болѣе, что подъ классы рѣшено отдать только три комнаты, а остальные обратить подъ магазины, на что онъ безъ особаго разрѣшенія генераль-губернатора согласія дать не можетъ. Помѣщеніе же въ домѣ Фомина довольно пригодно для классовъ и можетъ быть приспособлено для этой цѣли въ теченіе нѣсколькихъ дней. Поэтому директоръ просилъ городскую думу оставить безъ исполненія постановленіе ея объ отдѣлкѣ этажа дома Хотимскаго, нанявъ для намѣченной цѣли домъ Фомина. Директоръ просилъ также внести въ думу вновь вопросъ объ ассигнованіи хотя 200 рублей на отопленіе, такъ какъ гимназія получала на содержаніе библіотеки, физическаго кабинета, наемъ прислуги, на отопленіе, освѣщеніе и прочіе хозяйственные расходы всего только двѣ тысячи рублей въ годъ, изъ каковой суммы не представлялось рѣшительно никакой возможности удѣлять еще что либо на отопленіе третьяго помѣщенія.

Принимая во вниманіе заявленіе директора училищъ о неудобствѣ помѣщенія параллельныхъ классовъ, а также имѣя въ виду, что по осмотру дома городского управления найдена была въ самой нижней части дома вода стоячая, которая въ скоромъ времени едва ли могла высохнуть и запахъ ея легко могъ проникнуть въ нижній этажъ, что въ гигиеническомъ отношеніи будетъ вредно для воспитанниковъ, что за помѣщеніемъ параллельныхъ классовъ гимназіи управа будетъ стѣснена въ отдачѣ остальныхъ комнатъ въ кортомъ подъ магазины,—управа нашла болѣе выгоднымъ на тѣхъ условіяхъ означенный этажъ весь оставить за городскимъ управленіемъ, отдавая его въ наемъ;

вслѣдствіе чего и опредѣлила войти въ думу вновь съ представленіемъ о наймѣ дома Фомина на изложенныхъ условіяхъ; въ отпускѣ же отопленія отказать въ виду состоявшагося постановленія думы.

При обсужденіи настоящаго вопроса въ думѣ нѣкоторые гласные находили болѣе удобнымъ домъ Фомина.

Затѣмъ, было приступлено къ закрытой баллотировкѣ и результаты ея показали, что большинствомъ 12 противъ 7 было рѣшено придерживаться прежняго постановленія думы, т. е. поручено управѣ немедленно приступить къ отдѣлкѣ нижняго этажа городского дома и по отдѣлкѣ три комнаты съ сѣверной стороны съ прихожими къ нимъ отдать подъ помѣщеніе параллельныхъ классовъ гимназіи.

По осмотрѣ указаннаго помѣщенія членами хозяйственнаго комитета гимназіи вмѣстѣ съ врачомъ гимназіи и депутатомъ отъ городской управы оказалось, что изъ предлагаемыхъ трехъ комнатъ только двѣ могутъ служить классами, такъ какъ третья, проходная для обѣихъ первыхъ, можетъ служить только рекреационною залою и единственнымъ пріютомъ для надзирателя во время классовъ, а по недостатку удобнаго помѣщенія для шинелей на сто человѣкъ—и шинельною комнатою. Во всѣхъ трехъ комнатахъ не было ни форточекъ, ни какихъ либо другихъ приспособленій для вентиляціи. Внутреннія стеклянныя рамы въ дверяхъ, ведущихъ на улицу, находились въ одной плоскости со стѣнами, между тѣмъ какъ стекла весьма большаго размѣра начинались на высотѣ одного аршина отъ пола и не были ничѣмъ защищены; слѣдовательно, цѣлость ихъ при массѣ дѣтей была немыслима, а ремонтъ слишкомъ накладенъ. Въ дверяхъ, отдѣляющихъ одинъ классъ отъ другого, не было ни замковъ, ни ручекъ. Галлерей, которая вела отъ улицы до входа въ сѣни, была не покрыта. Въ отхожемъ мѣстѣ, вообще, слишкомъ малыхъ размѣровъ, не доставало жолоба. Поэтому губернское начальство просило городского голову озаботиться устраненіемъ указанныхъ недостатковъ, а также не признается ли возможнымъ покрыть галлерей, и для большей теплоты забить досками окна въ верхнемъ этажѣ; уступить для классовъ остальные приготовленныя двѣ комнаты, изъ коихъ одну для классовъ, а другую для шинелей, и, согласно обѣщанію, данному генераль-губернатору, снабдить отопленіемъ параллельные классы.

Разсмотрѣвъ изложенное, управа нашла невозможнымъ уступку еще двухъ просимыхъ комнатъ для параллельныхъ классовъ гимназіи, потому что за уступкою трехъ комнатъ для этого вмѣстѣ съ прихожей, перегороженной на двое, остальные предположены къ отдачѣ въ кортомъ и, кромѣ того, въ числѣ трехъ комнатъ, отданныхъ для классовъ, одна изъ нихъ, какъ наибо-

лѣе обширная, могла быть перегорожена и приспособлена для двухъ классовъ; покрытіе галлерей, по мнѣнію управы, тоже не представляло особенной необходимости, такъ какъ съ покрытіемъ ея будетъ недостаточно свѣта въ комнатахъ.

Что же касалось отопленія, то управа осталась по этой части при мнѣніи, что дума уже два раза отказывала въ этомъ по неимѣнію излишнихъ средствъ и что поэтому на отопленіе не можетъ быть ассигнована сумма.

Затѣмъ, исправленіе остальныхъ недостатковъ управа находила возможнымъ допустить; но, не приводя всего этого въ исполненіе, доложила городской думѣ въ засѣданіи ея 27 ноября 1872 года.

Въ виду предполагавшагося ходатайства объ устройствѣ въ параллельныхъ классахъ реального училища дума нашла возможнымъ уступить гимназіи еще двѣ комнаты, указаніе которыхъ, равно какъ и соотвѣтственное приспособленіе, было поручено вниманію городской управы.

3 апрѣля 1873 года дума отпустила изъ городскихъ доходовъ въ помощь гимназіи шестьсотъ рублей на наемъ такого помѣщенія, чтобы можно было расквартировать всю гимназію, но съ тѣмъ, чтобы пріемъ воспитанниковъ въ гимназію не прекращался, какъ въ данный промежутокъ времени, такъ и на будущее время.

По опредѣленію думы 15 іюня 1873 года было рѣшено отвести въ одномъ изъ пустопорожнихъ городскихъ кварталовъ площадь земли въ количествѣ 1870 квадратныхъ сажень подъ постройку на этомъ мѣстѣ зданія мужской гимназіи.

Этимъ и заканчивается переписка о нуждахъ гимназіи.

А. М. Серебренниковъ.

Опять тоска, опять невзгоды,
Опять сегодня, что вчера...
Однообразны вечера,
Недѣли, мѣсяцы и годы...
Бываютъ дни—схожу съума...
Я жажду свѣта и свободы.
А вѣкругъ меня—все таже тьма,
Однообразная тюрьма,
Взамѣнъ ликующей природы!

Дм. Вольфсонъ.

Темное дѣло.

(Изъ моихъ записокъ—быль давно минувшихъ дней).

Благодатный уголокъ,—была деревня Ямка! *) Мужики жили въ ней точно въ раю. Хлѣбъ каждый годъ родился хорошій, какого не только по Балахтинской волости, но и по всему округу ни у кого не было. Скотоводство велось прибыльно, хозяйство, за исключеніемъ немногихъ, все было исправное, образцовое. Мужички жили между собою, можно сказать, чисто по братски: никогда не слышно было никакихъ ни жалобъ, ни ссоръ, а всегда царилъ миръ, любовь и общее довѣріе другъ къ другу. Однимъ словомъ, деревня Ямка населеніемъ своимъ представляла изъ себя какъ бы одну родную семью, а что на самомъ дѣлѣ между обитателями были родственныя связи въ разныхъ степеняхъ, то это видно изъ того, что дочерей своихъ—невѣстъ—имъ не за кого было отдавать въ своей деревнѣ, какъ равно и женихи брали себѣ женъ изъ чужихъ деревень, а тѣ съ большой охотой и шли въ Ямку. И всѣ-то завидовали благосостоянію Лапатинцевъ. Да, хорошо жилось мужичкамъ и другимъ-то отъ нихъ тепленько было... Бывало, о. Апполонъ покойникъ съ причтомъ своимъ пріѣдетъ на праздникъ въ Покровъ, цѣлыхъ двѣ недѣли живетъ, ходя изъ дома въ домъ; а поѣдетъ обратно домой, то цѣлые обозы потянутся за нимъ съ хлѣбомъ, съ баранами и со всякой всячиной. Понадобится-ли волостному писарю иль засѣдателю хлѣбъ и прочіе припасы, то также пріѣдутъ, бывало, въ Ямку, выпоятъ мужикамъ ведерко водки, а тѣ—каждый и тащитъ имъ по мѣшку хлѣба; а если пожалуетъ сама барыня—засѣдательша или писарша, то эти имѣютъ дѣло уже съ бабенками. Послѣднія награждаютъ ихъ чуть не на круглый годъ яйцами, масломъ, льномъ, холстомъ и все это преподносится безъ всякаго вымогательсва, охотно, отъ всей души. Но что болѣе всего пріятнымъ было для посторонняго въ дер. Ямкѣ, такъ это радушный, гостепріимный пріемъ всѣхъ и cadaго. Хлѣбосоольство было выше всѣхъ добрыхъ качествъ у жителей этой деревни: для гостя они не жалѣли ничего; все, что было лучшаго изъ сѣстнаго въ домѣ, все ставилось на столъ.

И такъ Лапатинцы, какъ матеріально, такъ и нравственно, благодушествовали. Почитай, что со дня основанія деревни ни одного чернаго пятнышка не замѣчалось ни на комъ, потому

*) Деревня Ямка Балахтинской волости, Ачинскаго уѣзда, Енисейской губ.—названіе народное; официальное-же названіе этой деревни *Мало-Лапатина*. См. замѣтку въ VI кн. „Дорожника по Сибири и Азіатской Россіи“ за 1899 г.

что никто не занимался ничѣмъ предосудительнымъ, а слѣдовательно—и никакой дурной славы о нихъ не было.

Но, вдругъ, нежданно, негадано на эту патріархальную, вполне мирную жизнь Лапатынцевъ пало зло, которое отравило всю жизнь ихъ и печально отразилось на благосостояніи почти всей деревни. Бѣда такая стряслась, что нѣсколько лѣтъ подъ рядъ шесть земскихъ засѣдателей съ ихъ письмоводителями, нѣсколько волостныхъ писарей и еще кое кто, всѣ по очередно обрѣтали въ деревнѣ Ямкѣ ссудную кассу, по правамъ которой не только не полагалось процентовъ на взятый капиталъ, но даже и послѣдній не требовался обратно...

Бѣда эта вотъ какая. Дѣло было уже давненько, лѣтъ около тридцати тому назадъ. Жилъ-былъ въ Ямкѣ крестьянинъ; звали его Михайломъ Сильверстовичемъ, по фамиліи Лапатынъ. Богачъ былъ на всю деревню. Занимался онъ, какъ и всѣ, хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ; хлѣба засѣвалъ десятинъ по 100, да, кромѣ того, много закупалъ хлѣба и сплавлялъ по р. Енисею въ баркахъ въ гор. Красноярскъ; дѣлалъ закупъ рогатаго скота; гонялъ его въ Енисейскъ и тамъ прибыльно сбывалъ; ѣздилъ въ Томскъ по рыбу; ну, однимъ словомъ, богаче его въ Ямкѣ ни кого не было. А домъ-то у него—настоящая крѣпость! Стоялъ на задахъ улицы, обнесенъ высокимъ заборомъ, съ воротами всегда запертыми, а во дворѣ: амбары полны хлѣба, завозни, конюшни, изба для работниковъ и прочія хозяйственные постройки,—все такое плотное, да крѣпкое. При входѣ въ домъ прежде всего бросается въ глаза ведущій изъ сѣней длинный темный корридоръ съ кладовыми, наполненными разнымъ добромъ. Въ самомъ же домѣ, хотя обстановка по крестьянству и богатая, но все какъ-то производило на пришедшаго первый разъ мрачное впечатлѣніе: то-ли отъ того, что въ комнатахъ недостаточно было свѣта, или потому, что самый домъ, казалось, дышалъ какою-то таинственностью.

Въ семьѣ Сильверстовыхъ, такъ ихъ называли крестьяне, было семь мужчинъ: отецъ Михайлы—столѣтній Сильверстъ, всегда ходившій безъ шапки даже въ самые трескучіе морозы; три сына Михайлы: старшій Иванъ, женатый, и два холостыхъ—Евстафій и Никифоръ, да два племянника его же—Фроль и Спиридонъ, оба женатые. Кромѣ того, было нѣсколько человѣкъ работниковъ и постоянный пастухъ изъ малороссовъ, поселенецъ, звали Степаномъ, по фамиліи Саенко, который со скотомъ жилъ всегда на заимкѣ, принадлежащей Сильверстовымъ, расположенной верстахъ въ четырехъ отъ деревни по Сухому Ключу.

Михайло Сильверстовичъ человѣкъ былъ аккуратный, съ твердымъ характеромъ, трудолюбивый. Онъ не давалъ повадки

своимъ сыновьямъ, а также и племянникамъ. Не засиживались они въ кабакъ, какъ другіе, и на улицѣ то, бывало, рѣдко увидишь ихъ безъ дѣла шляющимися. Однимъ словомъ, держалъ онъ ихъ, какъ говорится, въ ежевыхъ рукавицахъ и лишняго словечка, бывало, отъ Сильверстовыхъ не услышишь. Самъ Михайло пользовался особымъ почетомъ и уваженіемъ по деревнѣ. Благодаря его состоянію и торговой предпримчивости,—подати за деревню сдавались всегда раньше всѣхъ и непременно всѣ въ одинъ разъ. Въ этихъ случаяхъ сельскій старшина прибѣгалъ, бывало, къ Михайлу Сильверстовичу и онъ вносилъ подати за тѣхъ, которые не могли, а потомъ деньги эти выплачивались ему хлѣбомъ.

Да, у Сильверстовыхъ деньженки были и всѣ это знали; но сколько ихъ было—никто, конечно, не считалъ, а что съ избыткомъ было ихъ,—то этого и самъ Михайло не отрицалъ. Такъ, однажды, когда онъ отдавалъ старшинѣ подати сторублевыми билетами, кто-то спросилъ его „много-ли у него ихъ“, на что онъ отвѣтилъ.

— Есть этого скаля, *) крышу будетъ покрыть.

Ходили слухи, что у Сильверстовыхъ подъ строжайшимъ секретомъ живетъ *мастеръ* **). Этотъ слухъ нѣкоторымъ образомъ подкрѣплялся быстрымъ обогащеніемъ Сильверстовыхъ, да еще и тѣмъ, что вся семья эта какъ то отдалялась отъ участія въ праздничныхъ пиршествахъ, можетъ быть, съ цѣлью избѣжать присутствія въ домѣ лишняго человѣка. Но какъ бы то ни было, а все-таки—это былъ ничто иное, какъ одинъ слухъ, и больше ничего.

Однажды въ лѣтнюю, страдную пору домъ Сильверстовыхъ погрузился въ уныніе, да и не диво было впасть въ такое состояніе: бывшая на цѣпи у амбаровъ собака, третьи сутки, почти не умолкая, воетъ, нагоняя на хозяевъ предчувствіе чего-то недобраго. Всѣхъ обѣяло какое то непонятное тревожное чувство и каждый задавался мысленно вопросомъ, чтобы такое могло случиться? Принимались, было, и бить собаку, да нѣтъ: нейдетъ ей,—воетъ да и только.

— На свою бы ты голову выла, окаянная!—ворчалъ старый Сильверстъ.

— „Нѣтъ, видно не быть добру“,—говорили между собою Сильверстовы.

Такъ и порѣшили на томъ, что непременно кто-нибудь умретъ въ домѣ, потому что таже собака вырыла у амбара боль-

*) Скале—березовая кора.

**) Мастеръ—по мѣстному выраженію означаетъ человѣка, занимающагося поддѣлкой кредитныхъ билетовъ.

шую, пребольшую яму, что по крестьянскому суевѣрію предназначало могилу.

Какъ-то послѣ праздничнаго дня, вечеромъ, вся семья Сильверстовыхъ была дома; въ прочіе же рабочіе дни всѣ живутъ на пашнѣ. Вдругъ залаяла собака и раздался въ ворота самый отчаянный стукъ, который переполошилъ весь домъ. Отворили ворота и во дворъ поспѣшно зашелъ пастухъ Саенко, ведя за собою въ поводу лошадь. Бросивъ ее, онъ вбѣжалъ въ домъ и впоныхахъ, почти задыхаясь, торопливо проговорилъ:

— Берегитесь, непріятель къ вамъ идетъ. Шесть человѣкъ бродягъ добираются къ вашему богатству. Давеча пришли этта они ко мнѣ на заимку да и выпытываютъ меня, кто на деревнѣ у васъ богаче. Ну, я и указалъ имъ на Ѳедора Ивановича, а они прямо таки мнѣ сказали; „не правда, Сильверстовы богаче всѣхъ, потому, говорятъ, мы знаемъ, что они раньше *мастеровъ* держали, а потомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на тотъ свѣтъ отправили“. Я на это сказалъ имъ: не знаю, можетъ быть, и такъ, но только мнѣ ничего неизвѣстно, потому недавно живу у нихъ. Они распросили меня, гдѣ безопасно можно подойти къ вашему дому, и я рассказалъ, такъ какъ они погрозили убить меня, если скажу неправду. И, вотъ, они пошли впередъ, а я сейчасъ же сѣлъ на коня, да другой дорогой и поспѣшилъ предупредить васъ. Сегодня ночью ждите...

— Спасибо, Степанушка, спасибо тебѣ за эту вѣсть,—сказалъ старый Сильверстъ.—Что, не правду я вамъ говорилъ, что не быть добру? обратился онъ къ своей семьѣ. Мое сердце не обманешь: оно у меня самый вѣрный вѣщунъ.

— Ну, теперь зѣвать ненадо, продолжалъ Сильверстъ. Вочю бы то ни стало, а надо этихъ варнаковъ прибрать къ мѣсту... Чтобъ они, значить, не коптили бѣлый свѣтъ, да не разносили про насъ худую славу.

— Вѣрно, вѣрно! подхватилъ сынъ Михайло и другіе съ нимъ. Мѣшкать не надо, давайте-ка налаживаться, чтобъ во время принять непрошенныхъ гостей, а то, чего добраго, прозѣваемъ, такъ, пожалуй, они насъ употчуютъ. Эвона, вѣдь, шесть человѣкъ!

— Экъ велика бѣда—шесть человѣкъ, отозвался одинъ изъ племяшей Михайлы. Я одинъ съ двумя управлюсь, а насъ то всѣхъ молодцевъ тоже шестеро, да и дѣдушка-то при случаѣ, поди, маху не дастъ.

— Ну, будетъ ребятушки болтать-то, надо за дѣло приниматься, произнесъ Сильверстъ. А ты, Степанушка, поѣзжай на свое мѣсто, да, мотри, никому объ этой оказіи не сказывай. И тотъ, сѣвъ на лошадь, уѣхалъ обратно на заимку.

Въ домѣ Сильверстовыхъ все засуетилось: загремѣли у кладовыхъ тяжелые замки, забѣгали съ испуганными лицами бабы, не зная, что дѣлать, чтобы прогнать обуявшій ихъ страхъ. Пробовала, было, одна изъ нихъ подать своему мужу совѣтъ—заявить лучше сельской власти, а самимъ не браться за это страшное дѣло.

— Молчи! вы, бабы, народъ глупый,—это не вашего ума дѣло. Не знаешь дура, что если заявить, то тогда такая каша заварится, что и не расхлебать намъ ее всѣмъ; а вотъ, какъ сами управимся, такъ тогда и всему дѣлу будетъ конецъ. Такъ отвѣтилъ мужъ своей совѣтницѣ—женѣ.

Послѣ этого остальные и языки прикусили; собрались всѣ въ одинъ уголъ въ ожиданіи чего-то недобраго, страшнаго.

Собаки, по совѣту Сильверста, заперты были въ амбаръ, чтобъ не мѣшали прибытію непрошенныхъ гостей. Ворота оставили незапертыми; огни въ домѣ погасили. Въ деревнѣ всѣ уже спали крѣпкимъ сномъ, только въ домѣ Сильверстовыхъ бодрствовали: каждый занялъ свой постъ, вооружившись подходящимъ орудіемъ.

Была уже полночь. Надъ деревней, расположенной въ котловинѣ между двухъ высокихъ горъ, стоялъ густой туманъ, который, смѣшиваясь въ воздухѣ съ мракомъ ночи, придавалъ ей болѣе темноты. Въ верхъ по небольшой рѣчкѣ, протекающей по срединѣ деревни, на берегу которой стоялъ домъ Сильверстовыхъ, медленно двигались человѣческіе силуэты. Кругомъ все было тихо, только изрѣдка слышался подъ ногами шедшихъ трескъ сухихъ прутьевъ кустарника, густой массой покрывавшаго отлогіе берега рѣчки, да кой-гдѣ спархивали испуганные птички.

Но вотъ ближе къ деревнѣ кусты пошли рѣже и рѣже и, наконецъ, при видѣ черныхъ фигуръ, коими обрисовывались гумны,—совсѣмъ прекратились и путники вышли на чистую поляну. Здѣсь они съ большей осторожностью пробирались между гуменъ и чрезъ нѣсколько минутъ очутились на задахъ дома Сильверстовыхъ, стоявшаго отъ края деревни черезъ 5—6 небольшихъ домиковъ.

У плотнаго, досчатаго забора ночные путешественники, въ числѣ шести человѣкъ, остановились и, видимо, долго что-то соображали, или совѣтывались. Наконецъ, съ помощью товарищей, одинъ взобрался на заборъ, нѣсколько минутъ прислушивался и, осмотрѣвъ дворъ, прыгнулъ обратно. Послѣ этого немедленно сдѣланы были необходимыя приспособленія и одинъ за другимъ, смѣло перелѣзая черезъ заборъ, всѣ очутились внутри двора.

Мертвенная тишина и отсутствіе собакъ непрощеннымъ гостямъ придало еще болѣе смѣлости, но когда они убѣдились, что наружная дверь въ домъ оказалась незапертою, то обстоятельство это нѣсколько смутило ихъ. Послѣ минутнаго совѣщанія трое рѣшились войти въ домъ, а остальные остались на сторожѣ во дворѣ. Не прошло и минуты, какъ наружная дверь быстро изъ внутри захлопнулась, а затѣмъ въ домѣ слышался стукъ и шумъ, потомъ послѣдовали неясные, сдавленные человѣческіе крики.

Изъ темнаго угла двора опрометью прибѣжали къ двери двѣ человѣческія фигуры и на условный стукъ ихъ дверь отворилась.

Шумъ и какой-то трескъ въ домѣ еще болѣе усилились. Въ окнахъ показался слабый огонекъ; глухіе удары, сопровождавшіеся отчаяннымъ человѣческимъ стономъ, отчетливо раздавались по двору. Слышался еще одинъ сильный крикъ, какъ-бы молящій о пощаду, потомъ глухой продолжительный стонъ, еще ударъ—и все смолкло...

Вся семья Сильверстовыхъ съ фонарями бросилась искать кого-то по двору, но поиски были напрасны.

— Улизнули варнаки, жаль, жаль! Ну, ладно, будетъ и этихъ...

Спустя полчаса, семья Сильверстовыхъ, за исключеніемъ самаго старика, выѣхала со двора на телѣгѣ, на которой была какая-то кладь, аккуратно прикрытая рогожами, а сверху лежали лопаты. Взобравшись на гору, они поѣхали къ Сухому Ключу и тамъ скрыли слѣды кроваваго дѣла.

Но нѣтъ ничего тайнаго, чтобы не сдѣлалось явнымъ. Такъ случилось и съ Сильверстовыми.

Послѣ описаннаго происшествія домъ Сильверстовыхъ пуще прежняго принялъ таинственный видъ. Нѣсколько дней подрядъ никто изъ дома даже не выходилъ въ поле на работу. Въ домѣ все было какъ-то печально, уныло. Испуганные лица бабенокъ, при встрѣчѣ съ посторонними, служили ничѣмъ не объяснимой загадкой. Наконецъ, понемногу все начало какъ-будто забываться. Обычныя домашнія занятія и полевые работы пошли по прежнему. Но происшествіе той ужасной ночи, все-таки, часто пугало обитателей дома Сильверстовыхъ и тревожное душевное состояніе брало у нихъ вѣрхъ надъ всѣми усиліями забыть ту роковую ночь...

С. А. Коваленко.

(До слѣдующей книжки).

Поморы на Алтаѣ *).

(Страничка изъ воспоминаній).

Село Безголосово Бійскаго округа Томскій губерніи лежитъ въ степной, открытой мѣстности. Оно, преимущественно, заселено богатыми, зажиточными старовѣрами Поморской секты.

Пришлось остановиться у одного изъ нихъ. До той поры я имѣлъ смутное понятіе объ этихъ людяхъ, ихъ нравахъ, обычаяхъ и религіи.

Остановился я у зажиточнаго старовѣра Савелія Федоровича Селиванцова. Старику было около 90 лѣтъ; но онъ высматривалъ совсѣмъ бодрымъ и моложавымъ.

Высокій, плечистый, стройный, съ большой окладистой бородой, которая могла бы бѣлизной поспорить со снѣгомъ и съ густыми черными волосами—онъ имѣлъ очень внушительную и представительную внѣшность. Свѣжее лицо, почти безъ морщинъ, и густыя черныя съ просѣдью брови—придавали его фізіономіи какое-то величіе и самостоятельность.

Дѣдушка Савелій родился въ 1795 году и, вотъ, уже около 50 лѣтъ, какъ поселился съ семьей въ Безголосовѣ.

Семья его состояла изъ сыновей, внуковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были женаты, и правнуковъ—маленькихъ ребятишекъ. Всѣхъ съ работниками я насчиталъ въ домѣ до 40 человѣкъ.

Они занимали большой двухъэтажный домъ, крытый тесомъ и окрашенный въ сѣрую краску съ зеленой крышей. Внизу находилась общая столовая. Она же и молельня и парадная комната съ огромной двухспальной кроватью и съ такою толстою периной, которую и представить себѣ трудно.

Въ эту то комнату меня и помѣстили. Горница была оклеена обоями. Небывалый комфортъ у россійскихъ крестьянъ; а въ Сибири—заурядное явленіе. Изразцовая печь съ лежанкой. Въ альковѣ кровать съ перинами и такъ высока, что, если лечь на эту постель, до потолка останется не болѣе двухъ футовъ. Въ углу образница съ образами старинной живописи; передъ образницею день и ночь горѣла лампада.

Я спросилъ радушнаго хозяина, кто спитъ на этой постели, и онъ поспѣшилъ объяснить, что это ложе первой брачной ночи, а также для гостей.

Всякій изъ членовъ семьи Селиванцова, если женится, ночуетъ первую ночь въ этой горницѣ и спитъ на этой горѣ пе-

*) Этотъ очеркъ относится къ поѣздкѣ по Алтаю въ 1882 году.

ринъ и подушекъ. Кромѣ того, на этомъ почетномъ ложѣ укладываютъ гостей.

Перспектива взлѣсть и спать на этой постели мнѣ не понравилась; но я боялся отказомъ оскорбить радушнаго хозяина.

— Если куришь, батюшка,—обратился ко мнѣ Савелій,— выйди въ сѣнцы.

Я объяснилъ, что не курю, рѣшивъ не курить въ Безгосовѣ среди старовѣровъ.

— Рѣдкость нонче, замѣтилъ старикъ. Поморцы и то начали баловать. Оно, конечно, вамъ, господамъ, ничего. Нашему брату не слѣдъ этимъ заниматься ужъ потому, что это зеліе дурныя мысли навѣваетъ.

Стало смеркаться и я, утомленный съ дороги, раздѣлся и съ трудомъ при помощи дѣда Савелія забрался на парадное ложе. Горница была страшно натоплена и лежать у самага потолка было очень неудобно. Можетъ быть, не превыкнувъ спать на такомъ мягкомъ ложѣ, я никакъ не заснулъ бы, если-бы не догадался сойти внизъ и лечь на полу, гдѣ и заснулъ, какъ убитый.

II.

. . . Проснувшись на другой день рано утромъ, я вышелъ изъ парадной комнаты. Было еще совсѣмъ темно. Ко мнѣ подбѣжалъ маленькій мальчикъ—правнукъ Савелія, и повелъ меня умываться.

Всѣ въ домѣ были на ногахъ. Умывшись, я взошелъ съ мальчикомъ въ молельню. Въ углу подъ образами стоялъ Савелій, передъ нимъ раскрытая книга (Евангеліе—рукописное). Онъ читалъ главу отъ Луки. По правую сторону стояли всѣ мужчины и мальчики, сложивъ крестъ на крестъ руки на груди. Въ такой-же позѣ, съ бѣлыми покрывалами на головахъ, стояли по лѣвую сторону Савелія женщины, дѣвушки и дѣвочки. У всѣхъ присутствовавшихъ были серьезныя внимательныя лица. Савелій читалъ громко, бойко, въ серебряныхъ очкахъ. Простота и, вообще, благоговѣніе подѣйствовали и на меня. Я такъ и застылъ на порогѣ. Никто изъ молившихся и не обратилъ на меня вниманія. Одинъ Савелій при входѣ моемъ поднялъ глаза, посмотрѣлъ черезъ очки и продолжалъ чтеніе.

Безъ отдыха долго читалъ старецъ Евангеліе и слушатели не перемѣняли позъ. Совсѣмъ разсвѣло. Савелій Федоровичъ кончилъ главу, перекрестился старымъ крестнымъ знаменіемъ и поцѣловалъ книгу. И начала подходить къ нему его родная паства. Подходя, всякій клалъ передъ старикомъ земной поклонъ, цѣловалъ Евангеліе и руку Савелія Федоровича. При этомъ соблюдался величайшій порядокъ. Сначала подошелъ старшій сынъ Савелія—Николай, уже почтенный старикъ лѣтъ 50 или

60, а затѣмъ и другіе мужчины по степенству. Послѣ мужчинъ начали подходить женщины.

Поцѣловавъ руку Савелія Ѳедоровича, всякій становился на прежнее мѣсто. Давъ благословеніе всѣмъ домочадцамъ, Савелій Ѳедоровичъ обернулся къ образамъ и затѣлъ „Отче нашъ“. Присутствовавшіе въ комнатѣ подхватили дружнымъ хоромъ. Этимъ кончилась утренняя молитва.

Поморская секта не имѣетъ поповъ и не совершаетъ никакихъ обрядовъ и церемоній. Старшій въ семьѣ прадѣдъ, дѣдъ, отецъ или, наконецъ, старшій братъ является въ семьѣ поморцевъ и судьей, и священнослужителемъ.

Утромъ и вечеромъ они собираются вмѣстѣ и патріархъ семьи читаетъ Евангеліе; учитъ семью, какъ жить, и разбираетъ ихъ споры.

Есть, говорятъ семьи, въ сто человѣкъ и больше. Всѣ послѣдователи Поморской секты очень трудолюбивы и зажиточны.

Домъ, въ которомъ я прожилъ пять дней, можетъ служить образчикомъ поморскихъ жилищъ.

Гость, кто бы онъ ни былъ, у нихъ священное лицо. Вообще, радушіемъ и гостепріимствомъ поморы отличаются отъ сектантовъ другихъ вѣроученій...

III.

Я рѣшилъ прожить у Савелія Ѳедоровича нѣсколько дней, заинтересовавшись бытомъ поморцевъ. Когда я заикнулся объ уплатѣ за пріютъ и пищу, то Савелій Ѳедоровичъ даже обидѣлся. Нѣшто подобаетъ братъ съ гостя. Живи, сколько хочешь; но и не взыщи. Гость у насъ первый чековѣкъ и мы съ него ни за что ни денегъ и никакого подарка не возьмемъ. Господь Іисусъ Христосъ училъ пріютить прохожаго, накормить голоднаго, обогрѣть озябшаго. Нѣшто мы гостю радушіе оказываемъ — совсѣмъ нѣтъ: въ лицѣ гостя видѣиъ намъ самъ милосердный Господь.

Рано утромъ всѣ поморцы, совершивъ свою утреннюю молитву, уходили на работу. Оставались дома малолѣтки съ женой Савелія Ѳедоровича.

Супруга Савелія Ѳедоровича была худая, высокая старуха, какъ я узналъ, лѣтъ за 70. Но никто не даль-бы ей, не смотря на ея морщинистое лицо, этихъ лѣтъ. По проворству и хозяйственности она не уступала молодухамъ. Одна привиллегія была у старухи: ее не брали на полевые работы, а оставляли присматривать за малолѣтками, которыхъ было въ семьѣ болѣе дюжины. Вернувшись съ работъ, поморцы снова совершали молитву. Старикъ Савелій Ѳедоровичъ читалъ Евангеліе. Всѣ пѣли „Отче нашъ“ и потомъ сажались ужинать.

Часто послѣ ужина, въ которомъ я принималъ участіе какъ равный и поморцы, къ моему удивленію, нисколько меня не гнушались,—я бесѣдовалъ съ Савеліемъ Ѳедоровичемъ.

Онъ охотно удовлетворялъ мое любопытство и изъ его словъ я узналъ всѣ ихъ обряды. Обрядъ крещенія совершаютъ поморы по старинному. Приносятъ большую калку съ водой. Отецъ благословляетъ воду, перекрестивъ ее трижды крестомъ стараго порядка: даютъ младенцу имя и троекратно окунаютъ его въ воду. При этомъ хоръ поетъ „Отче нашъ“. Я спросилъ, что всѣ ли обряды совершаются при этой молитвѣ, т. е. при пѣніи „Отче нашъ“?

На это Савелій Ѳедоровичъ объяснилъ, что никакой другой молитвы нѣтъ. „Отче—нашъ“ первая христіанская молитва. Такъ училъ молиться самъ Іисусъ Христосъ и не подобаетъ иначе молиться. Жениятся поморы еще проще. При чемъ у нихъ играетъ главную роль взаимность молодыхъ. Ежели парню понравилась какая дѣвушка, онъ заявляетъ о томъ своему отцу. Тотъ посылаетъ сватовъ, которые, получивъ согласіе родителей невесты и ея самой, назначаютъ день свадьбы. Совершается свадьба въ домѣ жениха. За невестой отправляются сваты и она, въ сопровожденіи подругъ (дѣвушекъ) и нарѣченнаго отца (одного изъ пожилыхъ поморовъ,—большею частью родственниковъ невесты) и посаженной матери, пріѣзжаетъ въ домъ жениха. Невѣсту у воротъ встрѣчаетъ старшій въ домѣ (дѣдъ, отецъ или старшій братъ жениха) съ хлѣбомъ и солью.

Вся процессія входитъ въ общую семейную молельню, гдѣ невеста, въ знакъ будущей покорности ея мужу, трижды кланяется главѣ семейства и свекрови. Затѣмъ, патріархъ семьи беретъ образъ, а женихъ съ невестой становятся передъ нимъ на колѣни, и онъ спрашиваетъ невесту: „согласна ли она вступить въ семью и повиноваться мужу“. Получивъ утвердительный отвѣтъ, глава семьи обращается къ жениху и дѣлаетъ ему наставленіе беречь и не обижать жену; но не держать ея сторону, когда она не будетъ права.

Женихъ обѣщаетъ поступать по обычаю. Тогда подходитъ мать жениха и беретъ образъ изъ рукъ главы семьи и благословляетъ новобрачныхъ. При этомъ присутствующіе поютъ хоромъ „Отче нашъ“.

Разводъ у поморцевъ допускается въ томъ лишь случаѣ, если въ теченіе трехъ лѣтъ у супруговъ не будетъ дѣтей; но и то къ разводу прибѣгаютъ рѣдко.

Чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ женщина пользуется большимъ уваженіемъ.

Всѣ почти поморцы грамотны и умѣютъ писать. Читаютъ они исключительно Евангеліе. Вино и табакъ ими не употреб-

ляются и строго запрещаются обычаемъ; но они не гнушаются православныхъ и даже татаръ.

— Всякій человѣкъ созданъ по образу и подобію Божьему. Жалѣть должны мы его въ заблужденіи, но не гнушаться имъ, —объясняютъ они.

IV.

Я не замѣчалъ, какъ время летѣло. Одинъ случай еще болѣе меня сблизилъ съ старовѣрами. Заболѣлъ маленькій внукъ Савелія Ѳедоровича, сынъ старшаго его сына Николая. Онъ былъ общимъ любимцемъ въ семьѣ.

— Должно, простудился Николка. Зябнетъ все, —объяснилъ мнѣ отецъ его.

Я пошелъ съ нимъ, туда гдѣ лежалъ мальчикъ. Сильный жаръ, высокая температура тѣла, ознобъ, но сухой языкъ. Мальчику было лѣтъ 12 или 13.

Оказалось, что онъ наканунѣ весь день игралъ въ бабки съ сверстниками и потомъ напился холодной воды. У меня оказалась подъ рукой хина, которую я всегда вожу съ собою; но я боялся дать сильный пріемъ. Я порылся въ сумкѣ съ медикаментами и отыскалъ салициловый натръ. Положивъ въ стаканъ отварной воды двѣ чайныя ложки натра, я велѣлъ давать больному черезъ часъ по столовой ложкѣ. Къ вечеру появилась испарина и ребенокъ заснулъ.

Такое случайное исцѣленіе благодѣтельно подѣйствовало на моихъ хозяевъ.

Конечно, выздоровленію ребенка безспорно способствовалъ салициловый натръ, но также здоровый организмъ мальчика. Старовѣры же исцѣленіе приписали исключительно моей помощи и пожелали отблагодарить меня.

Не желая оскорбить меня щекотливымъ вопросомъ, они долго совѣщались, какъ поступить въ данномъ случаѣ, и, наконецъ, Савелій Ѳедоровичъ вошелъ ко мнѣ (это было въ день моего отъѣзда) съ высокимъ посохомъ странной формы.

— Батюшка, Дмитрій Николаевичъ, — обратился ко мнѣ старецъ. — Не побрезгуй и не обижай отказомъ. Отецъ мой покойникъ получилъ его въ подарокъ отъ калмыцкаго зайсана, который вырылъ его изъ земли въ селѣ Алтайскомъ.

Подарокъ былъ заманчивъ. Долго я отказывался; но, наконецъ, рѣшился взять его. Этотъ подарокъ — палка — хранится у меня до сихъ поръ.

Она имѣетъ почти восемь четвертей длины. Вверху заканчивается мѣдной шляпкой; вся круглой формы и по всей длинѣ ея сдѣланы впадины и палка разукрашена вложенными въ впадины и прикрѣпленными мѣдными гвоздиками старыми монетами (нѣко-

торыя изъ нихъ съ римскими профилями). Внизу палки—желѣзный наконечникъ въ видѣ багра. Надъ наконечникомъ кусокъ парчи.

Какимъ образомъ этотъ багоръ попалъ на Алтай—трудно опредѣлить. Самое вѣроятное, что эта палка—посохъ былъ знакомъ отличія у какого нибудь изъ родовитыхъ калмыцкихъ князей (зайсановъ); но откуда у него появился—повторяю—покрыто мракомъ неизвѣстности.

Димитрій Корнатовскій.

Воспоминанія о С. Я. Надсонѣ.

(Продолженіе, — см. кн. 9 т. года).

Въ училищѣ у насъ былъ свой хоръ пѣвчихъ. Регентомъ у насъ былъ нашъ взводный командиръ капитанъ Ог—ковъ. Надсонъ былъ также пѣвчимъ и пѣлъ партію втораго тенора. Я пѣлъ ту же партію и, не обладая музыкальнымъ ухомъ, всегда становился рядомъ съ Надсономъ и пѣлъ, прислушиваясь къ нему. Бывало, чтобы подшутить надо мной, С. Я. поетъ, поетъ, да и запоетъ фальшивую ноту; я не отстаю и усердно повторяю ту же ошибку;—въ результатѣ свирѣпый взглядъ въ нашу сторону регента. Пѣніе Надсонъ очень любилъ и пѣлъ очень симпатичнымъ голосомъ.

При каждой ротѣ у насъ были „курилки“, т. е. комната, гдѣ разрѣшалось курить. Эти курилки были нашими клубами; по большей части мы тамъ проводили почти все свободное время.

Тамъ мы курили, пѣли; тамъ-же и пили чай. Чаепитіе было у насъ очень распространено. Собиралась компанія изъ нѣсколькихъ человѣкъ, покупали сообща чай и сахаръ и послѣ обѣда усаживались распивать чай. Воду мы доставали у солдатъ. А нѣкоторыя компаніи заводили свои чайники и самовары; при чемъ наставляли ихъ сами. Наша компанія состояла изъ 5-ти человѣкъ: Надсонъ, я, Россійскій, сдѣлавшійся потомъ самымъ закадычнымъ пріятелемъ Надсона, и еще два кіевлянина. Всѣ мы были народъ небогатый и потому, по большей части, пили чай въ прикуску и безъ хлѣба; когда-же у кого-либо изъ насъ заводились деньги, то мы устраивали кутежку: покупали хлѣбъ къ чаю, иногда и пирожное и пили чай въ накладку. Чаепитіе, обыкновенно, сопровождалось пѣніемъ. Пѣли мы солдатскія пѣсни, малороссійскія, и всегда кончали пѣснями не совсѣмъ приличнаго содержанія. Надсонъ больше всего любилъ малороссійскіе мотивы.

Когда мы перешли на старшій курсъ, то въ училищѣ была открыта маркитантская, которую содержалъ нѣкто „Харлампій“. Тогда уже наши чаепитія были перенесены къ Харлампію.

Хотя въ маркитантской не позволяли пѣть, но были другія удобства: буфетъ былъ уставленъ всевозможными закусками и сладостями и все это можно было имѣть въ кредитъ до выпуска въ офицеры; прѣ чемъ требовалось только, чтобы юнкеръ представилъ записку отъ училищнаго адъютанта о томъ, что, при выдачѣ обмундировочной суммы такому-то, — столько-то будетъ удержано въ пользу буфетчика Харлампія.

Записки эти брались у адъютанта суммами отъ 5 до 25 рублей и, затѣмъ, вновь потворялись; такъ что нѣкоторые юнкера проѣдали почти всѣ свои обмундировочныя деньги.

Не всякому, однако, и выдавалъ адъютантъ такія записки на большую сумму; такъ какъ деньги эти полагались намъ на приобрѣтеніе офицерскаго костюма, и адъютантъ долженъ былъ быть увѣренъ, что у юнкера есть постороннія средства, на которыя онъ будетъ въ состояніи обмундироваться. Надсонъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые не могли много тратить у Харлампія, и не хотѣлъ пользоваться средствами товарищей, поэтому наша компанія была очень скромна въ своихъ требованіяхъ.

Иногда у С. Я. заводились нѣсколько рублей, по большей части полученныхъ, какъ гонораръ, за свои произведенія; но деньги у него долго не держались; часть истратить на себя, а большую часть раздать другимъ.

— Сеня Надсонъ, нѣтъ ли у тебя денегъ?

— Есть, если не очень много тебѣ нужно, отвѣтитъ, бывало, С. Я. и спрашивающій уходитъ съ деньгами.

При товарищескихъ выручкахъ, конечно, незначительными суммами, у насъ не существовало никакихъ условій. Дававшій деньги не спрашивалъ, когда онѣ будутъ возвращены, и бравшій также не назначалъ времени отдачи. Отдавался долгъ при первой возможности. Я знаю навѣрное, что бывали случаи, когда Надсону отдавали деньги, но онъ ихъ не бралъ, особенно если зналъ, что должникъ самъ нуждается въ деньгахъ, и отдаетъ потому только, что считаетъ нужнымъ возвратить взятое.

— Мнѣ сейчасъ не нужны деньги — отдашь потомъ, скажетъ Надсонъ, хотя самъ не имѣетъ ни одной копѣйки.

С. Я. не любилъ пользоваться даровыми услугами. Въ этомъ отношеніи онъ былъ слишкомъ щепетиленъ.

Вотъ случай, характеризующій Надсона, и который былъ со мной.

Я былъ хорошій чертежникъ и, кромѣ своихъ чертежей, работалъ чертежи для нѣкоторыхъ товарищей, получая за это

плату. Сдѣлалъ я нѣсколько чертежей для С. Я. Надсона; но съ него плату взять отказался. Тогда Надсонъ, подарилъ мнѣ одно изъ своихъ стихотвореній въ полную мою собственность и просилъ меня выдать это стихотвореніе за свое. Когда я началъ отказываться, то С. Я. объявилъ мнѣ, что, все равно, никогда этого стихотворенія печатать не будетъ и потому убытку я ему не принесу. На мой вопросъ: „почему-же не будешь его печатать?“ я получилъ слѣдующее объясненіе: Надсонъ написалъ два стихотворенія, діаметрально противоположныя, и не хотѣлъ печатать оба; поэтому одно рѣшилъ печатать самъ, а другое дарилъ мнѣ. Онъ посовѣтовалъ мнѣ помѣстить его въ „Русской Рѣчи“ и просилъ только передать ему тотъ отзывъ, который дастъ о стихотвореніи редакторъ А. Навроцкій. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній я сдался, такъ какъ Надсонъ далъ слово, что если я не соглашусь, то больше онъ не будетъ пользоваться моими услугами по составленію чертежей.

Дѣло было въ началѣ ноября 1880 года; я снесъ стихотвореніе въ редакцію „Русской Рѣчи“ и получилъ отвѣтъ: „явиться въ субботу вечеромъ къ господину редактору“.

Съ сильно бьющимся сердцемъ явился я въ назначенный день къ А. Навроцкому. Онъ принялъ меня очень ласково и завелъ со мной разговоръ на тему: „давно-ли пишу, есть-ли у меня что либо еще написанное, нѣтъ-ли чего уже въ печати“ и пр. и пр.

Я вынужденъ былъ соврать и совралъ.

Я сказалъ, что въ печати ничего не было; но что есть у меня тетрадка стихотвореній, которыя началъ писать еще въ корпусѣ. Навроцкій усиленно просилъ меня зайти къ нему какъ-нибудь вечеромъ—запросто и принести свою тетрадь

— „Вмѣстѣ посмотримъ и навѣрное найдемъ что-нибудь хорошее; у васъ рѣдкій и самостоятельный слогъ; вамъ не слѣдуетъ оставлять работу; пишите, а я вамъ буду помогать, чѣмъ могу“.

Мнѣ было очень стыдно слушать незаслуженную похвалу, тѣмъ болѣе, что все мнѣ оказанное, очевидно, было отъ чистаго сердца и могло-бы сильно ободрить начинающаго поэта.

Получивъ 7 р 20 коп. гонорара, я ушелъ отъ А. Навроцкаго, красный какъ ракъ, и мокрый, какъ загнанная мышь.

Нечего говорить, что никогда больше я не былъ у любезнаго редактора и даже боялся ходить на Подъяческую улицу, чтобы какъ-нибудь не встрѣтить обманутаго мною человѣка.

Стихотвореніе было напечатано въ декабрьской книгѣ 1880 года на страницѣ 297 и подписано, яко-бы мною, т. е. *П. Ивановъ*.

Вотъ цѣликомъ эти стихи:

Томясь и страдая во мракѣ ненастья,
Горячее, чуткое сердце твое

Стремится къ блаженству всемірнаго счастья.
И видитъ въ немъ личное счастье свое.
Но, другъ мой, напрасны святыя порывы:
На жизненной сценѣ, залитой въ крови,
Довольно простора для рынка наживы
И тѣсно для свѣтлаго храма любви.

* * *

Но если и вправду замолкнуть проклятья,
Но если и вправду погибнетъ Ваальъ,
И люди другъ друга обнимутъ, какъ братья,
И съ неба на землю сойдетъ идеальъ,—
Скажи: въ обновленномъ и радостномъ мірѣ
Ты, свыкшійся съ честною скорбью твоей,
Ты будешь-ли счастливъ на жизненномъ пирѣ,
Мечтавшій о счастья печальникъ людей?

* * *

Вѣдь, сердце твое—это сердце больного,
Заглохнетъ, безъ горя, какъ нива безъ грозъ;
Оно не отдастъ за блаженство покоя
Креста благодатныхъ страданій и слезъ.
Что-жъ, если оно затоскуетъ о долѣ
Борца и пророка завѣтныхъ идей,
Какъ узникъ, успѣвшій привыкнуть къ неволѣ,
Тоскуетъ о мрачной темницѣ своей?

Объявляю во всеуслышаніе издателямъ стихотвореній Семена Яковлевича Надсона, что эти стихи принадлежатъ Надсону и могутъ быть помѣщены во всѣхъ изданіяхъ стихотвореній Надсона. Я отрекаюсь отъ своей подписи и ставлю подъ произведеніемъ поэта его собственное имя „С. Я. Надсонъ“.

Когда я передалъ Надсону отзывъ о его стихахъ редактора „Русской Рѣчи“ А. Новроцкаго, то юный писатель остался, очевидно, очень доволенъ.

П. Ивановъ.

(До слѣдующей книжки).

Кузнецкій Алатау.

(Физико-географическій обзоръ—см. кв. 5—7 и 9 т. г.)

Теперь намъ остается еще разсмотрѣть ту часть Алатау, которая лежитъ на восточномъ его склонѣ по теченіямъ рѣкъ Бѣлаго и Чернаго Юсовъ и, такимъ образомъ, замкнуть кругъ, приблизившись къ той части хребта, съ которой мы начали наше обозрѣніе, т. е. къ системѣ Абакана.

Рѣки Черный и Бѣлый Юсы, составляющіе послѣ своего сліянія рѣку Чулымъ, сходятся своими вершинами: первый съ верхней и средней Терсюю, второй—съ правыми притоками Томи—Казыромъ, Бельсой и Усой.

Бѣлый Юсъ имѣетъ направленіе съ Ю на С и СВ и затѣмъ на СЗ. Это настоящая горная рѣчка, быстрая, порожистая, каменная и извилистая, въ верховьяхъ ея расположены золотые промыслы. — Черный Юсъ такая-же горная рѣчка, стремящаяся въ довольно узкихъ долинахъ изъ горныхъ хребтовъ Алатау съ З на В, а по принятіи въ себя справа р. Изынжула на С., впрочемъ, по впаденіи въ него слѣва р. Сарала-Юса, онъ отклоняется къ СВ и, пробѣжавъ около 100 верстъ, близъ деревни Сютенской соединяется съ Бѣлымъ Юсомъ, съ которымъ и образуютъ р. Чулымъ. Какъ по верховьямъ Юса, такъ равно и по притокамъ его Аязбасу, Изынжулу, Сарала-Юсу и впадающимъ въ нихъ и въ самый Юсъ ключамъ и рѣчкамъ, расположены золотые прииска Ачинскаго округа. *)

Юсы выбѣгаютъ изъ высокихъ хребтовъ Алатау, увѣнчанныхъ гольцами. Начинаясь отъ Поклоннаго хребта въ вершинахъ Томи, гольцы эти тянутся въ сѣверо-западномъ направленіи вплоть до Таскыла. Нынѣ эти гольцы привлекаютъ къ себѣ всеобщее вниманіе открытыми въ нихъ богатыми мѣсторожденіями руднаго золота (рудники Іоанновскій въ системѣ Сарала-Юса и Богомдарованный въ системѣ Бѣлаго Юса **). Соединившись, Бѣлый и Черный Юсы подъ именемъ Чулыма орошаютъ стенную плоскую возвышенность, отдѣленную невысокими горными хребтами, идущими съ юго-запада на сѣверо-востокъ, отъ впадины, заключающей въ себѣ соленые озера Биле и Шира. Эта впадина въ свою очередь хребтомъ, имѣющимъ направленіе параллельное первому, отдѣляется отъ обширной, сухой и холмистой степи, именуемой Качинской, а по правую сторону Абакана—Абаканской, заключающихъ въ себѣ тоже нѣсколько замкнутыхъ озерныхъ бассейновъ, хотя меньшихъ размѣровъ, чѣмъ

*) Латкинъ Енисейск. губернія ст. 24.

**) Зайцевъ—Въ Ачинско-Минусинской тайгѣ. Вѣст. Золот. 1901 г. № 1, 3, 4, 5

два вышеупомянутыя озера *). Наибольше крупное изъ степныхъ озеръ этого района вышеупомянутое Биле-куль (русскіе зовутъ его Бѣлымъ озеромъ) до 30 в. длиною и до 8 в. шириною, принимаетъ въ себя рѣку Туюмъ; другое, меньшихъ размѣровъ, озеро Шира, прославилось въ послѣдніе годы своими цѣлебными свойствами; длина его около 18 в., ширина 12—15 в.; въ южный конецъ его впала р. Сонъ.

Качинская и Абаканская степи сухія и мелкотравныя, расположенныя въ холмистой и отчасти гористой мѣстности, покрыты тысячами кургановъ и древнихъ могильниковъ, остатками когда-то обитавшихъ здѣсь народовъ. Приводимъ художественное описаніе этихъ степей изъ книги Елпатьевского „Очерки Сибири“.

„Тиха и мертва огромная Абаканская степь. Безоблачное, раскаленное небо, зноемъ пышущая, растрескавшаяся отъ жары земля, низкая, выжженная степная трава, сумрачной толпой уходящія вдаль темныя горы и могилы, могилы кругомъ... Бѣлыми пятнами блеснуть на солнцѣ солончаки, голубою пеленой глянетъ въ голыхъ берегахъ горько-соленое озеро, мелькнетъ между могилами на степномъ холмѣ, Богъ знаетъ откуда взявшаяся, хилая березка съ опущенными вѣтвями и завядшими листьями, тонкою струею встанетъ вдали синій дымокъ, какъ свидѣтельство одинокой людской жизни, гдѣ-то теплящейся въ безлюдной степи,—и опять вправо и влѣво, куда только глянетъ глазъ, горячее синее небо, раскаленная земля, безконечный ковыль, безконечныя могилы... Вотъ, какъ ураганъ, пронеслось по степи стадо въ нѣсколько тысячъ полудикихъ коней. Съ дикимъ ржаніемъ, съ раздувающимися ноздрями и развѣвающимися гривами бѣшено мчатся они къ своему водопою, и степь дрожитъ подъ ногами ихъ. Исчезли изъ виду кони, — тихо и пусто въ степи, только земля еще гудитъ, да узкая полоса поднятой пыли далеко тянется и долго стоитъ въ неподвижномъ воздухѣ. Вотъ показалось между могилами сонная фигура качинца. Опустивши голову на грудь, онъ медленно покачивается въ сѣдлѣ и тянетъ свою безконечную, тихую какъ журчанье горнаго ручья пѣсню. Онъ въѣхалъ на бугоръ: узкіе сонные глаза его раскрываются и лѣниво смотрятъ въ раскаленную степь; голова съ черными, какъ уголь, и жесткими, какъ конская грива, волосами запрокидывается назадъ и дикіе, какъ ржанье степного коня, звуки вырываются изъ горла, странно гремятъ и далеко разносятся по степи, снова опускается голова на грудь, рѣзко обрывается и падаетъ голосъ и снова, какъ журчащій ручей, тихо льется заунывная пѣсня. Еще разъ мель-

*) Кропоткинъ. Орографическій очеркъ Минус. и Краснояр. окр. Енис. губ. Записки Им. Геог. Общ., по общей географіи, т. V, Спб. 1875 г.

кнула изъ за могилъ темная голова, долетѣлъ издалека послѣдній звукъ пѣсни, и опять степь пуста и тиха, только саянскій стрѣлъ медленно плаваетъ въ синей выси безоблачнаго неба, да Енисей глухо плещетъ сонной волной“...¹⁾

Уже богатство золотомъ говоритъ за то, что Алатау составленъ изъ древнихъ породъ. И, дѣйствительно, главную массу его составляютъ массивныя породы и кристаллическіе сланцы, частью сильно метаморфизованные и прорѣзанные кварцевыми жилами. Эти образованія дали начало массамъ золотоносныхъ россыпей въ долинныхъ отложеніяхъ новѣйшаго послѣтретичнаго происхожденія.

Для сѣверо-западной части Алатау, именно для района орошаемаго Кіей, притоками Яи и правыми притоками Томи, Реутовскимъ и Зайцевымъ составлена геологическая карта. Изъ нея мы видимъ, что гребень хребта составленъ изъ массивныхъ породъ. Отъ вершинъ Кіи къ сѣверо-западу тянется поясъ гранитныхъ породъ, шириною около 60 верстъ, параллельно общему направленію горъ и рѣки Томи. Онъ занимаетъ въ своей юго-восточной части пространство отъ горъ Церковной и Зеленой и до вершинъ Урюпа, а въ сѣверо-западной—отъ теченія Золотого Китата до горы Черничной. Только по теченію р. Кіи гранитный поясъ разбивается на двѣ половины известняками и діоритами, да еще отъ устья Кундустуюла къ устьямъ Б. Кожуха тянется узкая полоска осадочныхъ образованій девонскаго возраста. Параллельно гранитному поясу съ обѣихъ сторонъ тянутся діориты, составляющіе главную породу по р. Урюпу и образующіе узкую полосу съ юго-западнаго склона (отъ 5 до 20 и болѣе верстъ), все время сопровождающую гранитный поясъ. Наиболѣе сильно развиты діориты въ вершинахъ Терсей и по нижнему теченію Золотого Китата. Еще ближе къ теченію Томи начинается полоса осадочныхъ породъ, все болѣе молодыхъ, по мѣрѣ приближенія къ р. Томи. Такъ за девонской системой слѣдуетъ нижній отдѣлъ каменно-угольный, потомъ верхній. Только хребетъ Салтымаковскій между Тайдономъ и Нижней Терсюю и горы Кайлотскія между Нижней и Средней Терсюю состоятъ изъ зеленокаменныхъ породъ. А между теченіями Барзаса и Томи смѣна формацій измѣняетъ свое параллельное Томи направленіе и идетъ наперерѣзъ рѣкѣ. Какъ гранитныя, такъ и діоритовыя породы въ этой области сильно метаморфизованы и часто смѣняють другъ друга и эта область дислокацій и связанныхъ съ ними измѣненій внутренняго строенія породъ и есть область золотоносныхъ отложеній. Вообще, золото надо искать въ области гранитныхъ и

¹⁾ Елпатьевскій. Очерки Сибири. Абаканская степь, стр. 292—204.

діоритовыхъ породъ и чѣмъ болѣе сильныя пертурбаціи вслѣдствіе тектоническихъ и эрозіонныхъ процессовъ претерпѣла мѣстность, чѣмъ сильнѣе метаморфизованы породы, чѣмъ чаще ихъ смѣна одною другою,—тѣмъ болѣе шансовъ найти золото. Вершины наиболѣе золотоносныхъ рѣчекъ Кійской системы Чирковой, Бирикуля, Кійскаго Шалтыря, Кундустуюла, по наблюденіямъ Реутовскаго, находятся или на самомъ сноау гранитныхъ и метаморфическихъ породъ, или вблизи этого сноа и при томъ именно тамъ, гдѣ въ вершинахъ можно наблюдать наибольшее повышеніе прилегающихъ къ долинамъ возвышенностей и пересѣченіе этихъ послѣднихъ другими менѣе значительными грядами горъ.

Только въ сѣверной оконечности Алатау по системамъ притоковъ Яи—Барзасу и Золотому Китату, розсыпи которыхъ залегаютъ частью среди осадочныхъ породъ девонскаго и каменноугольнаго возрастовъ, источникомъ золота является конгломераты, которые для этой мѣстности и являются такой-же благонадежной породой для отысканія золота, какъ кварцъ для другихъ. Но положеніе этихъ золотоносныхъ конгломератовъ еще не наблюдалось. *)

Рѣки, бѣгущія изъ области кристаллическихъ породъ въ область осадочныхъ, золотоносны только тамъ, гдѣ онѣ бѣгутъ среди первой области или вблизи ея. Таковы Тайдонъ, Терси и Уса, имѣющія золотые прииски только въ своихъ верхнихъ теченіяхъ. Но въ области осадочныхъ отложеній вмѣсто золота горы даютъ человѣку другое богатство: каменный уголь. Юго-западный склонъ Алатау и сѣв.-вост. Салаирскаго кряжа и залегающая между ними впадина представляютъ богатѣйшее мѣсторожденіе каменнаго угля, извѣстное подъ именемъ Кузнецкаго каменноугольнаго бассейна. Этотъ бассейнъ между Салаирскимъ кряжемъ и Кузнец. Алатау занимаетъ около 20000 кв. в. Мѣсторожденія угля обнаружены какъ по самой Томи, такъ и по ея притокамъ Усѣ, Мрассѣ, Кондомѣ и другимъ. Этотъ уголь долженъ сослужить большую службу, когда будутъ разрабатываться извѣстные уже, но неразрабатываемые или заброшенные желѣзные, серебряные и другіе рудники.

Къ сѣверу отъ Алатау разстилается равнина, на которой Алатаусскіе потоки теряютъ свой горный характеръ и, соединившись, превращаются въ спокойныя, извилистыя рѣки. Геологическое строеніе равнины отличается однообразіемъ; напластованія, состоящія изъ песковъ, песчаниковъ, конгломератовъ, глины, принадлежатъ современности (рѣчныя и озерно-болотныя, торфяныя отложенія) или третичному и послѣтретичному возрасту; болѣе

*) Реутовскій. Золотонос. районъ Том. горн. округа.

молодые образования залегают въ долинахъ, болѣе древнія образуютъ верхнюю террасу. Изъ полезныхъ ископаемыхъ здѣсь на самой оконечности Алатау найденъ каменный уголь высокаго достоинства, близъ станціи жел. дороги Судженки и недалеко отъ нея у с. Лебедянскаго. Южнѣе въ системѣ Барраса (рч. Правая Конюхта) найдено другое мѣсторожденіе каменнаго угля, являющееся, по мнѣнію проф. Зайцева, сѣвернымъ продолженіемъ угленосныхъ отложеній Кузнецкаго бассейна, съ которымъ, быть можетъ, стоитъ въ связи и указанная ранѣе область распространенія угленосной толщи къ сѣверу отъ линіи¹⁾

Относительно геологической исторіи сѣверной части Алатау и прилегающей къ нему равнины проф. Зайцевъ рисуетъ такую картину:

„Около середины Палеозойской эры (въ концѣ девонскаго и въ началѣ каменноугольнаго періода) значительная площадь изслѣдованной области²⁾ покрыта моремъ, оставившимъ по себѣ слѣды въ видѣ отложеній съ остатками тогдашней морской фауны. Въ болѣе или менѣе обособленныхъ озерныхъ и болотныхъ водоемахъ существовавшей уже въ каменноугольный періодъ суши образуются угленосныя отложенія, каковыя условія повторяются, вѣроятно, и въ болѣе новый (юрскій) періодъ для пластовъ, содержащихъ залежи бураго угля“

„Отсюда перерывъ въ отложеніяхъ до третичнаго періода, когда мы застали мѣстность, лежащую къ сѣверу отъ области распространенія палеозойскихъ образований, покрытую обширнымъ прѣсноводнымъ бассейномъ. Къ этому времени южная часть района (площадь занятая палеозойскими осадками и кристаллическими породами) представляется уже сушею, на существованіе которой въ сѣверной части района, рядомъ съ упомянутымъ бассейномъ, указываютъ остатки разнообразной наземной флоры того времени, сохранившіеся въ третичныхъ пластахъ по Чулыму (около дер. Симановой, верст. въ 50 ниже Ачинска“).

Въ слѣдующую затѣмъ послѣтретичную эпоху устанавливаются условія еще болѣе близкія къ современнымъ, а вліяніе такихъ факторовъ, какъ вода, воздухъ и др., на слѣвавшуюся уже давно ареною ихъ разрушительнаго дѣйствія сушу (область развитія кристаллическихъ породъ) ведетъ къ значительному измѣненію рельефа этой области и къ образованію на счетъ разрушенія золотосодержащихъ жилъ и окружающихъ ихъ породъ золотосодержащихъ россыпей.

М. Самохваловъ.

(До слѣдующей книжки).

¹⁾ Научные очерки Томск. края. Томскъ 98 г. Статя Зайцева Томск. губ. въ районѣ жел. дороги, стр. 9

²⁾ Системы Кіи, Яи съ притоками, какъ въ нагорной, такъ и равнинной части.

³⁾ Научн. очерки.

СМѢСЬ.

Къ введенію казенной продажи питей.

Питейная реформа, введенная въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ во всѣхъ почти губерніяхъ Европейской Россіи, съ 1 іюня будущаго года вводится въ Западной Сибири, а еще черезъ два года—въ Восточной. Поэтому считаемъ своевременнымъ познакомить читателей съ исторіей взиманія питейныхъ сборовъ въ Россіи, вообще, и въ Сибири въ частности, а также съ финансовыми и экономическими результатами винной монополіи въ губерніяхъ, гдѣ она дѣйствуетъ на основаніи данныхъ, собранныхъ главнымъ управленіемъ неокладныхъ сборовъ („Казенная продажа вина“), редакціей „Биржевыхъ Вѣдомостей“ („Казенная продажа питей и общественное мнѣніе“), а также нѣкоторыхъ журнальных статей и газетныхъ сообщеній.

Искусство добыванія опьяняющихъ напитковъ извѣстно было еще во времена глубокой древности, какъ это видно изъ письменныхъ памятниковъ Египта и Китая. Ни одинъ народъ съ самаго сотворенія міра по сіе время не обходится подолгу безъ алкоголя или его суррогатовъ (гашишъ, опій, табакъ, мухоморъ и пр.). Потребленіе спиртныхъ напитковъ началось еще съ временъ доисторическихъ. Объ нихъ говорится и въ Одиссеѣ, и въ Иліадѣ, и въ Библии, а китайцы гнали водку изъ риса еще чуть не за три тысячи лѣтъ до нашего лѣтосчисленія. Алкоголь потребляли и греки при осажденіи Трои и изнѣженные римляне во времена республики и имперіи, и суровые норманны, и воздержные христіане первыхъ вѣковъ христіанства, и переселенцы въ Америку; словомъ, всѣ соціальныя группы, какимъ бы строгимъ, стойческимъ отношеніемъ къ жизни онѣ ни отличались. Въ Россіи потребленіе спиртныхъ напитковъ было распространено съ незапамятныхъ временъ и при томъ въ размѣрахъ не меньшихъ, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Богатырскій эпосъ и лѣтописныя сказанія о князѣ Владимірѣ свидѣтельствуютъ, что древняя, доисторическая Русь любила веселье, сопровождаемое спиртными напитками, изъ которыхъ главными были медъ и пиво и изрѣдка виноградное („зелено“) вино. Но въ древнихъ памятникахъ не сохранилось указаній на массовое пьянство и не было жалобъ на него, какъ на соціальное зло. Лишь съ того времени, когда сдѣлалась извѣстна въ Россіи выдѣлка спирта изъ хлѣба путемъ перегонки, начинаются жалобы на пьянство, какъ на порокъ, распространенный во всѣхъ слояхъ населенія Московскаго государства,—порокъ, ведущій за собой не только моральныя послѣдствія, но и нравственный упадокъ и хозяйственное разстройство болѣе или менѣе значительныхъ группъ населенія.

Почти одновременно съ этимъ хлѣбный спиртъ дѣлается предметомъ казеннаго обложенія.

Первымъ законодательнымъ актомъ, въ которомъ дѣлается попытка къ введенію болѣе или менѣе полной регламентаціи питейнаго дохода, является уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 года. Начиная съ этого времени, исторія питейнаго налога переживаетъ слѣдующіе періоды: 1) Съ 1649 по 1795—періодъ казенной продажи съ постепенной замѣной ея акцизной системой, 2) съ 1795 по 1819—періодъ господства откупной системы, 3) съ 1819 по 1827 г.—періодъ исключительно казенной продажи вина, 4) съ 1827 по 1863 г. періодъ полного господства и развитія откупной системы, 5) съ 1863 по 1894 г. — періодъ акцизной системы и 6) съ 1895 г. по настоящее время — періодъ постепеннаго распространенія системы казенной продажи вина. Эти формы взиманія питейнаго налога относятся, главнымъ образомъ, къ областямъ бывшаго Московскаго государства. За предѣлами же ихъ можно встрѣтить самыя разнообразныя формы извлеченія питейнаго дохода, смотря по тому, въ какой моментъ своей исторической жизни была присоединена та или другая область и въ какомъ видѣ это присоединеніе застало взиманіе питейнаго налога.

Сибирь, покоренная въ 1581 году, постепенно заселялась выходцами, главнымъ образомъ, великороссійскаго племени. Сѣверныя инородческія племена, незнакомыя съ употребленіемъ алкоголя, не имѣли никакого историческаго значенія и, слѣдовательно, не могли оказать вліяніе на установленіе тѣхъ или другихъ формъ обложенія питейнымъ налогомъ. Южныя монгольскія племена, хотя и имѣли съ достаточной прочностью сложившійся гражданскій строй, но какъ у большинства магометанскихъ народовъ онъ носилъ на себѣ теократическія черты и потому не могъ выдержать борьбы съ европейскими формами жизни. Кромѣ того, потребленіе вина, запрещенное кораномъ, не могло получить въ средѣ монгольскаго племени большаго распространенія. Естественно, что, не встрѣтивъ на всемъ огромномъ протяженіи Сибири отъ Урала до Восточнаго океана ни законодательства, ни даже обычевъ, относящихся къ взиманію питейнаго сбора, русскіе цѣликомъ перенесли сюда и самое потребленіе вина и способы его обложенія. Здѣсь кстати отмѣтить, что историческія, а отчасти и мѣстныя условія оказали въ Сибири значительное вліяніе на характеръ потребленія вина.

Сибирь, какъ извѣстно, была покорена поволжской вольницей, слѣдомъ за которой потянулись такіе-же люди, т. е. всякаго рода бѣглецы, раскольники, искатели приключеній и т. п., которые, благодаря отсутствію школъ и церквей, а также суровымъ, требовавшимъ энергичной борьбы, условіямъ жизни, быстро ог-

рубѣли въ низьменныхъ привычкахъ и позабыли и тѣ шаткіе нравственные устои, которые руководили ими на далекой родинѣ. Съ теченіемъ времени—съ возникновеніемъ штрафной колонизаціи—сюда стеклись подонки всѣхъ слоевъ общества; крѣпостного права здѣсь никогда не было; государственная власть никогда не задавалась цѣлью оказывать вліяніе на нравы населенія и ограничивала свою дѣятельность заботами лишь объ административномъ устройствѣ и дальнѣйшей колонизаціи края. Ко всему этому надо прибавить, что, не смотря на тяжелыя условія жизни благодаря суровости края, природа щедро оплачивала всякій трудъ, какъ промышленный, такъ и земледѣльческій, и требовала отъ человѣка только смѣлости и инициативы. Всѣ эти обстоятельства выработали у сибиряка особый типъ, въ которомъ отличительной чертой являлась склонность къ потребленію спиртныхъ напитковъ. Цифровыя данныя вполне подтверждаютъ это положеніе, и Сибирь, за исключеніемъ, конечно, мѣстностей, населенныхъ исключительно магометанами, до настоящаго времени занимаетъ первое въ Россіи мѣсто какъ по размѣрамъ душевого потребленія вина, доходящаго мѣстами до 1 ведра въ годъ на человѣка, такъ и по процентному отношенію числа пьющихъ къ числу непьющихъ.

Первоначально питейный доходъ въ Сибири эксплуатировался путемъ непосредственной продажи вина изъ казенныхъ питейныхъ заведеній, каковой порядокъ существовалъ до 1767 года. Убѣжденіе въ возможности увеличить питейный доходъ побудило императрицу Екатерину ввести откупа, при чемъ сдѣлана была попытка къ облагороженію званія откупщика путемъ переименованія „кабаковъ“ въ „питейные дома“, предоставленія имъ права носить шпаги и наименованія ихъ „коронными повѣренными служителями“. Заготовка вина лежала на обязанности казны, а цѣна ему назначена отъ 2 р. 54 к. до 2 р. 64 к. за ведро. По всей Сибири откупная система существовала до 1783 г., съ этого же времени въ губерніяхъ Тобольской и Томской откупъ существовалъ постоянно, а въ Иркутской, вслѣдствіе отсутствія желающихъ взяться за откупъ, опять была введена казенная продажа вина, что продолжалось до 1799 г., съ котораго по 1807 г. часть этой губерніи была вновь отдана на откупъ. Съ 1807 по 1811 г. здѣсь существовало особое устройство питейнаго налога, такъ называемое, „сидѣльческое право“, сущность котораго очень близко подходитъ къ откупной системѣ. Съ 1811 года Иркутская губернія сдана на откупъ на тѣхъ-же приблизительно основаніяхъ, на которыхъ онъ существовалъ во всѣхъ остальныхъ сибирскихъ губерніяхъ. Въ скоромъ времени по введеніи откупной системы начались разнаго рода злоупотребленія и доходъ отъ винной регаліи значительно понизился.

Главная причина этому заключалась въ томъ, что откупщики, платя откупную сумму сверхъ заготовительной стоимости вина и продавая его по той-же цѣнѣ, что и казна, въ собственныхъ заведеніяхъ, естественно, терпѣли убытки и во избѣжаніе ихъ принуждены были прибѣгать къ разнымъ обходамъ закона, какъ, напримѣръ, къ тайной продажѣ водки. Когда откупщикамъ даны были вслѣдствіе этого значительныя льготы и привилегіи, злоупотребленія не уменьшились, какъ этого ожидало правительство, а увеличились; въ народѣ развилось страшное пьянство и возникли повсемѣстныя жалобы на всевозможныя нарушенія откупщиками частныхъ правъ, выражавшіяся въ открытіи кабаковъ повсемѣстно вопреки желанію жителей: самые кабаки стали притонами для бродягъ и „людей бездомовныхъ“, въ нихъ происходили сборища, неприличныя забавы и азартныя игры. Все это повело къ тому, что въ великороссійскихъ губерніяхъ съ 1819 года введена была исключительно казенная продажа вина, но въ Сибири осталась откупная система. Причинами этого были мѣстныя условія Сибири, требовавшія, по мнѣнію графа Гурьева, тогдашняго министра финансовъ, „особенныхъ установленій“, а также то обстоятельство, что въ Сибири почти не было частныхъ винокуренныхъ заводовъ, а все продажное вино было дѣйствительно казеннымъ. Однако, „особенныхъ установленій“ не послѣдовало, вѣроятно, въ виду того, что и въ Россіи монополія просуществовала недолго, только до 1827 г. Питейный доходъ медленно, но вѣрно началъ падать, появились злоупотребленія въ средѣ служащихъ питейной администраціи, уменьшился вслѣдствіе сокращенія потребленія вина спросъ хлѣба на винокурение, и правительство рѣшило вновь перейти къ откупной системѣ, которая и была введена съ значительными измѣненіями противъ порядковъ, практиковавшихся прежде. Сущность этихъ измѣненій заключалась, главнымъ образомъ, въ разрѣшеніи откупщикамъ покупать изъ частныхъ рукъ вино сверхъ установленнаго правительствомъ minimum'a, въ усиленіи наказаній за корчемство, предоставленіи окупщикамъ права содержать собственную корчемную стражу и въ разрѣшеніи открывать ведерныя и штофныя лавки въ количествѣ, не превышающемъ число питейныхъ заведеній. Словомъ, откупщикамъ предоставлены были всѣ права, съ каждымъ годомъ прогрессивно увеличивавшіяся и ведшія за собой такой-же прогрессивный ростъ злоупотребленій какъ со стороны откупщиковъ, такъ и со стороны мѣстной администраціи. Откупщики всѣми средствами и подъ всевозможными предлогами увеличивали число питейныхъ заведеній, снабжая ихъ разнообразными средствами для привлеченія посѣтителей, не исключая даже каморокъ, въ которыхъ посѣтителі могли найти соотвѣтствующихъ женщинъ. Пьянство

возникло даже среди крестьянокъ. Откупщики обложили население особымъ десятикопеечнымъ налогомъ за право варенія домашняго пива и не останавливались ни предъ какими средствами для обмана населенія въ качествѣ и крѣпости водки. Правда, доходъ питейный значительно возросъ. Ростъ этотъ для Сибири, согласно статистическимъ свѣдѣніямъ министерства финансовъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ 1818 году питейный доходъ съ трехъ сибирскихъ губерній равнялся 514 тыс. руб., въ 1823 г.—1037,5 тыс. руб.; въ 1828 г.—814 тыс. руб., въ 1833 г.—868 тыс. руб., въ 1838 г.—1,621,1 тыс. руб., въ 1843 г.—2,286,3 тыс. руб. и, наконецъ, въ послѣдній годъ господства откупной системы, т. е. въ 1846 г.—2 697,5 тыс. руб. Наиболѣе значительный ростъ дохода, а, слѣдовательно, и наиболѣе сильное распространеніе въ народѣ пьянства совпадаетъ съ годами особенно сильнаго увлеченія въ дѣлѣ предоставленія откупщикамъ великихъ и богатыхъ милостей.

Рѣшительнаго и энергичнаго врага откупная система встрѣтила въ министрѣ государственныхъ имуществъ графѣ Киселевѣ, который въ теченіе десяти лѣтъ ратовалъ за уничтоженіе откуповъ и, наконецъ, добился реформы въ 1847 г., когда было введено акцизно-откупное комиссіонерство, сущность котораго состояла въ томъ, что въ откупъ сдавались только акцизные статьи (съ водокъ, лака и политуры, пива, меда, браги, сусла, медоваго кваса, съ портерныхъ лавокъ, медовыхъ погребовъ и трактирныхъ заведеній); вино же, заготовлявшееся казною, продавалось откупщиками по назначенной правительствомъ цѣнѣ и въ опредѣленномъ для каждаго откупа размѣрѣ. Акцизно-откупное комиссіонерство было введено въ Сибири одновременно съ введеніемъ его въ Европейской Россіи съ незначительными измѣненіями: такъ, напримѣръ, плата откупщику за комиссію въ виду обширности разстояній была увеличена съ 10—15%₀, взимавшихся въ Европейской Россіи, до 25%₀, увеличены залого, повышена норма усышки и т. п.

Комиссіонерства не оправдали надеждъ правительства, и съ самаго дня учрежденія ихъ начались злоупотребленія, пошедшія впередъ усиленнымъ ходомъ, и уже въ 1848 году генералъ-губернаторъ восточной Сибири Муравьевъ предложилъ рядъ мѣръ къ устраненію или, по крайней мѣрѣ, къ ограниченію этихъ злоупотребленій. Но включеніе этихъ мѣръ въ откупныя условія повело къ тому, что торги не состоялись, и тогда Муравьевъ представилъ въ министерство финансовъ проектъ, составленный купцомъ Соловьевымъ, учрежденія особаго контрагентства на продажу вина. Проектъ этотъ былъ утвержденъ 24 ноября 1850 г. и состоялъ въ томъ, что контрагентъ, покупая вино обязательно въ казнѣ по 4 р. ведро и производя разсиропку,

очистку и разливъ (подъ наблюденіемъ служащаго питейной администраціи), продавалъ его по заранѣ установленнымъ цѣнамъ; раздробительная торговля допускалась: распивочная—только изъ прежде существовавшихъ заведеній, а выносная—тамъ, гдѣ будетъ дозволено начальствомъ; торговать могли всѣ лица, имѣющія право на торгъ жизненными припасами, и при томъ по вольной цѣнѣ; контрагентъ могъ заниматься розничной продажей наравнѣ съ прочими лицами. Онъ обязанъ былъ выбрать изъ казны не менѣе 500 тысячъ ведеръ; если же выбиралъ сверхъ 650 тыс. ведеръ, то получалъ 50% уступки. Такимъ образомъ, торговля виномъ сдана была за 2 милліона рублей въ годъ. На этихъ началахъ взиманіе питейнаго сбора въ восточной Сибири продолжалось до введенія въ 1863 году акцизной системы.

В. О—ій.

(Продолженіе будетъ).

Сибирскіе отголоски.

(Окончаніе полномочій гласныхъ и предстоящіе выборы. Кое что объ общественныхъ дѣятеляхъ. Маленькій совѣтъ обывателямъ. Осадное положеніе Иркутска. Избіеніе пассажира. Въ погонѣ за занятіями).

На сибирскіе города надвигается маленькое счастье...

Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ оканчивается срокъ полномочій представителей общественнаго управленія и предстоятъ новые выборы. Обстоятельство весьма важное и многоговорящее. Для истинно-просвѣщенныхъ людей Сибири оно пріобрѣтаетъ особое значеніе. Четырехлѣтняя дѣятельность сибирскихъ муниципаловъ прошла у многихъ на глазахъ и каждый, хотя-бы и мысленно, можетъ подвести итоги прошлому и составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, какъ, вообще, суется жизнь и мы измелъчались, или-же, ломая голову, рѣшаютъ совершенную кабаллистическую задачу: *что такое довѣріе?*

Да, въ самомъ дѣлѣ, что такое съ современной точки зрѣнія довѣріе? Съ одной стороны—какъ будто и добродѣтель, съ другой—вещь, которою не всѣ дорожатъ. Самый лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ могли-бы дать многіе сибирскіе гласные. Съ благодушнаго и многотерпѣливаго обывателя они скребли этой „матеріи“ сколько угодно и какъ угодно, а потому имъ и книги въ руки.

Обыватель, правда, ежился, морщился, но выдерживалъ, и отъ удивленія не лопался...

Намъ кажется, что злая судьба внесла въ сибирскую дѣйствительность нѣкоторое недоразумѣніе: все дѣло въ томъ, что сибирскіе муниципалы втихомолочку объѣлись обывательскимъ довѣріемъ и если не до отвала, то, по крайней мѣрѣ, настолько, что лишились возможности сознавать свою роль и обязанность въ вихрѣ житейскихъ движеній. Странное обстоятельство и чрезвычайное открытіе.

До сихъ поръ люди ѣли только одинъ другого, наступали на ноги, когда ихъ пускали подъ столъ; клали ноги на столъ, садились и вѣшали на шею, подставляли ножку и т. д. Все это даже уже получило право гражданства и составляетъ „хорошій тонъ“ общественныхъ этикетовъ. Теперь-же прибавилась и еще одна свѣтская манера: *нѣтъ довѣрія!*

Сибирскіе муниципалы, очевидно, оказались въ авангардѣ цивилизаціи и культуры. Первыми крупными піонерами насажденія на далекой окраинѣ этого „тепличнаго цвѣточка“ цивилизаціи—явились они.

Честь и слава!

Правда, отъ этой „свѣтской манеры“ происходятъ пока нежелательные столкновенія интересовъ, но не слѣдуетъ забывать, что всякое нововведеніе обречено на такую участь и этимъ только и слѣдуетъ объяснять себѣ всѣ несогласія между жизнью и дѣйствительностью...

Таковъ, вообще, общій законъ прогресса..

Нельзя сказать, чтобы сибирскій обыватель не сживался-бы со всякими новшествами и разными умопомрачительными явленіями, а потому и „новыя заслуги“ сибирскихъ муниципаловъ въ дѣлѣ насажденія „хорошаго тона“ врядъ-ли встрѣтятъ препятствія...

А этого-то мы всего болѣе боимся. Зачѣмъ намъ этотъ лишній привѣсокъ къ нашимъ интересамъ. По крайней мѣрѣ, пока „хорошій тонъ“ намъ ничего хорошаго не далъ. Сейчасъ обыватель, оказывая довѣріе своимъ выборнымъ представителямъ, возлагаетъ на нихъ радужныя надежды и уходитъ въ самого себя, выборные представители съѣдаютъ обывательское довѣріе, засыпаютъ на надеждахъ обывателя и возлагаютъ надежду на судьбу... А судьба... судьба законовъ не имѣетъ: коль бритвы нѣтъ, такъ шиломъ брѣть.

Все это, быть можетъ, трогательно, чувствительно и назидательно, не беремся судить, но только нужно сознаться: судьба такъ безцеремонно расцарапала шиломъ городское хозяйство, что теперь и представители, и обыватели лишь рты раскрываютъ. — О-о-о!—удивленно восклицаютъ они и, сдвигая плечи, превращаются въ вопросительные знаки.

Дѣйствительно, есть отчего и кричать, и превращаться въ вопросительный знакъ. Кругомъ какъ посмотрѣть, да посравнить—одна грусть. Но, какъ-бы тамъ ни было, чтобы ни говорили, какъ-бы растрепанное хозяйство ни кололо глаза, все-же таже судьба до нѣкоторой степени и милостива къ намъ...

Наступилъ срокъ расчета.

Есть, стало быть, надежда на лучшее будущее, такъ какъ если обыватель наберется храбрости, выдетъ на общественный форумъ и крикнетъ: „а подать намъ сюда... Халатникова!“, то, чего добраго, и впрямь можетъ случиться небывалая метаморфоза и наши Цицероны, правда, съ другой стороны, могутъ очутиться при пиковомъ интересѣ, лишившись и почета, и довѣрія

Строго говоря, это единственное и вѣрное средство выйти изъ даннаго положенія.

— Довольно, будетъ съ васъ!

Идея самоуправленія—одна изъ наиболѣе жизненныхъ и совершенныхъ формъ къ достиженію общественныхъ благъ и относиться безразлично къ такому, можно сказать, святому дѣлу, ни больше, ни меньше, какъ насмѣшка надъ самимъ собою. Что имѣютъ и что могли-бы имѣть сибирскіе города, если-бы не косность и близорукость общественныхъ дѣятелей, призванныхъ пешихъ объ общественномъ благѣ, извѣстно даже и за предѣлами нашей обширной территоріи. На этомъ вопросѣ нѣтъ надобности останавливаться.

Да и къ чему перевертывать и перетрушивать все то, что давно уже на фонѣ сибирской дѣйствительности обрисовалось чернымъ пятномъ и служить яркимъ укоромъ нашей недальновидности. Прожито и пережито, какъ извѣстно, много, а сдѣлано... сдѣлано—почти ничего. Капитальные вопросы жизни—какъ прежде, такъ и теперь, взывая о себѣ, жмутъ и давятъ обывательскіе интересы и—только. Обыватель стонетъ, ропщетъ, выборные дѣятели собираютъ свои мысли, а капитальные вопросы бьютъ и тѣхъ, и другихъ.

Никакой пощады!

И обыватель за умственное убожество своихъ представителей расплачивается дорогою монетою: здоровьемъ и карманомъ. Другими словами говоря, за свою кроткость и смиреніе платитъ въ двойномъ размѣрѣ дань... глупости.

Впрочемъ, все это—такъ и должно быть.

Если вы ближе подойдете къ сибирскимъ муниципаламъ, внимательно присмотритесь къ нимъ и постараетесь отгадать ихъ мысли, то во-очію убѣдитесь, что добрая половина ихъ ни то, ни се. Такъ только живые манекены, отирыски ходульности, пустоты, хотя брюзжать и фыркаютъ...

А при такихъ условіяхъ вращать, двигать и направлять муниципальное колесо весьма трудно. Нужна поэтому маленькая .. вентиляция! Надо немножко — „а-а-асвѣжить“, чтобы польза была.

Иначе мы снова будемъ свидѣтелями разныхъ курьезовъ и юмористическихъ пассажей въ родѣ ловли гласныхъ за фалды на улицахъ и собраніяхъ съ цѣлью заманить и затащить на засѣданіе, или организаціи такихъ таинственныхъ комиссій, какъ „комиссія по благоустройству города“. Такая комиссія существуетъ въ одномъ сибирскомъ городѣ и замѣчательна тѣмъ, что и сами члены комиссіи не знаютъ, для чего собственно организована эта удивительная комиссія.

Обстоятельство восхитительное!

Это перлъ благихъ порывовъ.

Въ другомъ городѣ, затерявшемся на обширныхъ пространствахъ края, произошелъ, на примѣръ, пассажъ не менѣе пикантный и соблазнительный. Гласный превзошелъ самого себя и предложилъ упразднить пожарный обозъ и закрыть школы.

Придумано ловко и также восхитительно. Гласные первоначально шарахнулись въ стороны; но, затѣмъ, пришли въ себя и принялись обсуждать предложеніе.

Даже обсуждали!!!

Это — чортъ знаетъ какъ великолѣпно. Отъ зависти можно было-бы расцѣловать инициатора идеи и сказать:

— Умри, больше ничего не придумаешь!

Любопытную картинку царящихъ порядковъ въ области общественныхъ самоуправленій даютъ и послѣднія событія Енисейской думы. Ревизіонная комиссія нашла въ отчетѣ городской управы массу недостатковъ, какъ въ книгахъ, такъ и, вообще, въ сферѣ хозяйственной дѣятельности управы. Относительно-же городского ломбарда, комиссія, считая себя уничтоженною видѣннымъ, ничего не могла сказать, какъ только воскликнуть:

— Хаосъ!

Опредѣленіе ясное и, можно сказать, идеальное. Не нужно ни комментарій, ни аргументовъ, ни клятвенныхъ увѣреній. Да, есть надъ чѣмъ призадуматься.

— Масса недостатковъ и хаосъ!

Намъ остается изъ „благоговѣнія“ къ такой поразительной картинкѣ, вѣрнѣе, житейской комбинаціи, только молчать. Нельзя говорить тогда, когда нужно оказать высокое вниманіе и уваженіе къ событіямъ. Почтенный Иванъ Александровичъ Хлестковъ, если-бы попалъ въ Енисейскъ, съ гордостью произнесъ-бы:

— Господа, я вашъ!

И при этомъ облилъ-бы слезами радости городскую почву. Какъ видите, читатель, жизнь щедра на сюрпризы и не поду-

майте, что этими двумя—тремя комическими фактами исчерпывается «литература и сказанія» о благодѣтеляхъ, называемыхъ въ общежитіи, „отцами города“. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. На эту тему можно говорить едвали не бесконечно, нисколько не повторяясь. Но это насъ мало интересуеетъ. Мы твердо вѣримъ, что до тѣхъ поръ, пока, въ высшей степени цѣнная и симпатичная идея самоуправленія, не будетъ обставлена другими условіями, мы не выберемся изъ лабиранта курьезовъ и разныхъ раритетовъ.

Однако, „доки солнце взыйде, роса очи выѣстъ“...

И потому обывателямъ слѣдуетъ широко воспользоваться благопріятствующими обстоятельствами настоящаго. Теперь, какъ извѣстно, приблизилось время новыхъ выборовъ. Надо надъ этимъ подумать, чтобы, опуская шаръ въ урну, не чесать потомъ до боли затылка и не расплачиваться слишкомъ дорого.

Такъ то, господа обыватели!

Но довольно объ этомъ—перенесемся въ Иркутскъ въ столицу восточной Сибири. Плохо, совсѣмъ плохо пишутъ отсюда.

Обыватель въ осадномъ положеніи.

Злобой дня у насъ, сообщаетъ корреспондентъ „Енисея“, безъ сомнѣнія, теперь служатъ убійства, грабежи и поджоги. Населеніе положительно терроризовано подвигами рыцарей ночи. Передаютъ за фактъ, что почти во всѣхъ магазинахъ безъ остатка распроданы всѣ револьверы, которые, обыкновенно, очень туго расходятся. Дѣйствительно, невольно подумаешь объ оборонѣ, хотя-бы и въ видѣ револьвера, если услышишь о всѣхъ этихъ убійствахъ и грабежахъ.

„Сиб. Жизнь“ описываетъ это прискорбное явленіе болѣе густыми красками. „Намъ пишутъ, заявляетъ газета, что Иркутскъ за послѣднее время переживаетъ нѣчто небывалое. Ночью выходятъ на улицу только очень смѣлые люди, да и то хорошо вооруженные. Причина—почти ежедневные грабежи и убійства, а также и поджоги. По утрамъ на улицахъ Иркутска поднимается иногда по нѣсколько труповъ, или тяжело раненныхъ и ограбленныхъ людей. Такъ за одну недѣлю на иркутскихъ улицахъ было поднято 11 труповъ“.

Совсѣмъ сказочныя событія.

Только.. трупы, трупы...

Это совсѣмъ скверно!

Тутъ мы думаемъ происходить смѣшеніе понятій: обыватель, вѣроятно, въ простотѣ своей душевной полагаетъ, что его должна охранять полиція, а послѣдняя—наоборотъ. Такіе „гиперболы“ бываютъ и довольно часто, въ особенности тамъ, гдѣ львиная доля обязанностей возложена на судьбу. По нашему мнѣнію, чтобы выйти изъ такого небывало—затруднительнаго

положенія, всего лучше было-бы, если-бы иркутяне организовали изъ своей среды нѣчто въ родѣ охранной стражи.

Рыцари индустріи мгновенно испарились-бы. А полиція? Очень возможно, что обязанность полиціи, по мѣстнымъ понятіямъ, исчерпывается сложнымъ и тяжелымъ дѣломъ: трупы поднимать.

Что-жъ—и это дѣло...

А въ общемъ довольно грустная исторія. Не менѣе грустную исторію, но въ другомъ „жанрѣ“ повѣствуетъ и „Вост. Об.“. На станцію „Никольскъ“ Уссурийской ж. д. прибылъ пассажиръ, который былъ не особенно трезвъ. Когда онъ явился въ залъ и сѣлъ на скамейку, носильщикъ, принесшій ему вещи, почему-то сказалъ, чтобы онъ не сходилъ съ своего мѣста.

— Развѣ я арестованъ?—воскликнулъ довольно рѣзко подвыпившій пассажиръ и дабавилъ нѣсколькихъ „трехъэтажныхъ“ словъ. Какъ разъ въ этотъ моментъ входитъ въ залъ станціонный блюдитель порядка, схватываетъ злополучнаго пассажира за воротъ, тащитъ его въ сосѣдную комнату и... бьетъ!!! По крайней мѣрѣ, оттуда слышны были сперва удары, крикъ, а затѣмъ—звукъ отъ паденья на полъ человѣческаго тѣла. Черезъ нѣсколько минутъ тотъ-же пассажиръ, оставленный, очевидно, «блюстителемъ», входитъ въ залъ со связанными руками и обращается къ присутствующимъ съ мольбой о защитѣ. Ретивый блюститель снова появляется въ залъ и, не стѣсняясь, передъ присутствующей тутъ-же публикой, наноситъ пассажиру такой ударъ по лицу, что тотъ съ окровавленной физиономіей падаетъ на полъ.

Что было дальше—неизвѣстно, но, думается, достаточно и этого, чтобы составить себѣ понятіе о нравахъ, царящихъ на уссурийской ж. д.

Тутъ все отъ начала до конца трогательно и поэтично. Прозой вѣетъ лишь отъ дѣяній пассажира. Слабъ ногами. Къ нему прикоснулись, а онъ—ужъ и падать...

Насъ это особенно возмущаетъ.

И тѣмъ болѣе,—такъ какъ заявленія, пассажира, что онъ ни въ чемъ не виновенъ, должны быть признаны голословными. Мы понимаемъ, изъ за чего сыръ-боръ возгорѣлся. Прежде всего, должно быть, физиономія пассажира не понравилась физиономіи ретиваго блюстителя порядка. А этого было достаточно, чтобы возмутить стражника. Нужно всегда имѣть приличную физиономію, чтобы, вообще, никого не раздражать. Затѣмъ—пассажиръ подвыпилъ и вообразилъ себѣ, что онъ... человѣкъ.

Экая, прости Господи, простота!

Наши желѣзныя дороги такого права за пассажирами не признаютъ. Это—старая, избитая истина. Когда вы садитесь въ вагонъ, вы сохраняете за собой право только дышать, а болѣе

ни-ни. Поэтому-то и не слѣдуетъ выходить за предѣлы дозволеннаго. Ну-съ, а разъ переступилъ, то и... получай по заслугамъ...

Законъ и право на практикѣ въ большинствѣ случаевъ пріобрѣтаютъ другое значеніе. Законъ — это „я“, право — „галиматья“. Съ такой точки зрѣнія, очевидно, смотритъ на жизнь станціонный блюститель порядка. А, можетъ быть, кровавый пассажъ между пассажиромъ и блюстителемъ, такъ сказать, просто стихійное приключеніе. Согласимся—но только, простите за искренность, какъ оно возмутительно

Отъ этой грустной исторіи перейдемъ къ другимъ мѣстнымъ событіямъ. Въ одной газетѣ мы прочитали маленькую, но вызывающую на серьезныя размышленія, замѣтку. Изъ Читы сообщаютъ, что весь выпускъ нынѣшняго года гимназистокъ, за исключеніемъ одной, отправился на высшіе курсы.

Изъ Читы—въ Петербургъ.

Дистанція, какъ видите, огромнаго размѣра, парадирую Скопозуба, скажемъ мы. Впрочемъ, жажда знаній и стремленія къ свѣту могутъ унести и дальше. Боимся только, чтобы эта трудная экскурсія, сопряженная съ лишеніями и огорченіями, не оказалась-бы тщетной. Дѣло въ томъ, что желающихъ слишкомъ много, а потому не всякую можетъ пріютить храмъ науки. Тамъ въ метрополіи съ этимъ вопросомъ ближе знакомы и, между прочимъ, уже извѣстно, что трудно, весьма трудно переступить порогъ высшей школы. Въ виду этого часть отправляется за границу, а часть записывается въ кандидатки и трепетно ждетъ очереди.

Положеніе незавидное.

У себя дома некуда дѣваться. И приходится странствовать по бѣлу свѣту, чтобы усладить горечь неудовлетворенныхъ желаній.

Женщина, говорятъ, управляетъ міромъ, но она падчерица судьбы. Съ нея все еще не сняты вериги „человѣческихъ заблужденій“.

Право—свобода жить!

Женщина-же лишена этого права. Какая грубая условность! Безспорно, можно утверждать, что настанетъ такое время, когда между мужчиною и женщиною не будетъ той пропасти, которая зіяетъ теперь.

Всѣ будутъ равны...

А пока—пока женщины остаются лишь ждать счастливой поры.

Не знаемъ, какая участь постигла читинскихъ гимназистокъ, рѣшившихся бѣжать за знаніями, но думаемъ, что тамъ на берегахъ Невы ихъ съ распростертыми объятіями ожидало разочарованіе.

И... больше ничего.

Справедливость требует сказать, что Сибирь находится, выражаясь фигурально, на особомъ положеніи. Обширный край только сейчасъ проснулся, пошевелился и обнаружилъ многое. Онъ зоветъ къ себѣ просвѣщенныхъ людей--людей, вооруженныхъ спеціальными знаніями, которые бы своимъ магическимъ ключемъ раскрыли-бы его богатства, а съ другой стороны--разсѣяли-бы невѣжество и мракъ... Краю нужны знанія!

И нигдѣ такъ усердно не вопіетъ о себѣ эта нужда, какъ въ Сибири. Отчего-бы въ такомъ случаѣ не раскрыть широко двери сибирскаго университета и не дать доступа сюда женщинамъ?..

Такое исключеніе, въ виду исключительнаго положенія края, давно-бы слѣдовало сдѣлать. Женщина-врачъ въ Сибири, гдѣ чувствуется медицинская безпомощность населенія, принесла-бы несомнѣнную пользу...

Гвидонъ.

Театры въ Сибири.

I.

Въ г. Тюмени, Тобольской губ.

Драматическая труппа Е. В. Любова, игравшая въ Тюмени въ театрѣ-циркѣ общества попеченія объ учащихъ съ 10 іюня по 10 сентября текущаго 1901 года, закончила сезонъ, давши 54 спектакля, и выѣхала въ Екатеринбургъ. Составъ труппы былъ слѣдующій: мужской персоналъ: *Дорошевичъ*—герой любовникъ и фатъ; *Любовъ*—характерныя роли; *Либаковъ-Ильинскій*—простакъ и комическія роли; *Вейнбергъ*—простакъ и характерныя роли; *Камскій*—комикъ; *Шамардинъ*—резонеръ и драматическій любовникъ; *Борисовъ*—резонеръ; *Богровъ*—2-й комикъ—простакъ; *Соколовскій*—водевильный; *Арнольдъ*, *Поляковъ*, *Мальцевъ*, *Дмитріевъ*—Вольанскій, *Вельгельминовъ* и *Фуксъ*—вторыя роли. Женскій персоналъ: *Токарева*—драматическая героиня и салонная; *Евгеньева*—ingenue драматическая; *Азаревская*—2-я ing. dram.; *Борисова*—комическая старуха; *Селиванова*—характерная старуха; *Хрушева*—водевильная; *Клименко*—ingenue comique и водевильная съ пѣніемъ; *Казанская*, *Лола*, *Петровская* и *Мальцева*—2-ыя роли. Декорація исполненія декоратора-художника *Грекова*. Бутаффорія и реквизитъ собственность антрепренера.

Что касается играныхъ пьесъ, то подборъ ихъ былъ очень разнообразенъ. Шли пьесы серьезныя, какъ „Чужіе“ и „Жизнь“ — Потапенко и „Безправная“ — Владиміровой; новинки минувшаго сезона: „Контрабандисты“, „Рабыни веселья“, „Дама отъ Максима“ и др.; исполнили и безсмертнаго Островскаго, поставивши его „Волки и Овцы“ и „Послѣднюю Жертву“. Подавляющее же большинство выпало на пьесы мало содержательныя, „громкія“, бьющія по нервамъ, какъ „Невинно-осужденный“, „Послѣдняя ночь осужденнаго“, „Торной дорогой къ эшафоту“, „На вѣчную каторгу“, „12 лѣтняя каторга“, „Дочь каторжника“, „Убійца купеческая дочь Осипова“, „Кандалы“, „Преступница“, „Лѣсной бродяга“, „Два подростка“, „Двѣ сиротки“, „Жена убійцы“, „Война Японіи съ Китаемъ“ и 32 другихъ въ этомъ же родѣ драмъ и водевилей...

«Контрабандисты», „Сибирскій Риголлето“, и „Проказы Черта въ г. Тюмени“ дали сборы свыше 100 рублей. Успѣхъ „Контрабандистовъ“ въ матеріальномъ отношеніи находился, разумѣется, въ зависимости отъ общей рекламы, преподнесенной этой пьесѣ русской прессой. Каждый изъ тюменцевъ, — разумѣемъ большинство, — шелъ въ театръ не столько пьесу смотрѣть, сколько быть очевидцемъ ожидавшагося скандала. Но, къ чести тюменцевъ, пьеса прошла при образцовомъ порядкѣ, причиной чему отчасти былъ и усиленный нарядъ полиціи, рассчитанный, — по выраженію корреспондента „Сиб. Вѣстника“, — изъ $\frac{3}{4}$ полицейскихъ чиновъ на одного еврея, включая сюда и евреевъ груднаго возраста. „Сибирскимъ Риголлето“ интересовалась, главнымъ образомъ, мѣстная интеллигенція. Авторъ пьесы Лухманова одно время жила въ Тюмени и, какъ будто, фабулу для своей пьесы взяла изъ мѣстной жизни «недавняго прошлаго». Пьеса сама по себѣ не дала цѣльнаго впечатлѣнія и не затронула ничего изъ мѣстной жизни, кромѣ развѣ — вскользь — переселенческаго вопроса. Несомнѣнно, пьеса имѣла-бы большій успѣхъ, если-бы г. режиссеръ былъ нѣсколько осмотрительнѣе въ своихъ ремаркахъ.

„Чертъ въ г. Тюмени и его проказы“, поставленный въ день 25 лѣтняго юбилея артиста Дмитріева-Волынскаго, былъ настолько широко рекламированъ и такъ „разжигающе“ разрисованъ по актамъ, что навѣрное даже самый завзятый пессимистъ на время измѣнилъ-бы своимъ возрѣніямъ и, соблазненный рекламой, устремился въ театръ... Пьеса въ дѣйствительности сказалась ниже всякой критики и вызвала порицаніе посѣтившей спектакль публики. Вообще, г. Любовь не стѣснялся рекламировать пьесы; но, исходя изъ того положенія, что всякій человѣкъ кушать хочетъ, ему это можно не ставить въ особенную вину. Вначалѣ сезона онъ пробовалъ ставить серьезныя

пієсы, но публика туго поспішала театр; на безсодержательныя-же и громко рекламированныя „повалила валом“.

Изъ исполнителей особеннымъ успѣхомъ пользовались, игравшіе всегда осмысленно, вдумчиво, отличавшіеся добросовѣстностью и знаніемъ сцены, г-жи Токарева, Евгеньева, Азарьевская, Клименко, Хрущева и Селиванова и г.г. Дорошевичъ, Шамардинъ, Либаковъ Ильинскій, Камскій, Лисовъ и Борисовъ.

Г. Любовъ, очевидно, не подалъ средствъ и далъ тюменцамъ труппу, которая смѣло могла-бы удовлетворить публику и болѣе культурнаго города, чѣмъ наша Тюмень.

Г. Н. К—скій.

II.

Въ Томскѣ.

Въ Томскѣ въ теченіе лѣта текущаго 1901 года фигурировали двѣ драматическихъ труппы—**Брагина** и малорусская подъ управленіемъ **Фигнера-Бурлаченко**, оставшаяся и на зимній сезонъ и продолжающая давать спектакли въ театрѣ И. Г. Горланова. О силахъ труппы Брагина мы уже давали краткій отчетъ въ одной изъ предыдущихъ книжекъ нашего жуунала. Относительно малорусской труппы отмѣтимъ, что въ составѣ ея есть не дюжинныя силы, какъ Н. М. **Кочубей-Дебановская** и г. **Левитскій**.

Малорусскіе спектакли проходятъ иногда съ недурными ансамблемъ и привлекаютъ не мало публики.

Въ театрѣ Королева съ конца сентября даетъ спектакли драматическая труппа Л. М. **Богдановичъ-Самойловой**. Труппа по составу—большая. Выдающимися силами въ ней слѣдуетъ признать г-жу **Пояркову**, артистку, не лишенную огонька, ведущую роли всегда осмысленно, съ проблесками истиннаго чувства, и **Марченко**, —бойкую живую исполнительницу,—и г. **Абрамова** и, отчасти, **Нерадовскаго**. Былъ еще въ труппѣ хорошій умный актеръ г. **Дубецкій**, но онъ, почему-то, въ началѣ октября изъ ея состава вышелъ.

Спектакли какъ въ театрѣ Горланова, такъ и Королева, ставятся отъ 5 до 6 разъ въ недѣлю. Труппа Королевскаго театра, кромѣ того, разъ въ недѣлю даетъ спектакли въ залѣ общественаго собранія, усердно посѣщаемые членами и ихъ семьями. Въ театрѣ Королева, пока, сборы небольшіе. Причиною этого отчасти являлась дурная погода, а отчасти—и изобиліе развлеченій въ Томскѣ; такъ какъ здѣсь, кромѣ театровъ Гор-

ланова и Королева, даются спектакли при участіи любителей еще въ зданіи бесплатной народной библіютоки и, слѣдовательно, нѣтъ почти дня въ недѣлѣ, чтобы развлеченія не предлагались публики въ двухъ, а часто и въ трехъ мѣстахъ одновременно. Поэтому публика постоянно раздѣляется и полные сборы являются рѣдкимъ исключеніемъ. Нельзя сказать, наконецъ, чтобы любовь къ сценическому искусству была развита въ Томскѣ среди всѣхъ классовъ общества. Есть еще много такихъ лицъ, которые, не смотря на то, что занимаютъ довольно видное положеніе въ мѣстномъ обществѣ, никогда почти не посѣщаютъ театра. Затѣмъ, въ Томскѣ, въ зимніе сезоны, часто наѣзжаютъ служители болѣе примитивныхъ зрѣлищъ: акробаты, звѣринцы съ учеными и неучеными животными и т. п. Охотниковъ на послѣдняго рода зрѣлища находится, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ для театра, и они, эти зрѣлища, несомнѣнно, отвлекаютъ зрителей отъ храма Мельпомены, который поэтому иногда совершенно пустуетъ, и спектакли проходятъ при трехъ—четыре-хъ десяткахъ платной публики и даютъ ничтожные сборы, далеко не окупающіе, случается, вечеровыхъ расходовъ...

...Спектакли труппы Богдановичъ-Самойловой,—слѣдуетъ это признать,—не всегда удачны по исполненію. Страдаетъ, главнымъ образомъ, ансамбль; кромѣ того, артисты часто ударяются въ шаржъ и изъ комическихъ ролей дѣлается карриатура и даже балаганщина. Но выдаются спектакли, исполненіе которыхъ вполне удовлетворительное, а мѣстами и безусловно хорошее.

Такъ, весьма не дурно прошелъ спектакль 1 октября, въ которомъ была поставлена впервые шедшая въ Томскѣ драма въ 5 дѣйствіяхъ Е. Владиміровой „Безправная“. Особенно хороша въ этой пьесѣ была г-жа **Пояркова**. Но еще удачнѣе сошелъ спектакль съ пьесой, отчасти обстановочнаго характера, „Сынъ Императора Донъ Жуанъ Австрійскій“. Здѣсь превосходно провелъ роль Карла V-го г. **Абрамовъ**, былъ хорошъ въ роли короля Филиппа г. **Дубецкій** и недуренъ въ заглавной роли г. **Нерадовскій**. Изъ женскаго персонала выдѣлилась, опять-таки, г-жа **Пояркова** въ роли еврейки Сары, считавшейся христіанкой, а въ дѣйствительности—продолжавшей исповѣдывать въ тайнѣ іудейскую религію.

Вообще, очевидно, что труппа Богдановичъ-Самойловой можетъ при тщательной постановкѣ пьесъ, умѣломъ распредѣленіи ролей и срепетовкѣ, дать удовлетворительное исполненіе и доставить публикѣ эстетическое наслажденіе. Но труппа, пока, еще видимо, не успѣла сыгратъ и режиссерская часть въ ней часто страдаетъ именно отъ неудачнаго распредѣленія ролей.

Есть изъ участвующихъ въ труппѣ, которые до сихъ поръ (когда я пишу эти строки—труппа уже фигурируетъ около трехъ